
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Домой на час раньше.
Фото К. Толстикова.

С Всесоюзной выставки фотоискусства.

На последней странице обложки: Выступают фигуристы Нина и Станислав Жук.
Фото М. Боташева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 10 (1707)
6 МАРТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

И В ТРУДЕ И В УЧЕБЕ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ!
КОМСОМОЛКА ЗОЯ КАРПОВА РУКОВОДИТ БРИГАДОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА МОТОРО-СБОРОЧНОГО ЦЕХА НА МОСКОВСКОМ ЗАВОДЕ ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА. ОДНОВРЕМЕННО ОНА УСПЕШНО УЧИТСЯ НА 5-М КУРСЕ ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА.

Фото И. Тункеля.

Большой, светлый зал во дворце Богора в шестидесяти километрах от Джакарты. В открытые окна льются пряные ароматы тропического леса. Зеленые толпы исполинских деревьев обступили белое здание с колоннами. Только что кончился ливень, и на цветах орхидей еще висят алмазные росинки капель. В зал входят Никита Сергеевич Хрущев и Президент Сукарно. И тотчас добрая сотня объективов нацелилась на небольшой стол, за который сели глава Советского правительства и Президент. Корреспонденты спешат запечатлеть важное историческое событие: подписание Совместного заявления и Соглашений между правительствами СССР и Индонезии. Здесь представители всевозможных крупных газет, журналов, агентств, кино- и радиокорпораций со всего мира. Визит Никиты Сергеевича Хрущева в страны Азии всеми признан событием № 1 в текущих делах сегодняшнего дня. И корреспонденты, прибывшие сюда со всех концов земли, трудятся в поте лица в буквальном (стоит свирепая жара) и переносном смысле. Каждый шаг Никиты Сергеевича фиксируется на пленку, каждое слово тотчас разносится на все континенты, во все уголки земли.

Никита Сергеевич Хрущев надел очки. Он быстро подписал документы и смотрит на Президента, который выводит свое имя рядом. Подписанием этих документов подводится итог двенадцатидневного пребывания главы Советского правительства в дружеской Индонезии...

Остров Бали был самой далекой точкой в южном полушарии, которое посетил Никита Сергеевич Хрущев. Теперь путь уже лежит на север — через знойную Джакарту в шумную Калькутту, в соседний дружественный Афганистан, ближе к пределам родного отечества.

Н. С. Хрущев и Президент Сукарно посетили выставку народных ремесел в Джокьякарте.

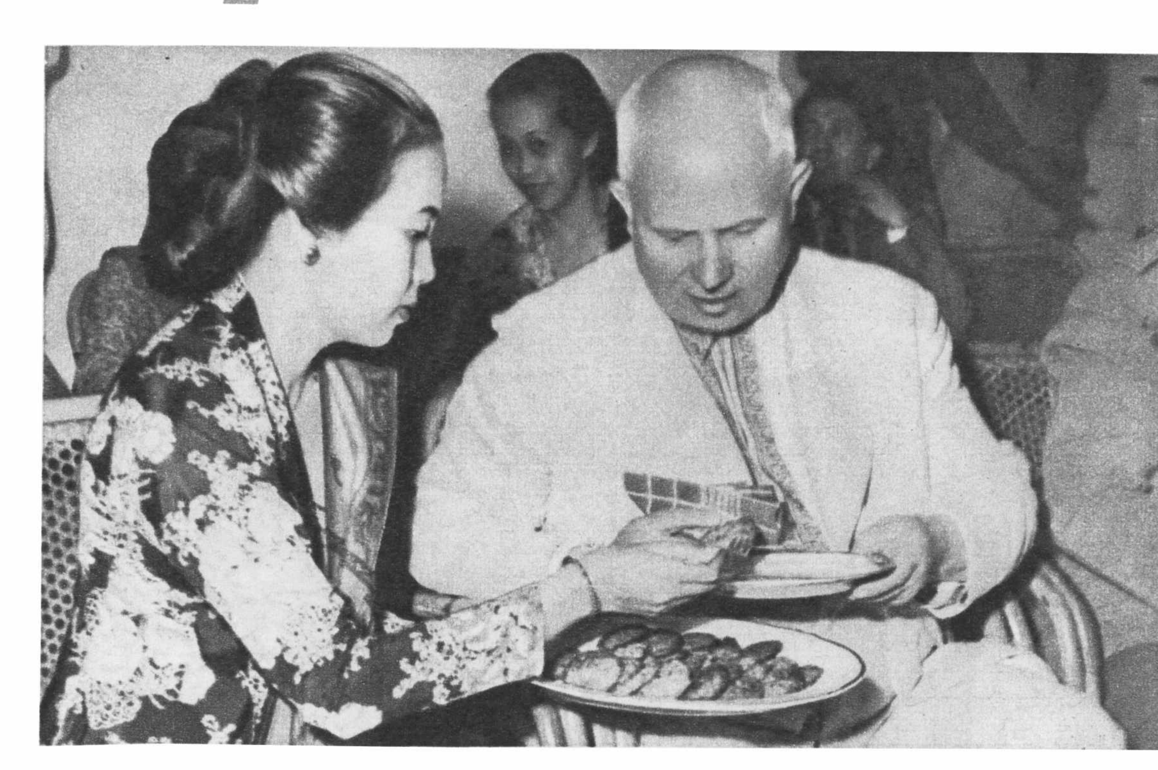
КУЗНЕЦ МИРА

В Совместном заявлении говорится: «Повсюду Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица встречали гостеприимство и проявление дружеских чувств индонезийского народа».

Сколько стоит за этой скупой фразой живых человеческих улыбок, блестящих глаз, неподдельного энтузиазма миллионов жителей индонезийских островов, цветами и овациями встречавших советских гостей!

Длинная вереница машин мчится по дороге, врезанной в крутые бока гор. Путь из Богора в Бандунг проходит мимо вершин погасших и действующих вулканов. Горы поросли буйной тропической растительностью и кажутся закутанными в зеленый каракуль. Здесь на каждом клочке земли можно увидеть тысячи всевозможных представителей тропической флоры. Как серые колонны, стоят гигантские, высотой в полсотни метров стволы россамали, растет бамбук, стебли которого похожи на струи большого фонтана, легко покачиваются стройные красавицы пальмы. А внизу под нами клубятся папоротники, кустарники, заросли дикого банана. Там, в глубине, царит вечный полумрак тропического леса.

Но пейзаж Явы — это не только джунгли. Террасами, как уступы зеркальной лестницы,

Н. С. Хрущев и супруга Президента Сукарно.

КУЗНЕЦ МИРА

— Да здравствует Хрущев!

ГДЕ ДРУЖБА — ТАМ И МИР!

спускаются по склонам залитые водой рисовые поля. Стоят рощи хинных деревьев. Индонезия — основной производитель этого ценного лекарственного вещества, страна каучуконосов, знаменитого яванского чая и табака, кофе и какао. А люди, чьим трудом дикие джунгли превращаются в плодородные нивы и плантации, стоят сейчас вдоль дороги почти непрерывными плотными шпалерами. В руках — советские и индонезийские флажки, которые трепещут в воздухе, как веселый рой бабочек.

«Йе! Йе!» Звонкие и протяжные возгласы несутся вдогонку машинам. Так индонезийцы выражают свою радость, и горы вторят им многоголосым эхо. Головная машина, в которой находятся Никита Сергеевич Хрущев и Президент Сукарно, с большим трудом продвигается сквозь толпу возбужденных, восторженных людей. Ливень живых цветов сыплется на машину, и шофер то и дело вынужден включать стеклоочистители, чтобы видеть дорогу. Иногда приходится и вовсе останавливаться. Однажды неподалеку от городка Чипанас произошла такая остановка. В хоре приветственных голосов я различил знакомые слова. В переднем ряду стоял человек в широкой, как зонт, шляпе, сплетенной из пальмовых листьев, и скандировал по-русски: «Мир — дружба!», «Мир — дружба!»

— Где вы научились говорить по-русски?

Человек смутился: он не понимал вопроса. Заглянув в бумагу, он произнес: «Добре пожалоси!» И лишь с помощью переводчика мы смогли объясниться.

Кузнец Чаюс, так звали моего собеседника, живет неподалеку, в деревне. Когда он прослышал о том, что здесь проедет высокий гость из Страны Советов, он захотел приветствовать его особенно торжественно, чтобы гость заметил и ему было приятно. Вначале он хотел выковать изображение серпа и молота, как на советском флаге, но, подумав, от этой идеи отказался. Что такое молот, он знал хорошо, но вот серп его смущал. Кроме того, знак могли и не заметить в толпе встречающих, хоть подними его на самый высокий бамбуковый шест. Как же приветствовать гостя? Нужно сказать самые лучшие слова на его родном языке! Это будет хорошо. Чаюс сел в проходивший мимо грузовик и поехал в Бан-

На снимках справа (сверху вниз):

Большой праздник состоялся в городе Денпасаре на острове Бали во время пребывания там Н. С. Хрущева.

Народные танцы.

На дорогах Индонезии.

Университет Гаджа Мада в Джокьякарте. Встреча с молодой Индонезией.

КУЗНЕЦ МИРА

дунг. Там живет его приятель. У того есть сын Кашан, он был в Москве, на молодежном фестивале. Надо думать, он знает, какие слова следует сказать гостю, чтобы ему было приятно. Чаюс дождался, когда вернулся с работы юноша, и изложил ему свою просьбу. В результате разговора на листке бумаги появилась надпись латинскими буквами: «Добро пожаловать, друг Хрущев!», «Мир — дружба!». Однако первую фразу кузнецу заучить было трудно. И он во всю силу своего голоса скандировал вторую:

— Мир — дружба! Мир — дружба!

Где дружба — там всегда и мир.

— Это правда, что он был простым рабочим? — спросил кузнец и, получив подтверждение, добавил: — Значит, мы от одного корня. Он говорит то, что хочет сказать каждый из нас.

— Вчера мы слушали по радио речь его превосходительства Никиты Хрущева,— вступил в разговор учитель, стоявший во главе длинной шеренги шумных, веселых учеников, похожих на стаю галчат.— У радиоприемника собралось много людей, и все, кто слушал, восклицали: «Правильно, хорошо!» Господин премьер говорил о том, о чем мы все думали: о мире, о пути к процветающей и независимой Индонезии. Хорошо иметь такого искреннего друга!

— Я думаю, что он и сейчас рабочий, кузнец,— сказал Чаюс.

— Почему кузнец?

— Он ведь кует мир на земле...

Колонна машин двинулась дальше. Мимо снова замелькали улыбающиеся лица, цветы и флаги, зазвенели приветственные возгласы в честь дорогого гостя и друга.

Спустя короткое время после разговора с кузнецом мы увидели Никиту Сергеевича Хрущева вместе с президентом Сукарно в саду, окружающем дворец в Чипанасе, где была короткая остановка для отдыха. Слегка щурясь от солнца, Никита Сергеевич Хрущев любовался яркой растительностью щедрой яванской земли. За время поездки он часто повторял, что не видел страны более красивой, чем Индонезия.

Долго он говорил о чудесных условиях для земледелия, о несметных богатствах недр, хотя еще и слабо изученных. Когда республика полностью освободится от колониального гнета, разовьет свои ресурсы, она станет очень богатой страной.

— Я не завидую, я радуюсь этому, как друг, как брат индонезийского народа,— сказал он.

...Стадион в Сурабае. Все трибуны и поле густо забиты народом. Рабочий стекольного завода рассказал мне утром следующего дня, что он пришел на стадион за четыре часа до начала митинга: хотел поближе стоять к трибуне, но вообще едва-едва мог втиснуться на переполненное поле.

На специально сооруженной трибуне, увитой цветами, появились Никита Сергеевич Хрущев и доктор Сукарно. Тысячи рук взметнулись вверх, тысячи голосов закричали: «Да здравствует Хрущев!» Русское «ура» разнеслось над стадионом и покатилось дальше, за его стены, на прилегающие улицы, где собрались тысячи людей, которые не смогли попасть на митинг. Люди вскинули руки навстречу гостю, но опустить их не могут: так тесно они стоят. Люди положили руки друг другу на плечи, и тысячи их как бы обнялись под жаркими лучами свирепого солнца.

— Вот перед вами стоит наш дорогой гость, человек, как все мы,— сказал президент Сукарно.

И это чувствовал каждый, кто слышал речь Никиты Сергеевича. Он говорил о том, что сейчас волнует простого человека, выражал его думы и надежды. Поэтому так горячо реагировали на его слова, поэтому так трогали они сердца людей. Его голосом говорил могучий советский народ, бескорыстный и честный друг молодой Республики Индонезии:

...Во дворце Богора подписаны документы. Подошел к концу визит дружбы посланца народов Советского Союза в братскую страну. И будущие историки отметят это событие как новый шаг к всеобщему миру и благу человечества.

Сейчас, когда пишутся эти строки, самолет уже снова пересек экватор и летит на север над знойным Индийским океаном. И каждый навсегда унесет с собой память о чудесной земле Индонезии, о гостеприимном и трудолюбивом народе, его пленительных танцах и песнях, его доброй душе.

Позади большой путь — тысячи километров в самолетах и на машинах по индонезийским островам, дни, плотно заполненные встречами, беседами, митингами, концертами. И когда вечерами видавшие виды журналисты, сопровождавшие главу Советского правительства, валились с ног от усталости, за окнами резиденции Никиты Сергеевича Хрущева еще долго горел свет. Никита Сергеевич созывал своих помощников и, садясь к столу, говорил:

— Ну, давайте поработаем.

Ник. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Д. КРИСТОФЕРУ НРАВИТСЯ МОСКВА

Д. Кристофер (справа) вручил председателю Моссовета Н. Бобровникову знамя города Сан-Франциско.

«Хороши города Соединенных Штатов Америки, которые я посетил, но Сан-Франциско лучше всех»,— так сказал Н. С. Хрущев во время поездки по США.

— Мы гордимся этой высокой оценкой, и двое суток, проведенных премьером Хрущевым среди нас, долго не забудут мои сограждане,— сказал гостящий в Советском Союзе мэр города Сан-Франциско Джордж В. Кристофер.— Я вспоминаю слова мистера Хрущева, обращенные ко всем жителям Сан-Франциско: «Милости просим, приезжайте к нам в Советский Союз, приезжайте в нашу Москву. Посмотрите на нашу страну, может быть, вам она тоже понравится».

Я пробыл в Москве пока лишь несколько дней. Трудно выразить, до чего мне понравился этот величественный, благоустроенный город. Как мэр, я очень заинтересовался масштабами жилищного строительства и могу сказать, что завидую возможности прокладывать столь широкие улицы.

— Нельзя ли применить этот московский опыт в Сан-Франциско?

— Увы, это невозможно. мы встретили бы сопротивление домовладельцев,— ответил Д. Кристофер.— С некоторыми другими достижениями Москвы — очисткой города, регулированием движения — я постараюсь познакомиться более детально, этот опыт может быть воспринят и у нас. Но самое главное, к чему я готовлюсь и ради чего прибыли мы вместе с женой, моими помощниками и корреспондентами калифорнийской прессы,— это встреча с премьер-министром Никитой Сергеевичем Хрущевым, нашим недавним гостем, которому я, как и все мои сограждане, искренне желаю успеха в его неустанных мирных устремлениях.

Д. Кристофер с супругой.

Г. ГЕРОНСКИЙ

Фото А. Новикова.

ЭТИ ФИЛЬМЫ УВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

Продолжается обмен кинокартинами между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, предусмотренный планом культурного сотрудничества.

Американские кинокомпании отобрали семь советских фильмов: «Летят журавли», первую серию «Тихого Дона», «Идиот», «Дон-Кихот», «Лебединое озеро», «Отелло» и «Артисты цирка».

Советским зрителям, кроме уже вышедшего на экраны фильма «Марти», будут показаны «Великий Карузо», «Рапсодия», «Человек 1000 лиц», «Старик и море», «Оклахома», «Лили», «Римские каникулы», «Седьмое путешествие Синдбада»...

Цветной фильм «Великий Карузо» построен на биографии знаменитого итальянского певца. Фильм «Рапсодия» рассказывает о судьбах двух друзей — скрипача Поля Бронте и пианиста Джеймса Гест. В картине исполняются произведения П. Чайковского и С. Рахманинова.

Действие фильма «Лили» происходит в небольшом французском городке, в передвижном театре кукол. Удачной экранизацией популярной у нас повести Хемингуэя является фильм «Старик и море».

Среди фильмов, которые мы увидим, два широкоэкранных: оперетта «Оклахома» и биографическая повесть американского актера немого кино «Человек 1000 лиц».

Кадр из фильма «Старик и море».

СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ...

В документальном фильме-концерте «Поет Ив Монтан» есть кадры, когда французского певца принимают в своем Дворце московские ремесленники. Детский голос старательно и задушевно выводит по-французски: «И сокращаются большие расстояния, когда поет далекий друг...»

Да, песня сокращает расстояния между странами, искусство сближает их.

Об этом пишут посетители в книге отзывов Музея изобразительного искусства имени Пушкина, где экспонируется выставка картин Парижского музея Жакмар — Андрэ, об этом думают зрители, выходя из кинотеатра «Метрополь» после просмотра французского фильма «Папа, мама, моя жена и я», который идет здесь в оригинале, без дублирования. Об этом говорили парижане, восторженно рукоплеща Улановой за исполнение заглавной партии во французском балете «Жизель»...

С каждым днем растут культурные связи Советского Союза с Францией.

В концертных залах звучат мелодии французских композиторов, их исполняют наши лучшие музыканты и певцы.

Министерство культуры СССР проводит множество мероприятий по культурным связям с Францией.

Тут и гастроли во Франции Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, и торжественная премьера в Лужниках фильма совместного производства «Нормандия — Неман», и широкая демонстрация на экранах французских картин, а также наших документальных, рассказывающих о Франции, обмен выставками и гастролями.

Открываются выставки произведений французских художников, — а надо сказать, что наши музеи обладают великолепной коллекцией французских картин.

На русском языке выходит много французской литературы, как художественной, так и научной: достаточно сказать, что в проспектах изданий этого года более 50 имен. Вскоре выйдет 2-й том мемуаров де Голля, с большим интересом ожидаемый советским читателем.

Расстояние от СССР до Франции явно становится короче...

И. СЕМЕНОВА

Кадр из фильма «Нормандия — Неман».

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ АВТОПРОБЕГ

← Грузовой автомобиль «АМО Ф-15». 1924 год.

Юркие «Москвичи», известные всему миру «Победы», стройные, быстрые «Волги», комфортабельные «ЗИЛы» и вместительные автобусы, грузовые автомобили самых различных марок — мощный парк советских машин.

Что только не подсчитали статистики! Вот, например, в одном из справочников можно прочитать, что на площадях Москвы: Маяковского, Восстания, Зубовской и некоторых других — с 8 до 18 часов проходит за каждую минуту больше 100 машин.

Когда же на улицах города появился первый советский автомобиль и кто был его создателем?

Попытки организовать собственное автомобилестроение предпринимались еще в царской России, особенно в годы первой мировой войны, когда фронт требовал механических средств передвижения. В 1916 году началось строительство нескольких автомобильных заводов, однако вплоть до Октябрьской революции они не смогли приступить к производству автомобилей. С 1918 года все советское автостроение решено было сосредоточить на заводе бывшем Лебедева в Ярославле (ныне Ярославский автомобильный завод), московском заводе «АМО» (заводе имени Лихачева). Наиболее приспособленным к самостоятельному производству автомобилей был завод «АМО». Но начавшаяся гражданская война и сопутствующая ей экономическая разруха помешали коллективу завода освоить это новое в стране производство.

Только в 1924 году завод смог приступить к решению поставленной перед ним задачи. А задача была очень сложной. В стране почти полностью отсутствовало производство необходимых для автомобилестроения материалов. Заводу «АМО» пришлось организовать собственными силами производство почти всех деталей автомашин. К концу 1924 года самоотверженный труд рабочих и инженеров завода увенчался успехом. Были созданы десять полуторатонных грузовиков марки «АМО Ф-15».

7 ноября 1924 года их впервые можно было увидеть на улицах Москвы, они двигались в колоннах рабочей демонстрации на Красную площадь.

Вскоре после Октябрьских торжеств для всестороннего испытания автомобилей был организован пробег по маршруту Москва — Ленинград — Псков — Витебск — Смоленск — Москва.

Пробег первых советских автомобилей превратился в триумфальное шествие советской техники. Всюду, где проходили машины, толпы людей приветствовали участников похода. В Ленинграде встреча московской автоколонны стала настоящим праздником.

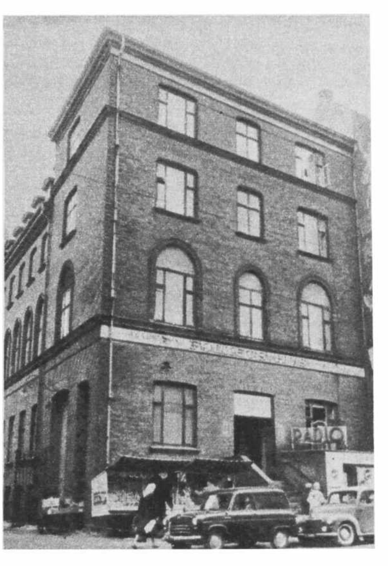
Автомобили вернулись в Москву. Когда машины приблизились к Серпуховской заставе, их встретил оркестр, исполнивший «Интернационал». На Красной площади машины финишировали.

Результаты пробега оказались блестящими. Весь маршрут был пройден без единого недочета и повреждения. По заключению технической комиссии, первые советские автомобили показали редкую надежность, выносливость и экономичность, отличные динамические качества и хорошую приспособленность к условиям различных дорог. Таких результатов не имели ни один из испытывавшихся у нас в разное время грузовых автомобилей иностранных фирм.

Так тридцать пять лет тому назад трудовой героизм рабочих завода «АМО» положил начало новой отрасли тяжелой промышленности в нашей стране — советскому автомобилестроению.

В. ПОЛЕТАЕВ, Ф. ШАРОНОВ

Привет славным труженицам мира!

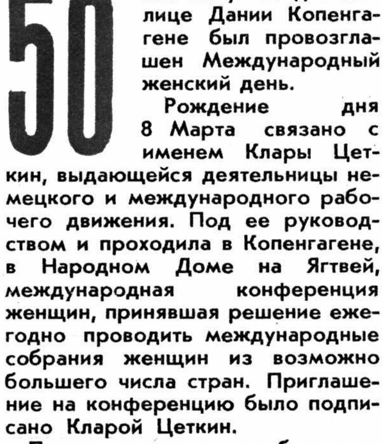

Народный Дом, в котором проходила женская конференция в 1910 году.

1910—1960

Эстер БРИНК,

член Всемирного Совета Мира

50 лет тому назад в столице Дании Копенгагене был провозглашен Международный женский день.

Рождение дня 8 Марта связано с именем Клары Цеткин, выдающейся деятельницы немецкого и международного рабочего движения. Под ее руководством и проходила в Копенгагене, в Народном Доме на Ягтвей, международная конференция женщин, принявшая решение ежегодно проводить международные собрания женщин из возможно большего числа стран. Приглашение на конференцию было подписано Кларой Цеткин.

Пресса не уделила особого внимания этому событию. Женский вопрос тогда, как и теперь в кругах буржуазии, был непопулярен. Но Клара Цеткин, человек высокого ума и огромной воли, не интересовалась тем, что популярно. Она была душой женской конференции в Копенгагене, она же организовала первую международную женскую конференцию против империалистической мировой войны, состоявшуюся в Швейцарии, в Берне, в 1915 году. Высылки, тюрьмы, нужда — ничто не могло остановить Клару Цеткин в борьбе за лучшую жизнь для трудящихся женщин.

В женской конференции 1910 года принимали участие представительницы 17 стран. Вряд ли существует точный список участниц конференции. Среди делегатов Дании были Нина Банг, позже ставшая первой женщиной — министром просвещения в Дании, Генриетте Кроне — типограф, член городского муниципалитета Копенгагена, Камилла Нильсон — позже также член копенгагенского муниципалитета.

Во время конференции было устроено открытое собрание, на котором среди других выступала Александра Коллонтай, впоследствии посол Советского Союза в скандинавских странах.

Датская газета «Политикен», которая тогда была радикальной, свободомыслящей, антимилитаристской, а теперь стала органом, прославляющим НАТО, писала:

«На трибуну поднялась мадемуазель Коллонтай из Санкт-Петербурга, стройная, темноволосая, с лицом, на которое испытания революции наложили отпечаток суровой серьезности. Ее глаза горели, привлекая к себе все взгляды. Один жест — и вот в словах ее запылал огонь революционного восторга, она зажигала всех присутствующих своим волнующим пафосом, своей неуемной энергией, своей великой страстью...

Когда она кончила,— свидетельствует газета,— раздались такие бурные овации, словно рушился царский трон; на прекрасном лице молодой женщины, горевшем энтузиазмом, появилась улыбка, такая чудесная, как солнце свободы,

АЛЕКСАНДРА АРТЮХИНА: ТАК МЫ ВПЕРВЫЕ ПРАЗД

Александра Васильевна Артюхина — член Коммунистической партии с 1910 года. Она принимала участие в организации первого празднования Международного женского дня в России. Наш корреспондент попросил ее поделиться с читателями «Огонька» своими воспоминаниями.

Впервые о Международном женском дне я услышала в конце 1910 года. Тогда я работала ткачихой в Петербурге, состояла в «Союзе по обработке волокнистых веществ» — так в то время назывался профсоюз питерских текстильщиков. Союз объединял более двухсот тысяч человек, но среди них было не более двухсот женщин. Тем не менее на Второй международной конференции женщин-социалисток, которая в 1910 году проходила в Копенгагене, присутствовала наша делегатка — Александра Михайловна Коллонтай. Она представляла женщин двух петербургских профсоюзов — нашего и швейников («Игла»).

Там и было решено учредить Международный женский день. Организовать празднование 8 Марта было чрезвычайно трудно. Над царской Россией свинцовой тучей нависла жесточайшая реакция, полицейский произвол.

Я была записана в «черный список» и на текстильных предприятиях Петербурга не могла получить никакой работы. В конце концов устроилась чернорабочей на завод «Айваз». Он принадлежал иностранцам, и администрация не особенно интересовалась политическими взглядами русских рабочих.

На «Айвазе» было немало большевиков. Работал здесь и Михаил Иванович Калинин, член Русского бюро ЦК РСДРП(б). Он организовал на заводе женский кружок, в котором знакомил работниц с задачами социалистической революции. Я тоже была в этом кружке. Училась усердно: ведь образование у меня было тогда невелико. Занимались с нами опытные работники партии: П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлова, сестра Ленина — А. И. Елизарова.

В 1913 году в Петербурге состоялось первое празднование 8 Марта. Полиция категорически запретила всякие митинги, демон-

1959 год. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручает орден Ленина А. В. Артюхиной.

Фото А. Гостева.

во имя которой русский народ истекает кровью и за которую он борется...»

Женская конференция 1910 года приняла две резолюции. Одна гласила, что женщины ежегодно в согласии с классово-сознательными политическими и профсоюзными организациями будут проводить женский день, цель которого в первую очередь агитация за избирательные права женщин. В другой подтверждалась решимость женщин бороться против войны.

Полувековой борьбе женщин за свои права будет посвящен большой женский конгресс, который состоится в Копенгагене 21—24 апреля этого года. Инициативный комитет по проведению юбилея решил, что 1 000—1 500 делегаток будут приглашены без какой бы то ни было дискриминации, независимо от цвета кожи, верований и политических убеждений. Конгресс явится свидетельством солидарности женщин в борьбе за освобождение и равноправие с мужчинами во всех областях общественной жизни.

Не приходится сомневаться, что что из ста женщин в любой стране мира желают сохранить жизнь своим детям. Женщина — могучая сила нашей современности, она сможет помешать новой войне.

Эту надежду и этот благородный идеал участницы конгресса увезут с собой во все уголки мира.

Копенгаген, февраль 1960.

В инициативном Комитете по проведению конгресса к 50-летию дня 8 Марта. Слева направо: Эжени Коттон (Франция), София Васильковская (Польша), Эстер Бринк и Анна Вестергор (Дания).

НОВАЛИ ЭТОТ ДЕНЬ

страции; разрешено было только провести «научное утро по женскому вопросу» в помещении Калашниковой биржи.

Хорошо помню объявление об этом «утре», напечатанное на видном месте в газете «Правда». Там же были опубликованы статьи и рассказы о положении трудящихся женщин в России. В день 8 Марта, задолго до назначенного часа, к Калашниковой бирже шли работницы многочисленных питерских заводов и фабрик. Вскоре раздался цокот копыт по булыжной мостовой — туда же направлялись отряды конной полиции.

«Научное утро по женскому вопросу» прошло по плану, разработанному Петербургским комитетом большевиков.

В переполненном зале выступали докладчики. Особенно запомнилось выступление Шуры Алексеевой о тяжелом положении работниц на заводах и фабриках, о том, что их заставляют работать по восемнадцати часов в день. Шура говорила горячо, убедительно.

Вечером Шуру Алексееву арестовали.

Женщины всей страны откликнулись на празднование 8 Марта в Петербурге. «Правда» тогда печатала много писем из разных городов страны. Работницы слали привет питерским женщинам, отметившим день 8 Марта.

В памяти осталось и второе в России празднование женского дня — в 1914 году. Я была в комиссии по организации празднования, должна была выступать с докладом перед работницами.

Накануне 8 Марта я возвращалась с последнего заседания комиссии. Вечер был удивительно приятный. Шел крупный снег, а с залива тянул ветерок, уже пахнущий весной. На душе было радостно. В таком настроении я пришла домой и только хотела еще раз прочитать написанный доклад, как в дверь сильно застучали. Нагрянула полиция.

В ту ночь были арестованы почти все члены нашей комиссии.

Условия в тюрьме были очень суровые. Но мы не сдались и в Международный женский день пели революционные песни. А самым радостным было то, что, несмотря на наши аресты, 8 Марта в Петербурге было широко отмечено. Состоялись митинги и собрания работниц. Вместо нас с речами выступали товарищи, оставшиеся на свободе.

НАСТУПАТЬ, ТОЛЬКО НАСТУПАТЬ!

В ДЕРЕВНЕ АНДРЕЕВКЕ ЖДУТ БОЕВЫХ ПРОПАГАНДИСТОВ

В одно чудесное майское утро — а чудесным оно было потому, что в это утро произошло «чудо»,— все девять учителей Андреевской семилетней школы Колпнянского района, Орловской области, собрались в учительской. До начала экзамена по физике оставалось ровно пятнадцать минут.

— Что-то не торопятся наши выпускники, — забеспокоилась директор школы А. В. Медведева. — Уж не случилось ли чего?

— Сейчас явятся, — успокоила ее учительница А. И. Панютина. — Они у колодца, наверное. Попьют водички, успокоятся немного и прибегут.

Скоро на дороге появилась шумная ватага подростков, спешивших к школе. Лица у них были мокрые и возбужденно-таинственные.

...Проходил экзамен обычно. Ученики с замиранием сердца пытались вытянуть «счастливый билет». Не всегда это удавалось. И тогда они волновались, мучительно вспоминали забытые формулы, потели, терли лоб.

Как известно, предэкзаменационная психология школьников причудлива. Одни в ночь перед экзаменом учебник под подушку кладут, другие на пожелание «ни пуха ни пера» любого и каждого отсылают «к черту». А вот группа школьников Андреевки и окрестных деревень перед экзаменом бежит к святому колодцу, пьет водичку и бога поминает...

Обычно всевышний невнимательно относится к просьбам школьников, но Петьке, очевидно, удалось разжалобить даже бога. Бесхитростна и горяча была его молитва.

— Господи! — чуть не плакал он. — Пожалей меня! Сделай так, чтобы мне, Петьке, с первого по десятый билет достался! Не выучил я других билетов, не успел. Сотвори чудо, господи!..

На экзамене «рабу божьему» достался восьмой билет. И вот он бежит по коридору, оповещая всех друзей: «Чудо свершилось!»

А два с половиной месяца спустя к чудодейственному источнику, расположенному недалеко от Андреевки, пришли люди более взрослые. Были тут и попы из Орла и преклонных лет монашки из Курска, учителя и врачи из Дросковского и Малоархангельского районов, Орловской области.

— Попы и монашки — это понятно, этим сам бог велел верующих обманывать. А вот что делают у источника учителя? — полюбопытствовал кто-то из районного центра.

Оказалось, ничего особенного. Учителя просто слушали попов и монашек, которые рассказывали истории о Кирике и Улите. Ну, а в сельском клубе, что происходит там в эти часы?

...Уже близился вечер, но вопреки ожиданиям в клубе было темно.

— Похоже, что нет никого. Послушайте! — И гость остановил проходившую мимо колхозницу. — Когда у вас клуб откроется?

— А он навовсе закрыт.

— Давно?

— Да года три, считай. Как Савушкин — это председатель наш — засыпал его зерном, с той поры, стало быть, и закрыт.

— Где же вы кино смотрите?

— Летом, когда вёдро, на дворе, а зимой мы не смотрим, — простодушно сказала колхозница.

Было над чем призадуматься. Всего в районе числится двадцать семь действующих клубов, включая и андреевский. Неровен час, и другие уподобятся ему. А ведь именно они, клубы, как на это указывает ЦК КПСС в постановлении о пропаганде, должны стать подлинными центрами агитационно-пропагандистской работы.

Между тем сектанты не дремлют. Чтобы поставить свое дело на прочную финансовую основу, они создали так называемую «Букву» (богоугодную кассу взаимопомощи), куда каждый верующий стал вносить определенный процент заработной платы или пенсии.

Подсчитали, видят: не густо. Тогда в одно из воскресений на собрании общины заговорил самый красноречивый проповедник.

— Братья и сестры, — проникновенно начал он. — Протянем руку помощи заблудшим. Пусть каждый верующий на следующее собрание общины приведет с собой двух неверующих.

Вскоре в общине появились новички. В сети баптистов попался и хороший рабочий парень Ваня Галактионов. Привела его сюда любовь к симпатичной девушке-баптистке. Сначала он ходил на собрания, подчиняясь воле любимой. Затем его обвенчали. Но когда он попытался все-таки уйти от баптистов, ему пригрозили:

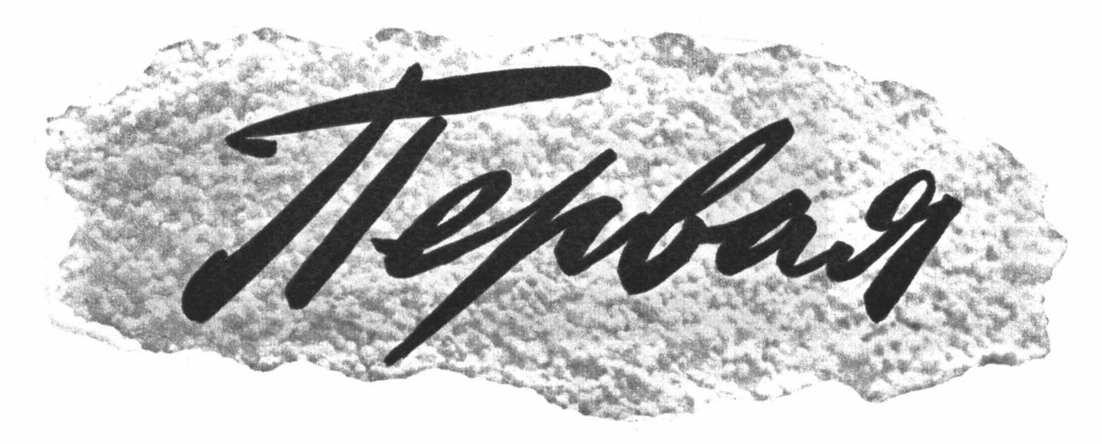
— Побойся бога, Ваня, не делай глупостей. Уйдешь из общины — навеки расстанешься с женой и с ребенком...

Ваня Галактионов работает на Орловском часовом заводе. И вот что оказывается: секретарь комсомольской организации на этом заводе Нина Патрихаличева сама когда-то была в общине евангельских христиан-баптистов. Теперь она вспоминает об этом с содроганием, как о чем-то далеком и мрачном. Ей в свое время повезло: повстречался Нине в жизни отзывчивый, умный человек, который не пожалел времени и сил, чтобы раскрыть девушке глаза на правду. Покончив навсегда с общиной, Нина много раз пыталась разъяснить искренне заблуждающимся «братьям и сестрам», почему она перестала верить в бога. Но бороться с проповедниками Нина не смогла. И обидно этой девушке, что не умеет еще она рассеять религиозный дурман, окутывающий сознание Вани Галактионова, его жены и других молодых баптистов. Но самое главное, не может понять Нина, почему так пассивны комсомольские активисты в Орле.

Есть такая статья в Конституции СССР, сто двадцать четвертая. В ней записано, что за всеми гражданами признается свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды. Так вот: первую часть этого положения часто цитируют, вторую же — увы! — забывают.

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» среди многих других требований есть и такое: необходимо вести непримиримую борьбу против еще встречающихся в нашей советской действительности пережитков прошлого, чуждых нашему строю явлений. Не должны забывать об этом требовании пропагандисты и агитаторы Орловщины.

М. ВЛАДИМИРОВ

МЕЧТЫ И РАДОСТИ ТУРСУНОЙ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Мелкий холодный дождь. Это значит, к вечеру пойдет снег. Снег полежит день, другой, а потом солнце растолкает рыхлые тучи и точно слижет снег с полей и дорог. Такая здесь зима. И вдруг неожиданно вспыхнет все вокруг ярким зеленым цветом. Весна здесь короткая. Зато лето долгое, знойное, пыльное.

А потом осень. Прекрасная осень Узбекистана. Рынки завалены фруктами, и хлопок, хлопок, хлопок...

* * *

— Послушай, Турсуной, сколько тебе лет?

— Только семь.

— Уже семь! Как быстро летит время!

«Странные люди эти соседи! — думает Турсуной.— Каждый день видят они меня. А сегодня спохватились: как быстро летит время!»

Семь лет. Разве это много? Ведь только сегодня ей дали в руки книжки, тетради и сказали: «Иди в школу».

Она ходила в школу с мальчишками. Она дружила с ними. Мальчишки не прогоняли ее. Потому что она дралась, как и они, и не жаловалась никогда. Они ходили в школу по Большому Узбекскому тракту. Их обгоняли машины. И они восторженно кричали им вслед. Шоферы не обращали на ребят никакого внимания. Но каждый, кто вел большую машину, кто держал в руках баранку так же просто, как они книжки, считался у ребят героем.

— Я буду водить машины!

— И я буду водить машины!

— Ты, Турсуной, девчонка. И ты никогда...

— Буду, буду, буду!..

И вдруг мальчишки отошли от нее, словно только сейчас осознав, что она девчонка. Они будут водить поезда и машины, а Турсуной никогда. Да им просто не по пути с ней.

В тот день она шла домой, шла одна и плакала.

Она всегда с обидой вспоминала тот день. И в первый раз подумала о нем очень спокойно, когда взяла кетмень и вышла в поле обрабатывать хлопок. Ей было четырнадцать лет. Да, так положено. На этих полях работает ее мать. Здесь будут работать ее сестры.

Они живут на станции Пахта, что означает хлопок. И они будут кланяться белым распустившимся бутонам, собирать их в фартуки. Хлопок — это их жизнь.

Турсуной и раньше видела машины, которые везли хлопок. Куда? Для всей страны. Турсуной нравились эти груженые машины; из мешков выглядывали белые пучки хлопка. Везут машины хлопок по Большому Узбекскому тракту. Ну и пусть себе везут! Но только тогда поняла она, что такое хлопок, когда взяла в руки кетмень.

...Поезда идут на Москву. Много поездов. Сюда, на поля, доносятся их долгие, протяжные гудки. И где-то там, в Москве, живет вот такая же девочка, как она, Турсуной. И, может быть, одежда у нее из того самого хлопка, который собрала здесь она, Турсуной.

И эта девочка разве что по учебникам знает, что такое хлопок. И, наверное, даже не слышала ничего про кетмень. А Турсуной хотелось бы рассказать, как осторожно моет она стертые руки после того, как поработала кетменем. А когда сбор хлопка! Кажется, нет утра, дня, ночи. Время проходит так быстро! Только болят спина и голова от палящего солнца.

Но это не жалоба. Совсем нет. Хлопок любят здесь с детства. Еще в младших классах школьники во время уборки расставляют ящики. Зачем? Если кто найдет хлопок на дороге, хоть маленькую щепоточку, обязательно положит в тот ящик. Бывают годы, когда хлопка столько, что его не успевают сушить и раскладывают прямо на большой дороге. Машины почтительно и осторожно объезжают его. А на полевых станах снежные горы.

...Идут поезда на Москву. Много поездов. Здесь, на полях, слышны их долгие, протяжные гудки. Турсуной хочется написать московской девочке. Но разве обо всем этом расскажешь?

Однажды Турсуной увидела огромные причудливые машины.

— Это новые машины. Они будут убирать хлопок,— пояснили ей.

— Сами?

А через несколько дней на полевом стане спорили хлопкоробы. Говорил старик:

— Машину пустили в поле, а что она наделала? Смяла и хлопок и листья в кашу. Бригадир как увидел, схватился за голову, убежал с поля. Как убирали руками, так и будем убирать.

— Говорят, дефоляцию надо проводить прямо с самолета, от листьев освобождаться.

— Чепуха все это,— вторили другие.— Слишком много отдаем мы хлопку. Весь год выращиваем его, а потом вот так погубить все машиной?

«Дефоляция» — что это такое? С самолета? Интересно»,— думает Турсуной. Она еще ничего не понимает, хотя ей тоже хочется вмешаться в разговор.

— Но ведь машиной убирать быстрее. Мы ведь часто не успеваем,— робко вставляет Турсуной.— И потом еще не приспособились...

— Не вмешивайся в мужской разговор.

Она ничего не ответила. Конечно, не ее это дело. И она, конечно, никогда не будет механизатором.

А через год вызвал ее директор МТС Александр Васильевич Коломийцев, спросил:

— Ты поедешь на курсы механизаторов? Я уже говорил с председателем. Поедешь?

Турсуной ничего не сказала, только часточеско закивала головой.

И вот их шестеро. Шестеро девчат из Пахты, и вот они едут в школу механизаторов.

Она не заметила, как мелькнули эти четыре месяца. Занималась очень много и очень упорно.

И снова едут девушки по Большому Узбекскому тракту. Едут домой. Они теперь механизаторы!

— Они механизаторы! Видали, эти девчонки думают, что будут водить машины! — говорили мужчины и громко смеялись им вслед.

— Они стали механизаторами только для того, чтобы быть среди мужчин,— говорили женщины и отворачивались от них.

Новый председатель, Далибаев, сказал коротко:

— Машинами убирать пока не собираемся. А надумаем, подберем более подходящих.

Подружки вскоре отошли от Турсуной. Сколько можно ходить и клянчить, чтобы им дали машину? Нет, безнадежное это дело. Турсуной осталась одна. Она пришла в МТС.

— Зачем же нас посылали? Зачем мы учились?

У нее было много доводов. Ее трудно было остановить.

Она стала работать в МТС, на тракторе. Сеяла, культивировала хлопок, а потом готовила машину к уборке. Однажды Коломийцев шел по дороге. Что это? Маленькая девочка ведет машину? Он даже не сразу узнал в ней Турсуной. Маленькая девочка на большой машине. Еще немного — и перед ней арык. Возле арыка несколько тутовников. Она не сумела развернуть машину перед арыком. И... Александр Васильевич подбежал, но девушка уже спрыгнула на землю.

— Турсуной...

Никакого ответа. Только косы бьются по спине...

Турсуной пришла на другой день к нему в кабинет. Она приготовилась выслушать все упреки. Ведь помяла бункер. Но Александр Васильевич только сказал ей:

— Тебе надо тренироваться разворачивать машину.

В ее колхозе председатель отказался от машин.

— Колхозники будут убирать руками, это более верный способ,— заявил он.

— Ну, куда же мне?

И она опять пришла к Коломийцеву.

— Поедешь в колхоз имени Кирова, Янгиюльского района. К бригадиру Седикову.

Дмитрий Яковлевич Седиков был превосходным учителем. Турсуной убирала сама. Но он всегда был рядом и многому научил ее. И она собрала хлопка столько же, сколько механизаторы-мужчины. Это было в 1956 году, когда Турсуной исполнилось восемнадцать лет. Она вернулась в свой колхоз очень гордая. Шутка ли! Первая из женщин повела хлопкоуборочную машину.

В МТС ее ждала новость.

— Тебе премия,— сказал Александр Васильевич.— Ты увидишь мир.

Она ничего не поняла, потому что весь «мир» заключался в небольшой бумажке. Это была туристская путевка.

Она увидела Индию, Италию, Чехословакию. Все это было так интересно и так необычно, что Турсуной даже не смогла толком рассказать, когда приехала.

— Да была ли ты там? — спрашивали ее соседки.

— Конечно, была, вот платье из Индии, это называется сари... А вот я снята вместе с Раджем Капуром. А здесь виды Чехословакии. Смотрите!

Турсуной очень хотела работать в родном колхозе. Она ждала нового сезона: может быть, удастся? Нет, ее колхоз все еще не желал убирать хлопок машинами.

Девушке пришлось ехать в совхоз Баяут № 4. Здесь она совсем самостоятельная. Нет рядом опытного бригадира Седикова. И это для нее будет хорошей школой.

Турсуной мечтала убирать хлопок в своем колхозе имени Кирова, где она знает поля, где обрабатывала хлопок кетменем и собирала его руками. Она мечтала работать в том колхозе, где живет ее семья и где живет ее самый хороший друг, колхозный радиотехник Султан Шерматов, где у них скоро будет свадьба.

...Свадьба была веселой и долгой. Пять дней.

Мухаббат — это значит любовь. Так назвала свою дочку Турсуной.
Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

«Огонек».

Еще далеко до уборочной, но Турсуной Ахунова уже сейчас беспокоится о своей хлопкоуборочной машине.

О Турсуной говорят: «Мастер на все руки». Когда у мужа, Султана, колхозного радиотехника, много работы, Турсуной помогает ему.

И вот она жена Султана Шерматова. А через два дня ей пришлось уехать в Ташкент. Она смеялась, прощаясь с Султаном.

Конечно, трудно, когда у тебя жена — механизатор да еще член ЦК комсомола! Вот уже вызывают на пленум, а через несколько дней придется ехать на актив.

Турсуной надеялась убирать хлопок в своем колхозе. Далибаев непременно купит машины. Одну машину даст ей и скажет: «Ты, Турсуной, доказала дважды, что неплохой механизатор».

Но мечты есть мечты. Ей не суждено было собирать хлопок в своем колхозе. Когда проходили последние сборы, когда снежные горы покоились на полевых станах, когда вереницы машин, груженных хлопком, шли по Большому Узбекскому тракту, когда стояла в Узбекистане прекрасная, щедрая осень, у Турсуной родилась дочка. Ее назвали Мухаббат. «Мухаббат» — это значит «Любовь».

И вот снова прошел год. Турсуной была занята дочкой. И все-таки этот год показался ей долгим. Наконец-то долгожданная осень! Турсуной пошла к председателю. Она уже знала: Далибаев купил машины. Купил много машин. Но он сказал ей:

— У нас есть механизаторы. Завтра их будут утверждать на бюро в райкоме партии.

Он сказал ей только это, но Турсуной знала, что Далибаев хотел ей сказать: «Ты женщина, зачем ты лезешь в мужское дело? У тебя ребенок, и ты думаешь, сумеешь работать? Сиди-ка ты лучше дома!»

Она пошла к Коломийцеву в РТС и задала ему тот же вопрос, который задавала не раз:

— Куда же мне?

— Надо ехать в райком партии. Едем?

В райкоме партии, в кабинете секретаря райкома, утверждали механизаторов. Они вошли и остановились в дверях. Все обернулись.

— Турсуной Ахунова тоже механизатор,— сказал Александр Васильевич.— Она хочет убирать в своем колхозе. А машину не дают.

Здесь, в райкоме, утвердили ее водителем хлопкоуборочной машины. И здесь же дали участок. И здесь же она взяла обязательство убрать 100 тонн хлопка.

Турсуной выполнила свое обязательство: убрала весь хлопок со своего участка. Теперь можно помочь другим. Где еще нужны помощники? В колхозе имени XXI партсъезда? Турсуной забирает мать и Мухаббат и едет в этот колхоз. Здесь она не только убирала урожай, но и учила девушек водить машину.

И вот ею собрано 210 тонн хлопка. Первая женщина — водитель хлопкоуборочной машины Турсуной Ахунова поставила рекорд.

А потом она в Москве. В Кремле. Турсуной — участница декабрьского Пленума ЦК КПСС. Она на трибуне. Турсуной дала слово всей стране и Никите Сергеевичу Хрущеву, что теперь вырастит по 50 центнеров хлопка с гектара и сама уберет 250 тонн. И ей казалось, что в ней два человека: одна Турсуной очень смелая и решительная, а другая — робкая, испуганная. «Послушай, но ведь ты никогда не была полеводом, как же ты взяла такое обязательство?» — спрашивала робкая Турсуной. «Но ведь несколько лет тому назад я и механизатором не была. И не думала, что буду убирать столько хлопка»,— отвечает решительная Турсуной.

Ахунова снова в своем колхозе. Все знают: она взяла слово. Очень большое слово. Теперь будет возглавлять полеводческо-тракторную бригаду, в которой 12 человек...

Каждый день она слышит по радио: девушки Каракалпакии, Бухары, Самарканда идут в школу механизаторов. Уезжает в школу и ее сестра Инобат.

...А недавно Ахунова встретилась со студентами Ташкентского педагогического института, которые каждый год приезжали в Пахту помогать на уборке.

Турсуной пообещала им:

— Теперь вам не надо будет бросать занятия и приезжать к нам. Мы сами уберем хлопок, машинами. А вы лучше учитесь, чтобы потом хорошо учить других...

...Новая машина Турсуной, «ХВС-1,2», стоит рядом с ее домом, и Ахунова мечтает, когда снова поведет ее в поле. До осени...

Турсуной Ахунова.

ВЗЯТИЕ ГРОМОВ

Повесть

Николай АСАНОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Совсем недавно я узнал, что подполковник Синицын наложил дисциплинарное взыскание на старшего лейтенанта Сиромаху со странной формулировкой: «За вмешательство в дела церкви...» Позже я выяснил, что летчик Сиромаха считает меня виновником случившейся с ним неприятности.

Я был огорчен этим взысканием не меньше, чем сам летчик, и предпринял розыски подлинного виновника. К сожалению, им оказался... я.

Увлеченный романтической историей летчика Сиромахи, я как-то рассказал ее в кругу знакомых. И вот одна из слушательниц, дама чрезвычайно литературная, решила, что эта история может служить основанием для прелестного, как она выражается, сценария, и даже как будто написала и предложила какой-то студии заявку или что-то в этом роде. Не быв ни свидетельницей, ни, тем более, участницей всей этой истории, дама обратилась за сведениями к подполковнику Синицыну, командиру части, в которой служил старший лейтенант Сиромаха,— единственному человеку, к которому обращаться не следовало.

Обеспокоенный подполковник сам потребовал от незадачливой интервьюерши сведений: где, когда, как это было. Выслушав лживый, бессвязный пересказ из уст дамы, подполковник и задал Сиромахе незаслуженную взбучку.

По просьбе Сиромахи я должен теперь по возможности правдиво изложить все приключение и даже попытаться во избежание всяких кривотолков опубликовать свой скромный рассказ.

1

За окном слышится раздраженный женский голос. Голос молодой, но раздражение, звучащее в нем, вечно, как мир. От этого кажется, что во дворе разговаривает старая колдунья. Но я знаю, что это жена начальника альпинистской экспедиции Зина — молодая, красивая женщина, с сильными ногами, большим круглым лицом и светлыми, вспыхивающими под солнцем волосами. Таким голосом она разговаривает только с мужем Володей, который старше Зины лет на пять, а при этих разговорах кажется мальчишкой. Он смущается и краснеет, как только послышится вот такой резкий, скрипучий голос жены. Ему, должно быть, стыдно за нее.

Я подхожу к окну.

Зина стоит в дверях палатки. Палатка раскинута во дворе гостиницы. Это выдумка Зины — закаляться. На дворе март, и хотя здесь юг, земля еще не оттаяла после большого снега. Просто Зине приятно находиться среди пятерых мужчин и принимать их поклонение. Она единственная женщина в этой экспедиции.

Экспедиция готовится штурмовать гору Громовицу, массивная снежная шапка которой надвигается на город. В экспедиции — студенты геологоразведочного факультета, молодые, здоровые парни; кажется, все они втихомолку влюблены в Зину, но «переживают» за Володю и после таких вспышек долго не разговаривают с нею.

Володя молча разматывает и проверяет веревочную лестницу с «кошкой» на конце. Такую лестницу забрасывают на выступ скалы, чтобы миновать расселину или трещину. «Кошка» должна зацепиться за камень и удержать человека на весу. Я частенько думаю о том, что́ случится, если «кошка» сорвется. Володя говорит, что это случается редко. Веселое утешение!

— Нет, ты скажи, долго мы будем тут стаптывать башмаки? — почти кричит Зина.

Башмаки у нее новенькие, ничуть не стоптанные. Носить такие башмаки здесь, в городе, неразумно: они тяжелы, как гири,— но в этом тоже свое щегольство: «Смотрите, я альпинистка!»

— Вот натренирую двух новеньких, и пойдем! — тихо, стараясь даже и голосом выразить благоразумие, отвечает Володя.

«Новенькие» стоят тут же, сделав беспечные лица и поглядывая на небо. Им явно не хочется смотреть на Зиночку. Я не понимаю, чем они досадили жене начальника. Может, тем, что с самого прихода не обратили на нее внимания? Они появились вчера, разговаривали с Володей без Зины, он взял их в свою группу, не спросясь у нее. Может, поэтому она чувствует себя уязвленной?

Одного из новичков я знаю. Это летчик, старший лейтенант Сиромаха. Он служит на аэродроме. Последние два месяца он раза по два в неделю приезжал в город и, когда не было отдельных номеров в гостинице, ночевал у меня. Человек он тихий, скромный, с мягким сердцем, и, видя его на земле, никогда не подумаешь, что это именно он часа два назад пролетел высоко в небе, оставив за собою белый, долго не тающий след. Сейчас Сиромаха в спортивных штанах и в майке, гибкий, тонкий, как лозина, и я с чувством облегчения думаю, что на тренировке он не подгадит.

Рядом с ним стоит и молчит его дружок, коренастый, смуглый от весеннего загара,— наверно, до конца снеготаяния катался без рубашки на лыжах,— тоже летчик. Он появился здесь впервые, но то, что он и Сиромаха — дружки, понятно. Когда Сиромаха о чем-нибудь разговаривает, он неприметно косится на этого крепыша, словно спрашивает: «Так ли говорю?» И тот глазами показывает: «Так, так, дуй дальше!»

Зина презрительно и гордо поворачивает лицо к летчикам. В ее карих глазах вспыхивают и гаснут искорки. Летчики равнодушно смотрят в небо, как слепые. Зина вздрагивает от злости и стремительно скрывается в палатке. Володя вздыхает, взваливает лестницу на спину, сует в руки летчикам ледорубы и уводит их за собой.

Место тренировки рядом: гостиница прилепилась одним углом к скале. Двор упирается в скалу. На скале до черта всяких гребней, ям и расселин. Она неприступна ни сверху, ни снизу, так что с той стороны даже гостиничный сад не огорожен. Долголетний опыт показал, что соблазненные абрикосами и яблоками мальчишки не могут одолеть скалу: у мальчишек нет такого классного альпинистского оборудования, какое привезла группа Володи.

Я долго смотрю из окна, как лейтенант Сиромаха и его товарищ бросают «кошку». «Кошка» достаточно тяжела, и это примерно то же самое, что толкать ядро. «Кошка» постоянно срывается, едва Сиромаха или другой летчик начинают подергивать ее, повисая всем телом на веревочной лестнице. Видно, есть свой секрет и в том, как «кошку» забросить. Вот за дело берется Володя; «кошка» со свистом летит вполнеба, падает на уступ, Володя дергает ее раз, другой, потом быстро, по-обезьяньи цепляясь за узлы на веревке и ногами и руками, взбирается вверх, и вот он уже стоит на уступе, а внизу Сиромаха и его дружок виновато опустили голову и вытирают пот с лица.

Потом Володя спускается к ним, что-то горячо говорит, и они снова принимаются метать свой снаряд. В дверь моего номера тихо стучат три раза. Отходя от окна, я замечаю, как Сиромаха вдруг начинает быстро карабкаться по зацепившейся наконец лестнице...

Открыв дверь, я с удивлением вижу перед собой пожилую монахиню в длинной черной ряске, в черном платке, краем которого она прикрывает лицо, как это делают женщины на Востоке,— символ покорности и смирения, по-видимому, одинаковый для всех, согласившихся на покорность. Мельком я вспоминаю, что в городе есть большой женский монастырь — я видел его издали,— и, сообразив, что монахиня, видно, пришла за подаянием, думаю о том, как бы отказать ей поделикатнее. Ведь подаяния обычно выпрашивают не на монастырь, а на «помощь бедным прихожанам», «на праздничные подарки детям-сиротам», «на приданое невесте-бесприданнице» и под другими такими же предлогами. Я уже собираюсь сказать, что, как атеист, не признаю за монастырями права на благотворительность за чужой счет, но монахиня произносит скороговоркой уставную фразу: «Во имя отца, и сына, и святого духа!» — и спрашивает:

— Пан журналист?

— Да,— в некотором замешательстве отвечаю я.

— Из Москвы?

Я утвердительно киваю.

— Мать-настоятельница монастыря Пресвятой Девы просит пана журналиста навестить ее...

Я невольно хватаюсь рукой за косяк двери, потому что все вокруг вдруг становится нереальным. Однако косяк прочен, как само мироздание. Я отвешиваю неловкий поклон, благодарю за приглашение и сообщаю, что почту за честь посетить монастырь в любой удобный для настоятельницы час. Поскольку церковь отделена от государства, я неожиданно чувствую себя как бы на дипломатическом посту. Монахиня вздыхает с явным облегчением и произносит более торжественно:

— Мать-настоятельница просит пана журналиста прибыть к двенадцати часам дня.

Затем губы у нее складываются в трубочку, как у сюсюкающих по-детски женщин, морщины на лице расправляются, она тихо отборматывает свою уставную фразу: «Во имя отца, и сына, и святого духа!»,— кротко склоняет голову и уходит. Я стою в открытых дверях и смотрю вслед со странным ощущением той же нереальности. Длинная ряса монахини взвивается на повороте, как шлейф бального платья, потом все исчезает. Не слышно даже шороха шагов. Однако косяк под моей рукой по-прежнему прочен, как само мироздание.

2

Я выхожу в сад, чтобы подумать о странном приглашении и о том, как вести себя во время будущего визита. В дверях я сталкиваюсь плечом к плечу с летчиком Сиромахой. Он бледен, лицо его покрыто крупными, сверкающими на солнце каплями пота. «Уж не сорвался ли он со скалы?» — думаю я.

Сиромаха хватает меня за руку и хриплым шепотом спрашивает:

— Зачем приходила к вам эта старая ворона?

Такой шепот должен быть слышен далеко за каменной оградой гостиничного двора. Я невольно оглядываюсь.

— Я видел, что она прошла в ваш номер! — яростно шепчет Сиромаха.

Слышен свист «кошки» под скалой — это

Экспедиция готовится штурмовать гору. Неожиданное приглашение. Разговор в буфете. За окованными воротами. «Послания греха».

бросает Володя. Второй новичок, забыв, что бросок делается в поучение ему, смотрит на нас. Мне кажется, что в его черных глазах затаилась злоба. Володя, заметив, что новички отвлеклись, сердито срывает «кошку» со скалы и принимается сматывать лестницу. Он проходит мимо нас, швыряет лестницу возле палатки и спрашивает:

— Что же, мне неделю вас обучать?

Из палатки доносится до противности резкий голос Зины:

— Завтра мы уходим в горы, Володя! Так и скажи своим новеньким...

Она появляется из палатки в нейлоновой кофточке и шортах, голые ноги обуты в лаковые туфельки на высоких каблуках, и проходит мимо, презрительно покачивая высокой грудью и полными бедрами. Это у нее называется «покорять». Но мы — теперь уже втроем: приятель Сиромахи подошел беззвучно, словно подкрался,— не обращаем внимания на Зину. Зина насмешливо улыбается и, толкнув меня грудью, протискивается в дверь. Крепыш, в глазах которого по-прежнему поблескивает ярость, говорит:

— Пройдемте в буфет, выпьем пива и поговорим, как мужчины. Там сейчас пусто.

Этот таинственный оборот сулит какое-то открытие. Я иду за летчиками.

Вместо пива крепыш заказывает бутылку коньяку. Сев за стол, он тычет себя пальцем в грудь.

— Лейтенант Зимовеев. Вас я знаю. По его рассказам.— И тычет тем же коротким, обкуренным пальцем в сторону Сиромахи. Глаза его все еще не утратили ярости.

Буфет пуст. Румяная женщина-буфетчица, выдав Зимовееву бутылку и разрезанный лимон, опускает голову на руки и словно бы дремлет. Сиромаха отодвигает рюмки и разливает коньяк в фужеры. Я вспоминаю о предстоящем визите и подставляю рюмку.

— Боитесь?— Зимовеев таращит на меня черные выпуклые глаза, в которых затаилась непонятная мне злость.

Сиромаха каким-то усталым до ломкости голосом говорит:

— Брось, Петро, товарищ вообще пьет мало!

Я пристально оглядываю обоих. Они оба в одних годах — примерно двадцать пять. У Сиромахи глаза прозрачные — небо, что ли, высветлило их. У Зимовеева — черные, навыкате, такие и небо не просветлит. Лицо Сиромахи усталое, с какой-то печалью, проступившей изнутри; у Зимовеева — грубое, сердитое, как у обиженного ребенка, с надутыми толстыми губами, с толстым носом. Но видно, что из них двух он главный да к тому же еще и опекающий. За таким, как говорится, и жить спокойнее.

— Зачем она приходила? — снова спрашивает Сиромаха, кивая на дверь гостиницы.

— Игуменья приглашает меня в гости,— улыбнувшись, объясняю я.

Оба таращатся на меня так, будто я заморское чудо. Мне становится смешно, однако я тут же вспоминаю, что я лицо в некотором роде официальное, и тут уж не до смеха. Я никак не могу представить, как же мне держаться.

Оба офицера молчат, а мне почему-то вспоминается все, что я знаю о церкви. Знаю о ней я до обидного мало. Кое-что о коварных приемах уловления душ, отрывочные и неточные цитаты из евангелия, вроде «Устами младенцев глаголет истина!» или «Камо грядеши?». Впрочем, последнее, кажется, вообще название романа. А может быть, кто-нибудь у кого-то и спрашивал нечто подобное...

Однако тут мне на память приходят события последних лет. Склады оружия, обнаруженные в подвалах нескольких костелов и предназначавшиеся для бандеровских банд; укрывательство тех же бандеровцев; разгром последних вооруженных банд; и, наконец, отказ униатской церкви от союза с католичеством. Последнее событие произошло, можно сказать, на моих глазах. Торжественное собрание церковных иерархов, на которое были приглашены и советские и иностранные корреспонденты, речи представителей белого и черного духовенства о связи освобожденного народа с матерью-родиной и православием, истерический визг какого-то прелата, прибывшего из-за рубежа...

— И вы пойдете? — вдруг отрывисто спрашивает Зимовеев.

— Наше дело такое! — притворно вздохнув, отвечаю я.

Мне и на самом деле становится интересно, зачем это я понадобился матери-игуменье женского монастыря Пресвятой Девы.

— Что ты на товарища бычишься? — сердито говорит Сиромаха.— У него должность такая — корреспондент! — Последнее слово он произносит весьма уважительно, за что я в душе ему очень благодарен. Дело в том, что Зимовеев смотрит на меня с таким подозрением, будто я собрался объявить себя новокрещеным.

— Ой, боюсь, что нам после этого визита станет жарко! — ядовито говорит Зимовеев, пристально глядя на Сиромаху. И морщится: это Сиромаха ударил его под столом своим подкованным шипами горным башмаком. Зимовеев не выдерживает, наклоняется под стол и потирает ногу.— Ну вот,— жалобно говорит он,— теперь синяк будет! — И обиженный его голос никак не вяжется с сердитым лицом и грубым характером.— А может, это и лучше,—

продолжает он, выпрямляясь,— что товарища корреспондента даже игуменья уважает!

Этот странный переход так поражает меня, что лицо мое, должно быть, становится совсем глупым. Даже опечаленный чем-то Сиромаха улыбается. А Зимовеев, вдруг веселея, говорит:

— Слушай, а может, мы с ним вместе туда закатимся? Известно: не согрешишь — не покаешься, а покаявшись, и грешить легче!

Я вижу, как лицо Сиромахи постепенно бледнеет. Мне кажется, что он вот-вот упадет в обморок. Наверно, так меняется его лицо, когда он испытывает перегрузку при полете. Он молчит, судорожно сжимая в руке фужер с вином. Фужер со звоном лопается.

Сиромаха растерянно смотрит на пролитый коньяк и на мелкие осколки стекла, впившиеся в руку. Буфетчица, неожиданно проснувшись, произносит, как некая пифия:

— С вас двадцать семь рублей пятьдесят копеек...

От неожиданности мы все молчим. Сиромаха осторожно вынимает из ладони стеклянные искорки. Зимовеев, становясь снова привычно грубоватым, гудит:

— А вдруг какой-нибудь осколок под кожу ушел? Как ты теперь будешь по веревке лезть?

Сиромаха вытирает руку платком и для верности прощупывает ладонь другой рукой, потом сухо говорит:

— Ничего нет.

Верно, порезов нет. Выступают только мельчайшие капельки крови.

— Что же вы сидите? — вдруг несвойственным ему резким тоном спрашивает он меня.— Мать-игуменья, поди, ждет! — И поднимается из-за стола, тонкий, гибкий, как лозина. В глазах у него холодное осуждение, будто совсем и не он только что защищал меня от нападок своего друга. За этой его резкостью мне видится что-то очень беспокойное, хочется спросить, в чем дело, но Сиромаха уходит, не оглядываясь.

Зимовеев вскакивает, чтобы броситься за ним, но еще задерживается.

— Вы его извините,— просительно говорит он, что тоже не в его характере.— Дело у нас такое... трудное...— непонятно объясняет он и, швырнув на буфет деньги, торопливо выскакивает вон.

Я в полном недоумении выпиваю свою рюмку и выхожу из буфета на улицу.

3

Мартовский день необыкновенно ярок. Гора Громовица, на которую должна подняться Володина группа, как будто приблизилась к городу. Ее целиком закрывает белая сверкающая шапка снегов и льдов. Должно быть, ледники опускаются до самого подножия, похожие на откинутые наушники из заячьего зимнего меха, но отсюда подножия Громовицы не видно: оно закрыто цепью мелкорослых гор, начинающейся тут же, за городом.

От солнца режет глаза. Март. Школьники на велосипедах торопливо едут серединой улицы, нагруженные рюкзаками и позвякивающими на рамах закопченными ведрами. Весенние каникулы. За школьниками, тоже на велосипедах, привязав к рамам хозяйственные сумки с продуктами, поспешают бабы и деды, взявшие на себя наблюдение за экскурсией. По тротуару идут голоногие туристы-пешеходы, волоча на спинах тяжелые палатки и такие же, как у школьников, рюкзаки и закопченные ведра. Туристы очень похожи на улиток, волокущих на себе свой дом. Завтра или послезавтра Володина группа вот так же отправится в путь. Это будет зависеть от успехов Сиромахи и Зимовеева. Сейчас гуляющая по городу Зина, наверно, с завистью смотрит на проходящих туристов, на школьников.

Гуцулы в высоких мерлушковых шапках ровным шагом горцев идут по улицам, спокойноравнодушными глазами поглядывая на витрины магазинов.

Монастырь находится на окраине города, за рекой, но он виден в городе отовсюду: стоит в седловине между двух гор на самом берегу. Я медленно перехожу через реку по висячему пешеходному мосту. Тут даже велосипедисты, которых в городе не счесть, спешиваются и ведут велосипеды, словно коней в поводу. Под мостом бурлит и клокочет коричневая, в белой пене горная река.

Перейдя мост, я отделяюсь от остальных пешеходов и сворачиваю к монастырю. Мне кажется, что все, кто идет по мосту и кто перешел мост, останавливаются и глядят мне вслед. Все-таки теперь богомольцев маловато. Проезжая дорога поросла зеленой травкой, похожей на тонкие ножи клинками вверх. Кажется, что она прокалывает подошвы.

Расположен монастырь очень красиво и напоминает старую крепость. Белая каменная стена высотой не меньше восьми метров да еще глубокий, ныне обезводевший ров перед нею, а уже за стеной — высокое здание с зарешеченными по нижнему, что над стеной, этажу окнами и еще этаж с окнами уже без решеток. В окнах пусто. Некоторые из них открыты, там развеваются от ветра белые занавески. Но лиц не видно. То ли монахини где-то внутри, то ли они не глядят в «мир».

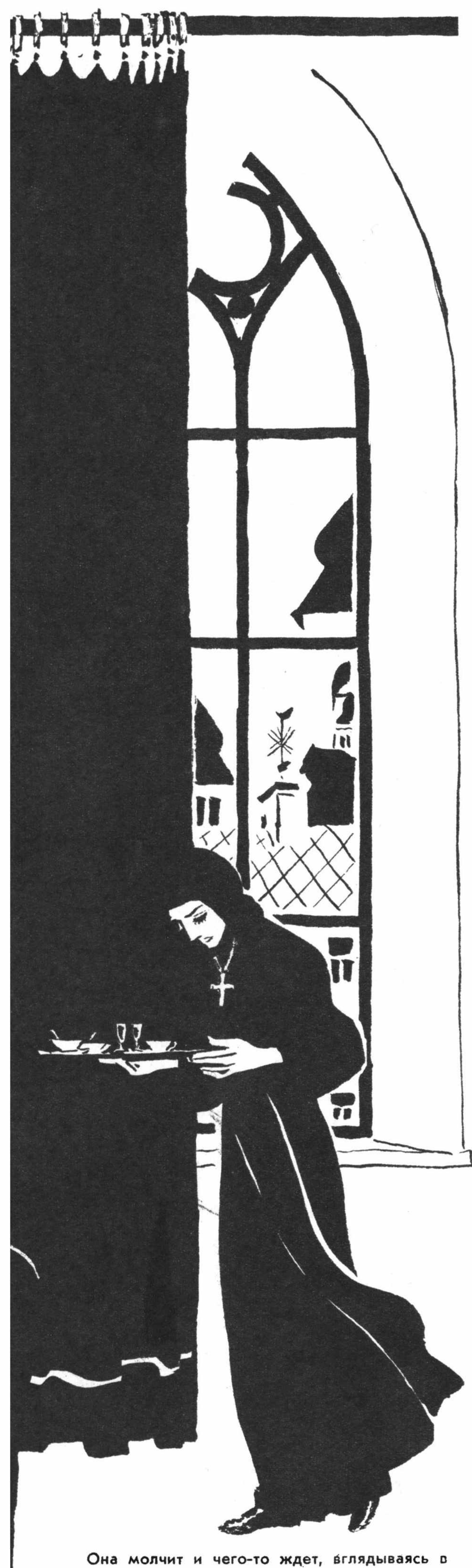
Я поднимаюсь на гору, к монастырскому входу, окованному медью, и мне становится виден двор: он расположен на горной террасе, по которой бегут во все стороны выложенные белым камнем дорожки.

За зданием, в котором находятся покои, то есть кельи, монахинь и матери-игуменьи, виднеется монастырская церковь. А еще дальше, в гору,— службы. Среди служб приметен винный заводик и погреба,— монастырское вино славится в городе, я его пробовал. Сестры во Христе не увлекаются новомодными выдумками с искусственным сбраживанием сусла, у них вино выдержанное. Его с удовольствием берут и в рестораны, и на базаре у монастыря есть свой ларек; торгует в нем старик в подряснике, взятом для этого напрокат в соседнем мужском монастыре. Старик не удостоен чина ангельского, но сестры ему доверяют. Тем более, что самим им не пристало торговать плодами земными, а нанимать человека со стороны, наверно, опасно.

Я подхожу к окованным медью воротам и рассматриваю маленький образок богоматери с младенцем, врезанный в дубовый верхний косяк, круглое медное кольцо, висящее над медной же пластиной, вделанной в дверь. Ударом этого кольца о пластину посетители извещают о своем появлении. На уровне моего лица в двери проделано оконце, закрытое с той стороны дубовой доской, скользящей в пазах. Оконце это, в которое не пролезть и кошке, все-таки зарешечено. Это уж, наверно, от соблазна. Тут я примечаю в боковом косяке белую пластмассовую кнопку электрического звонка — техника пришла и сюда! — но из любопытства трижды ударяю тяжелым кольцом по медному билу.

Должно быть, этот способ извещения давно не практикуется, так как окошечко в двери распахивается слишком поспешно да и лицо привратницы, выглядывающее из-под черного клобука, как галка из гнезда, слишком испуганно. Привратнице лет под шестьдесят, лицо ее иссечено морщинами и вдоль и поперек, будто дожди и ветры прорубили на нем борозды, как на камне.

Она молчит и чего-то ждет, вглядываясь в меня испуганными, но колючими глазами. Я догадываюсь: надеется услышать уставное приветствие, указывающее, что пришел верующий. Я тоже молчу.

Тогда привратница бормочет про себя одними губами: «Во имя отца, и сына, и святого духа!», — сама же отвечает: «Аминь!» — и только тогда спрашивает:

— Пан до матери-игумены?

Я киваю. Как-то странно и неловко разговаривать с человеком через решетку. Видишь, собственно, отдельно один глаз, шевельнешься — другой, посмотришь вниз — увидишь черные, словно закопченные на огне губы.

— Пан ест корреспондент? — продолжает свой допрос привратница, и теперь я слышу в голосе любопытство, а в глазах вижу первый проблеск интереса.

— Пан из Москвы?

Я снова киваю. Привратница опять бормочет что-то уставное, затем окошечко захлопывается, долго и нудно гремит ключ в замке, и калитка в воротах наконец открывается. Монахиня захлопывает ее сразу за моей спиной, бормоча молитву, чтобы мирской соблазн не проник вслед за мной. С треском и звоном поворачивается ключ, скосив глаза, я вижу его круглую головку — ключ весит не меньше килограмма.

— Прошу пана! — произносит монахиня, обгоняя меня, и идет впереди, опустив голову.

Меня распирает любопытство, и мне несколько неловко от этого, но все равно я веду себя как соглядатай во вражеском стане. Бросив взгляд вокруг, я понимаю, почему все окна покоев были пусты. С горы спускается большая процессия монахинь. Все они в черном, над их плечами отливают золотом какие-то, как мне кажется, хоругви или кресты. Только приглядевшись внимательно, даже приотстав от провожатой, я различаю, что монахини несут тяпки, и понимаю: окапывали лозы на монастырском винограднике. Виноградник у монастыря раскинулся на трехстах гектарах, в такую горячую пору, пожалуй, монахиням не до молитв!

Привратница замечает, что я отстал и глазею на процессию, и окликает меня требовательным:

— Пшепрашам пана!

Но я уже замечаю, что монахини идут совсем как солдаты. Даже строй у них солдатский — воины во Христе! Они разбиты как бы на взводы. Во главе каждого взвода и замыкающими идут старухи. Самые молодые — а я вижу и совсем еще девчонок, по шестнадцати-семнадцати лет, — занимают в строю места в середине. Для лучшего присмотра.

В это время привратница открывает двери обители и передает меня с рук на руки, как арестованного, другой монахине. Эта немного помоложе, лицо у нее белое: видно, она редко покидает покои. Новая провожатая произносит свое уставное обращение и, уже не задавая вопросов, спешит впереди меня по длинному коридору, в котором пахнет рыбой и капустой. Я вспоминаю: сегодня среда, постный день.

Запах этой постной пищи преследует меня довольно долго: мы идем мимо трапезной. Двери в трапезную открыты, столы застелены холщовыми скатертями, на них стоят миски и железные подносы с хлебом, с деревянными ложками.

Провожатая сворачивает на лестницу, и мы поднимаемся на второй этаж. Тут углом сходятся коридоры, и в каждом коридоре двери, двери с иконками на косяках. Это и есть кельи.

Проходя мимо одной полуоткрытой двери, заглядываю в нее. Две солдатские кровати, застеленные серыми суконными одеялами, комод, стол под клеенкой, два стула, несколько икон в «красном» углу, и ничего больше! И это обиталище женщин! Или тут живут только старухи?

Провожатая все ускоряет шаг, вот-вот побежит, и я вынужден поспевать за нею. Коридор застелен дерюжной дорожкой, монахиня идет точно по середине дорожки. Глядя на ее мелькающие из-под длинной рясы ноги в грубых нитяных чулках и чеботах, я замечаю, что дорожка истоптана только на самой середине, и невольно иду след в след за провожатой.

Поворачиваем еще в один коридор. По лучу света, пробивающемуся сквозь зарешеченное окно, понимаю: это южная сторона здания. По тому, что дорожка здесь шерстяная, чувствую: мы у цели.

В стене этого длинного коридора всего одна дверь, обитая черной кожей. По-видимому, за этой дверью находятся покои самой матери-игуменьи. Провожатая останавливается перед дверью, стучит в косяк костяшками пальцев, затем смиренно складывает на сухой груди руки крестиком. Выглядывающие из-под широких рукавов рясы руки сейчас похожи на желтых птиц, выставивших клювы.

Дверь открывается бесшумно. Провожатая шепчет все те же слова: «Во имя отца, и сына...», — из-за дверей доносится ответное «Аминь!», и провожатая отступает в сторону, пропуская меня. Передо мной все еще не мать-игуменья, а новая служка, на этот раз молодая, с болезненно-белым лицом затворницы, с высоким лбом, с черными, причудливо изогнутыми бровями, придающими лицу гордое выражение. Она тоже отступает на шаг в сторону и пропускает меня через прихожую к следующей приоткрытой двери.

Это, по-видимому, рабочий кабинет настоятельницы. У окна большой шведский письменный стол с высоким бюро, в котором множество ящичков, рядом кресло с «тронной», очень высокой спинкой, в углу, вдоль стены, диван с кожаной обивкой, три кожаных кресла, между ними низкий столик. На столике корзинка с рукоделием. В правом углу киот, очень большой, с горящей лампадой, со множеством старинных икон, на полу ковер с высоким ворсом, скрадывающим шаги, направо и налево полуоткрытые двери во внутренние комнаты.

— О пан корреспондент, простите, я заставила вас ждать! — произносит мягкий женский голос, и в дверях справа появляется настоятельница. За ее спиной возникает невысокий чернявый человек в отличном черном костюме, белой сорочке с галстуком-бабочкой и лаковых ботинках.— Познакомьтесь, — говорит настоятельница и делает приглашающий жест в сторону чернявого,— ваш коллега господин Джанис...

— Мы знакомы с паном корреспондентом,— произносит Джанис на отличном русском языке.

Я вспоминаю: в прошлую субботу на пресс-информации в облисполкоме, которая проводится для корреспондентов еженедельно, заместитель председателя исполкома представлял нам только что прибывшего представителя какого-то иностранного телеграфного агентства. Может быть, господин Джанис и подстроил эту встречу?

Мы с Джанисом раскланиваемся, и я снова обращаю взгляд к настоятельнице. На вид ей не больше сорока, она еще очень красива, хотя на лице признаки нездорового ожирения. Большие серые глаза чуть навыкате, мягкие, не утратившие окраски губы, черный высокий клобук на голове, черная шелковая ряса в талию, больше похожая на изящное вечернее платье, «в пол», так, что ног не видно. Настоятельница проходит к дивану, садится, а подол рясы опускается, так и оставаясь словно приклеенным к полу.

Мы усаживаемся в кресла за низеньким столиком.

— Не желаете ли кофе, панове? — спрашивает настоятельница и, не ожидая ответа, ударяет ладонью о ладонь. Руки у нее выхоленные, белые, без украшений, ногти длинные, ухоженные.

На всплеск ладоней слышатся шаги, и из двери слева появляется молодая послушница, что встречала меня. В руках у нее китайский поднос. На подносе три маленькие китайские чашечки с кофе и две тонкие длинные рюмки с коньяком. Каждая чашка и рюмка стоят на отдельной вышитой гарусом мягкой подставке. Послушница ставит поднос на стол перед нами и, склонив голову, уходит.

Мы молча отпиваем кофе. Джанис, лукаво взглянув на меня черными поблескивающими глазами, тянется за рюмкой. Я следую его примеру.

Коньяк в меру старый, обжигающий, кофе в меру крепок. Но меня же пригласили не ради дегустации напитков! Помогать настоятельнице своими вопросами я не стану. Пусть начинает сама.

Ей помогает Джанис. Он расхваливает местоположение монастыря, его хозяйство, роспись монастырской церкви, древние иконы. Похоже, что этот корреспондент уже не один день провел в пределах обители.

— Все так, все так,— благостно вздыхая,

произносит настоятельница, но тут на лице ее появляется обиженное выражение, в голосе звучат трагические нотки.— Только местные власти относятся к нам с небрежением, обижают лучшие чувства верующих...

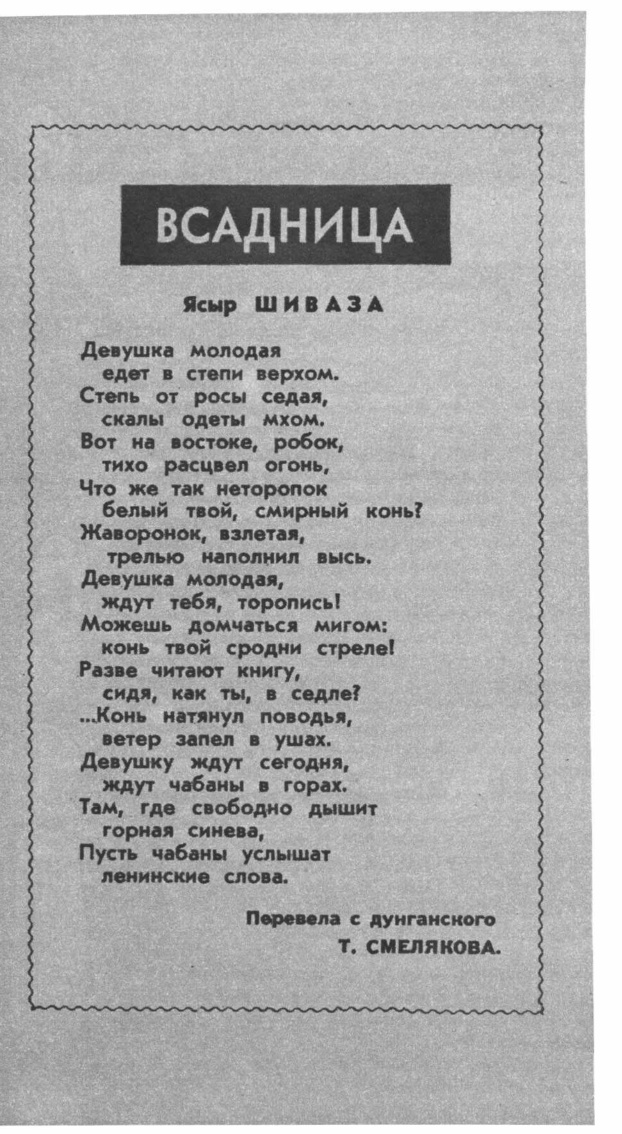
Я упрямо молчу. Джанис, подождав, не попадусь ли я на крючок, спрашивает сам:

— Позвольте, мать-игуменья, но ведь в вашей стране церковь отделена от государства. Они могут жить мирно, как подобает добрым соседям...

— Но если в ваш дом забрался вор, то добрый сосед спешит на выручку! А местные власти на все мои жалобы...

— Но может ли какой-нибудь вор покуситься на дом божьей матери? — удивляется Джанис.

Я, конечно, понимаю, что этот разговор не отрепетирован заранее. Просто оба мои собеседника достаточно талантливые актеры, чтобы вовремя подать нужную реплику друг другу. Но так как мне-то разыгрываемая ими пьеса неизвестна и я не знаю, какая роль в ней отведена мне, то пока предпочитаю оставаться актером без слов.

ВСАДНИЦА

Ясыр ШИВАЗА

Девушка молодая
едет в степи верхом.
Степь от росы седая,
скалы одеты мхом.
Вот на востоке, робок,
тихо расцвел огонь,
Что же так неторопок
белый твой, смирный конь?
Жаворонок, взлетая,
трелью наполнил высь.
Девушка молодая,
ждут тебя, торопись!
Можешь домчаться мигом:
конь твой сродни стреле!
Разве читают книгу,
сидя, как ты, в седле?
...Конь натянул поводья,
ветер запел в ушах.
Девушку ждут сегодня,
ждут чабаны в горах.
Там, где свободно дышит
горная синева,
Пусть чабаны услышат
ленинские слова.

Перевела с дунганского
Т. СМЕЛЯКОВА.

— О! — Мать-игуменья беспомощно машет рукой, становясь похожей на обиженного ребенка, а Джанис ловит эту пухлую руку на лету, почтительно прикасаясь к ней губами.— Богохульство никогда и нигде не поощрялось, но наши местные власти слепы и, боюсь, неразумны! — Мать-игуменья отбирает свою руку у Джаниса и снова становится строгой и властной.— Да вот послушайте, панове! — Она бросает выразительный взгляд в мою сторону, и я понимаю, что слушать предложено мне.— Советский офицер — подумайте, офицер! — еще взгляд на меня, — собирается украсть одну из агниц божьих, Христовых невест, отдавших свои души на мое попечение!

Джанис делает удивленно-оскорбленное лицо, что-то похожее на «Ах!» вырывается из его скорбно поджатых уст, он выпрямляется в кресле, словно ставит «кол» за поведение неизвестному советскому офицеру. Я весь превращаюсь во внимание — столь удивительно сообщение настоятельницы. Вполне, видимо, удовлетворенная тем впечатлением, какое произвели ее слова на слушателей, настоятельница делает неуловимое движение правой рукой, и рука, словно белая мышка, ныряет в левый рукав и вот уже появляется перед нами на столе. В ней веером лежат смятые, оборванные бумажки величиной с конфетную обертку. Настоятельница рассыпает их по столу, как игральные карты.

С острым чувством горького изумления просматриваю я эти короткие записки, полные страсти и нежности. Настоятельница настороженно следит за моими пальцами, помимо моей воли тщательно расправляющими скомканные листки. Наконец она не выдерживает и придвигает записки к себе.

— Не в этих посланиях греха дело,— сурово произносит она,— а в том, что надо предотвратить беду. Иначе она обрушится с одинаковой силой и на наши и на ваши головы...— Слово «ваши» она подчеркивает так выразительно, будто точно знает меру божьего гнева.

— Как зовут офицера? — спрашиваю я. Почему-то мне вспоминается злое лицо лейтенанта Зимовеева.

— Эта негодница оторвала кусок записки с именем и адресом офицера и проглотила! — сухо произносит настоятельница, не замечая, каким обвинением против нее самой звучат эти слова. Как же должна была бояться маленькая монахиня, и не за себя — она уже попалась,— а за своего возлюбленного, если можно назвать любовью это обручение записками в монастыре!

— Он уговорил богоотступницу бежать! — гневно говорит настоятельница.— Вы обязаны предупредить этого негодяя, что милость господа не распространяется на вероотступников!

— Но церковь отделена от государства!—напоминаю я.— К тому же мы не знаем даже имени этого офицера. И потом он, по-видимому, атеист, я еще не встречал верующих офицеров.

— Божий меч падает на голову и того, кто бежал от бога, и того, кто смутил его слабый дух. Вспомните Савла!—Настоятельница предостерегающе поднимает тонкий длинный палец с розоватым, ровно отшлифованным ногтем. Слова о Савле обращены, собственно, к господину Джанису, и тот почтительно кивает. К счастью, я знаю эту историю о преследователе христианской секты в языческом Риме, которому бог послал знамение, после чего он стал яростным проповедником христианства под именем Павла...

— Вряд ли господь бог будет посылать знамения советскому офицеру... В наш атомный век чудеса в основном творят люди. Даже из вашего окна по ночам можно увидеть летящий в пространстве спутник.

— Бог может покарать вероотступницу! — Настоятельница вновь поднимает свой указующий перст.— Таким образом будет косвенно покаран и смутитель ее души. Если он действительно любит, как пишет в этих посланиях! — назидательно добавляет она, и мое сердце вдруг тоскливо сжимается. Я представляю, как неизвестный мне влюбленный узнает, что его любимая исчезла! Что мы знаем о монастырях и о порядках, существующих в них?

Я нечаянно замечаю на обороте одной из записок адрес, написанный энергичным мужским почерком: «Послушнице Софии». Эти два слова заполняют весь листок, тогда как тексты записок на обороте сделаны микроскопическими буковками, чтобы и на малой площади тайного письмеца вместить как можно больше любви и страсти.

— Кстати, мать-настоятельница, эта, как вы говорите, вероотступница даже и не монахиня, а всего лишь послушница! Значит, грех ее не так уж велик, да и душа ее еще не отдана Христу, так что она вполне может стать невестой живого человека...

— Пострижение состоится в среду! — резко обрывает меня настоятельница.

Молчаливый Джанис сухо покашливает, то ли предупреждая ее о том, что мне не все можно говорить, то ли напоминая о своем присутствии. Мать-игуменья молниеносно включает его в свое наступление.

— Господин Джанис не откажется сообщить верующим всего мира о том, как Советская Армия вмешивается в дела церкви! — Этим «господин» она начисто отделяет Джаниса от меня. Только что мы оба были «панове», теперь же Джанис — представитель другого мира.

— Один офицер, мать-игуменья, а не вся Советская Армия,— живо уточняет Джанис.— Мы весьма высоко чтим моральные устои Советской Армии. Она освободила мир от фашизма, в том числе и мою родину...— Эти слова явно предназначены только для меня.

— Но чем я могу помочь, если невесты Христовы предпочитают любовь живого человека? — Я больше не хочу скрывать свою досаду.— За их души отвечаете только вы, настоятельница монастыря. Не могу же я прочитать в вашем монастыре лекцию о том, как грешно любить мирского человека!

Лицо настоятельницы передергивается, но усилием воли она возвращает на него привычную улыбку. Однако голос изменяет ей, он звучит жестоко и властно:

— Обратитесь к здешнему командованию, пусть военачальники расследуют этот поступок. Офицер — мне даже стыдно называть его таким высоким словом — переписывается с нашей сестрой во Христе шесть месяцев, значит, он служит в местном гарнизоне.

— Почему бы вам не обратиться самой? — спрашиваю я.

— Мне это неудобно! — отрезает она.

— Да, настоятельнице неудобно! — подтверждает Джанис.— Она не может сказать, что этим делом заинтересовались представители иностранной прессы. Неудобно ей также напоминать и о том, что униатская церковь совсем еще недавно отпала от истинной церкви Христовой и что в Риме и в Ватикане весьма интересуются положением дел в доме отторгнутой младшей сестры...— Эти фразы он произносит напыщенно, и так и кажется, что из-под пиджака у него вот-вот выглянет краешек сутаны католического патера. Но как остроумно все это они придумали!

— Тем не менее вам придется обращаться к командованию самой,— не соблюдая больше никаких правил хорошего тона, отвечаю я.— Впрочем, господин Джанис тоже может попросить аудиенцию у командующего! — швыряю я последнюю мину и встаю первым, хотя это и не положено по правилам хорошего тона. Все мое любопытство иссякло. Душу тревожит судьба несчастной возлюбленной офицера. Он-то им неизвестен, но ее-то они уже преследуют! Я задаю последний вопрос: — Могу ли я побеседовать с этой послушницей?

— К сожалению, она больна! — чеканным голосом, из которого на этот раз изгнано даже притворное сожаление, отвечает настоятельница и, не протягивая мне руки, трижды хлопает в ладоши. Из-за двери вырастает послушница с белым лицом.— Проводите пана! — изрекает настоятельница и совсем другим тоном обращается к Джанису: — А вы, надеюсь, согласитесь разделить мою трапезу?

Господин Джанис любезно кланяется ей, затем поднимается, чтобы ответить на мой поклон. Когда послушница закрывает за мной дверь, я уже слышу веселый разговор на французском. Я больше для них не существую.

Но они существуют для меня. Я помню их лица. И мне становится все тягостнее думать о той, что приговорена теперь к затворничеству уже не по своей воле, как когда-то пришла сюда, а по воле посторонних людей, самовластно взявших на себя роль судей и палачей. И еще я думаю об этом офицере, любовь которого оказалась такой несчастливой.

Выход из монастыря сопровождается такими же церемониями, как и вход. Меня опять передают с рук на руки; но теперь я смотрю на зарешеченные окна, на покрытый белолобым камнем двор, как на тюрьму. Со двора уходят последние сельскохозяйственные взводы этой общины Девы Марии, и я пристально вглядываюсь в молодые и старые лица, удивленно обращенные ко мне, мирскому человеку, и мне кажется, что каждое лицо выражает горькую грусть о покинутом мире, неизбывную печаль об утраченном материнстве, а может, это запах мяты от воза свеженакошенной травы, что стоит у ворот, вызывает во мне сожаление о чужих изломанных судьбах.

Продолжение следует.

* В таком комбинезоне удобно работать в цехе и на тракторе, можно ходить на лыжах. * У художников Рижского Дома моделей — творческий день.

В ПОИСКАХ КРАСИВОГО, УДОБНОГО

Н. ХРАБРОВА

Стройная женщина, чуть наклонясь вперед, весело шагает навстречу вьюге. Почему бы ей и не быть веселой? Она элегантна, на ней теплый — на белом меху! — ярко-синий жакет, удобная спортивная юбка, красивая обувь. Но как жаль, что женщина эта — из папье-маше и вьюга — ватная, а жакет—пока единственный в городе.

Впрочем, нет, не единственный. Вот прошла девушка, одетая в похожий жакет, а вон — другая. Жакет тот, да не тот: и сшит хуже, и цвет изменился, и сидит мешковато. И уже не таким привлекательным кажется этот простой, требующий особенно тщательной выработки покрой. Видно, кто-то неумело подражал изящной витрине Дома моделей.

Ну, а если заглянуть в витрину соседнего с Домом моделей магазина? Ох, все те же «готовые пальто» одного стандартного фасона, линялых расцветок! А между Домом моделей и магазином — всего одна каменная стена. И между покупателями и Домом моделей — тоже стена, стена полного непонимания: для кого же и для чего существует Дом моделей вообще?

И вдруг в один прекрасный день стена эта рушится. Происходит это в Риге, городе, где любят хорошо одеваться, и в месте, на первый взгляд никакого отношения к Дому моделей не имеющем: на заводе «ВЭФ».

...В заводском клубе веселье, музыка, танцы: в самом разгаре молодежный вечер. И вдруг появляются необычные гости: работники демонстрационного зала Рижского Дома моделей. Заведующая залом Софья Алексеевна Лобиньш завладевает микрофоном, и начинается разговор о том, как правильно одеваться, о том, что нового в модах сезона.

Вэфовские девушки решили не ударить в грязь лицом перед строгим оком Дома моделей. Они надели сегодня самые нарядные платья. Но все ли к лицу? А вот сейчас увидим и услышим.

Софья Алексеевна рассказывает о том, что снова входят в моду удобные короткие юбки, что «завышенные» и «заниженные» талии возвратились наконец на свое нормальное место, что в моде ныне кожаные пояса, а сумочки, туфли, перчатки и шарфики попрежнему должны украшать платье и пальто, и еще о многом другом, что связано с искусством одеваться красиво.

Софья Алексеевна высмеивает тех, кто без устали гонится за любым криком моды,— право же, чрезмерно модно одетый молодой человек так же смешон, как и тот, кто одет неряшливо или в стиле прошлого столетия.

— Надо выработать в себе чувство меры,— говорит Лобиньш и, улыбнувшись, добавляет:— И прислушиваться к советам Дома моделей. Где услышать эти советы? Приходите к нам: каждую неделю мы устраиваем демонстрации мод, приходите почаще! Надо знать, что надевать на работу, а что — когда идешь гулять, или в театр, или на бал.

Хороший, полезный был разговор. И демонстрация мод была интересной. Она началась с удобного рабочего комбинезона. О нарядных платьях подумали — пора подумать и о том, чтобы хорошо выглядеть и на работе. Были показаны, конечно, и платья, и пальто, и плащи, и костюмы для

* Надо помнить и о мужских модах: не слишком узкие, но и не широкие брюки! Не слишком короткое, но и не длинное пальто! * Вот сколько взрослых озабочено тем, чтобы это маленькое ситцевое платье было красивым!

Фото А. Узляна.

улицы, и красивые вязаные жакеты, и спортивная одежда.

...Много приглашений стал получать теперь Рижский Дом моделей. Зовут в колхозы и на заводы, в школы и вузы. А куда не приглашают еще, туда сами являются, пусть незваным, но всегда полезным и желанным гостем.

А как же этот Дом моделей помогает швейным фабрикам?

Директор Дома Лидия Петровна Лусис показывает нам производственные мастерские. Вот мастерская лекал. Лекала — это, собственно, техническая документация, выкройки костюмов, предназначенные для массового шитья на фабрике. Выбрав здесь модель, фабрика получает и лекала.

Ну, а дальше? Правильно ли, что на этом обрываются связи творцов моделей и тех, кто, пользуясь ими, шьет сотни, тысячи платьев, пиджаков?.. Нет, конечно.

— Мы зачастую не узнаем своих моделей, принятых и сделанных какой-нибудь фабрикой,— признает Л. Лусис.— Стоит сшить платье из ткани, не подходящей к данному фасону по расцветке и по фактуре, да к тому же на свой вкус изменить отделку — и модель изуродована, пропали усилия художника. На фабрике художник должен, как говорится, довести свою модель до конца, проследить и за выполнением, и за отделкой, и за качеством ткани. Это большая и нелегкая работа. Но так надо, и так будут делать наши художники: и опытный мастер Эмма Майерс, и молодая художница Алла Козлова, и Ирина Бот, и Рута Горохова, и все остальные! И премии художники будут получать не за разработку моделей, а за их внедрение... Фабрики тоже, конечно, должны чаще консультироваться с нами. И не только фабрики! Мы приглашаем к себе на консультацию и сотрудников городских ателье.

Рижский Дом моделей на верном пути. Он активно вмешивается во все, что касается моды.

В Риге, городе капитанов, к парадной морской форме привыкают с детства.

Интервью «Огонька»

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК БЫЛ ЗДОРОВ!

Новый помощник хирурга — электростимулятор. ❊ Биотоки лечат. ❊ Суставы из пластмассы. ❊ Иностранные специалисты о советских медицинских аппаратах.

М. АНАНЬЕВ,

директор Научно-исследовательского института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов Министерства здравоохранения СССР

— СЕЙЧАС, КОГДА НАША СТРАНА СДЕЛАЛА ЕЩЕ ОДИН КРУПНЫЙ ШАГ К РАЗОРУЖЕНИЮ, ВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗАБОТИТЕСЬ О НОВЫХ ВИДАХ ОРУЖИЯ?

— Не по-прежнему, а еще энергичнее. Ведь оружие хирурга, рождающееся в стенах нашего института, служит миру, здоровью человека. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» намного расширяет наши горизонты. Мы сможем еще эффективнее вооружать медицину, и в первую очередь хирургию, новейшей техникой.

— КАКИЕ НОВШЕСТВА ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ?

— Недавно оперировали рабочего, страдающего сужением сердечного клапана. Вдруг наступил критический момент: пульс достиг ста девяноста, а при таком сердцебиении оперировать нельзя. Но хирург на этот раз не был встревожен. В пищевод больного ввели миниатюрный цилиндрик, присоединенный к специальному аппарату — электростимулятору. Электрические импульсы, толчки тока, помчались к больному сердцу: оно стало биться ровно. Операция, прошедшая успешно, длилась часа полтора, и все это время благодаря аппарату пульс был почти нормальный. Электростимулятор создан в нашем институте. Его в нынешнем году получат десятки клиник. И он будет верно служить медицине, помогая в тяжелых случаях поддерживать работу больного сердца в течение нескольких часов.

Электростимулятор привел нас к другой новинке.

...Врача вызвали к пациенту: сердечный припадок. Доктор успокаивающе улыбнулся и быстро включил небольшой аппарат. «Сейчас пульс у вас будет не сто тридцать, а точно такой, как у меня». И вот уже сердце подчинилось велению врача: пульс семьдесят два.

Другой случай. Больной три или четыре минуты без пульса, дыхание прекратилось. Казалось бы, остается лишь констатировать смерть. Но включают аппарат, и заглохшее сердце вновь бьется. Удар за ударом — человек оживает, дышит.

Здесь нет никакого чуда. Исследования показали, что здоровое сердце — «резервуар здоровья» для больного. Как известно, при работе сердца возникают электрические импульсы, иначе биотоки, биоимпульсы. В аппаратах, подобных электростимулятору, биотоки заменяются искусственными электронными импульсами прямоугольной формы. Естественные же импульсы имеют совсем иную форму, более сложную. И в нашем коллективе задумались: не целесообразнее ли применять естественные импульсы от здорового сердца, значительно усилив их? Эксперименты подтвердили: да, так лучше, эффективнее.

Но не всегда в нужную минуту поблизости окажется человек с вполне здоровым, хорошо работающим сердцем. Как же быть, где взять необходимые биотоки? Выход был найден. Биотоки удалось зафиксировать, «законсервировать». Их записали на магнитную пленку и затем усилили.

Так был создан новый аппарат — биостимулятор. Он прост и портативен. Его лентопротяжный механизм позволяет регулировать скорость биоимпульсов. При учащенном сердцебиении электроды, положенные на грудь больного, передают ему с пленки ровные импульсы. Если пульс слишком слаб, их, наоборот, резко учащают.

В отличие от электростимулятора новый аппарат уже теперь способен возвращать к жизни организм через пять минут после остановки сердца, пока не начались необратимые изменения, пока не наступила биологическая смерть. Уже одно это обеспечит ему большое будущее: он станет незаменимым спутником врача в больнице, в машинах «Скорой помощи», на водных спасательных станциях.

Выяснено, что здоровый человек — отличный донор, дающий больному самые различные биоимпульсы. Ведь они образуются при работе каждого органа. Стало быть, записанные на магнитную пленку и усиленные, они послужат многообразным лечебным средством. Биостимулятор, надо полагать, скоро вторгнется в лечение гипертонии и атонии кишечника, будет вызывать электросон, помогать женщинам при трудных родах.

Сейчас у нас конструируется универсальный биостимулятор, снабжаемый набором пленок с биоимпульсами различных органов человека. Если хотите, этот аппарат подобен долгоиграющей пластинке, на которой записано несколько песен. Прежде всего мы хотим добиться оздоравливающего влияния биостимуляции при некоторых заболеваниях сердечно-сосудистой системы, головного мозга, легких, желудочно-кишечного тракта, мышц...

— НЕ ТОЛЬКО В СССР, НО И ЗА РУБЕЖОМ ПРОСЛАВИЛИСЬ ВАШИ АППАРАТЫ ДЛЯ СШИВАНИЯ КРОВЕНОСНЫХ СОСУДОВ, НЕРВОВ, МЯГКИХ ТКАНЕЙ. ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ ЭТУ РАБОТУ?

— Да. Сконструирован, например, аппарат для такой сверхъювелирной хирургической манипуляции, как сшивание роговицы.

— ОЧЕНЬ ПОПУЛЯРЕН И ВАШ АППАРАТ ИСКУССТВЕННОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ, КОТОРЫЙ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ БЕРЕТ НА СЕБЯ ФУНКЦИИ БОЛЬНОГО СЕРДЦА. ЗАВОДЫ УЖЕ ИЗГОТОВЛЯЮТ ТАКОЕ «ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ»?

— Оно имеется в десяти клиниках, а в нынешнем году поступит для дальнейшего испытания еще в двадцать клиник.

— ЧЕМ ЕЩЕ ВЫ ВООРУЖАЕТЕ ХИРУРГИЮ?

— Тот, кто перенес операцию, заметил: подчас применяются такие же инструменты, что и в механической или столярной мастерской: пилы, сверла, фрезы. Теперь на смену им приходят электроинструменты. Они ускоряют операции и облегчают труд врача. Начался серийный выпуск усовершенствованного электроскальпеля, заменяющего хирургический нож. Применение электроскальпеля резко сократит потерю крови у оперируемого больного: рассеченные сосуды мгновенно «запаиваются». Создаем ультразвуковой скальпель, который должен действовать не только бескровно, но и безболезненно: он сам будет усыплять нервы.

Стоит отметить: как это нередко бывает в науке, мы, исследуя свойства электрозвука, пришли к «внеплановой» находке. Экспериментально установлено, что ультразвуком можно дробить камни в печени и почках, выводя из организма образующийся песок.

— ГОВОРЯТ, В ВАШЕМ ИНСТИТУТЕ МНОГО ТРУДЯТСЯ НАД СОЗДАНИЕМ «ЗАПЧАСТЕЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?

— Московским врачам недавно показывали пациента, перенесшего операцию на сердце. Он привлек внимание медиков своим необычным протезом: клапан сердца у этого человека искусственный, из пластмассы. Такой пластмассовый клапан создан в нашем институте.

Иногда часть какого-нибудь кровеносного сосуда, разрушенная из-за травмы или по другой причине, требует замены. На этот случай мы предложили хирургам сосуды из капрона, лавсана. Есть и пластмассовые пищеводы, трахеи. Сейчас конструируем «говорящую гортань». Тысячам больных принесут неоценимую пользу протезы локтевого, коленного, тазобедренного суставов, действующие не хуже естественных.

Хочу отметить, что работы нашего института вызывают большой интерес зарубежных гостей. В течение минувшего года у нас в институте побывало девяносто три специалиста из двадцати трех стран мира. Я позволю себе привести сокращенно лишь некоторые отзывы наших гостей. Мы высоко ценим мнение вице-президента Академии медицинских наук КНР Сюэ Гун-цао: «Сшивающие аппараты и другие хирургические инструменты, изобретенные вашим коллективом, намного превосходят качество подобных инструментов в капиталистических странах».

Многозначительно высказывание президента американской фирмы «Рэнд девелопмент корпорейшн» Джима Рэнда: «Я считаю, что ваша работа очень важна. Эти аппараты спасут жизнь многим людям в Америке. Этим они будут способствовать миру между нашими странами».

Мы, научные работники, в то же время люди практического дела. Раньше случалось, что иные наши новшества использовались в нешироких масштабах. Это, к слову, не ускользнуло от внимания печати, в том числе и от «Огонька», писавшего о наших сложных аппаратах: «Их мало потому, что они дороги, а дороги потому, что их мало». Отныне положение круто меняется. Недалек день, когда можно будет сказать: «Их много потому, что они недороги, а недороги потому, что их много». Сложным медицинским аппаратам откроется широкий путь в практику, они станут доступными каждой больнице — городской и сельской.

Ю. В. Гусев. БИОХИМИКИ. Фрагмент.

Я. Н. Манухин. ТРАВИНКА. Линогравюра.

В. Ф. Штраних. СПУСК АТОМНОГО ЛЕДОКОЛА.

ЛЕНИН
LENIN

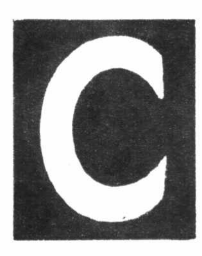
М. А. Суздальцев. В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

Игорь СОБЧУК

Рассказ

Олешка-парень

Рисунки А. ШМАРИНОВА.

тарененький домик андогского лесника Ляпина шуршал и потрескивал. На кухне из старинного медного рукомойника методически шлепались капли. Заунывно тирликал за печкой сверчок, и хозяйский кот бродил по подоконнику, пошевеливая тонким хвостом. Луна ныряла в облаках, заглядывая в окна, раскидывая по белым половикам четкие тени переплетов.

Я ворочалась с боку на бок и с досадой слушала, как за перегородкой дружно всхрапывают мои охотничьи опекуны: папа, его сослуживец по сталелитейному, заядлый гончатник Сергей Михайлович, и доктор заводской амбулатории Василий Васильевич, мужчина богатырского сложения, обладатель исполинского баса профундо.

Наш охотничий фельдмаршал, отставной токарь и егерь Иван Иванович Марков, которого знает вся Череповецкая округа как непревзойденного стрелка, следопыта и зверобоя, спал в боковушке, но солидарно подхрапывал друзьям многоголосым свистом.

Подмывало растолкать их, окунуться в суету сборов, но ночь только что началась, и будить стариков я опасалась. Ворчуны не делали скидки на мою девичью непоседливость и могли запросто дать леща. Им, старым фокусникам, было наплевать, что мне всего лишь двадцатый, что мои русые косы и серые, как тучи, глаза — предмет зависти девчонок и причина мечтательных вздохов ребят.

В суровом кругу охотников эти достоинства превращались в свою противоположность. Седоусые рассуждали просто: коли ты, девка, ходишь в штанах и корчишь из себя добытчика, то и для тебя охотничьи законы беспощадны: нагрешила — получай сполна!

Ворочаться опостылело. Я напялила теплые шаровары, затянула молнии на куртке и осторожно выскользнула на крыльцо.

Синяя ночь окутала землю. Повитые дымкой, терялись занесенные снегами избы, угрюмо темнел недалекий лес. Луна разбросала по пушистому ковру острые, как иголочки, искры, вычертила угловатые тени, превратила рябинник у изгороди в облака сверкающей ваты. Капот нашего «Москвича», приткнувшегося у сараюшки, переливался морозной пылью, а в фарах, как в выпуклых рыбьих глазах, горело по крошечной изломанной луне. Тишина была первобытная, густая. Вокруг тихо, светло, легкие облака тают в синеве неба, а я подпираю заиндевелый столбик и тоскую, сама не зная о чем...

В самом деле, носит меня по лесам да буеракам неугомонная охотничья страсть, будто мне и дела иного нет. Зачем это? Почему? Как случилось так, что я, коренная сталинградка, привыкшая к раздолью степей, к шершавой от ветра Волге, неожиданно влюбилась без памяти в этот неулыбчивый край, в сосны, дикие снега, непролазные чащобы, словно они вросли в душу, укоренились... Мороз лихо щипал за щеки, я машинально потирала их рукавичкой, а мысли прыгали с пятого на десятое.

В детстве я была обычным проказливым созданием с бантиками в косах и вечными цыпками на ободранных коленях. Мама, тихая, задумчивая, нежная, терпеливо мазала цыпки едучими мазями, поправляла бантики и укоризненно вздыхала, когда я после какого-нибудь сумасбродного похода за раками заявлялась домой в изодранном платье, грязная, пыльная, полузаеденная комарами.

С раннего детства я привыкла к тому, что в доме было тесно от ружей, лодочных моторов, патронташей. Во дворе топтались выводки крякуш, царило вечное засилье собак. Это был мир папы, веселого, громогласного, с густой черной шевелюрой на угловатой голове и лицом, опаленным несходящим загаром сталевара. Этот суматошный, лающий мир тянул меня, как магнит.

Я всегда больше водилась с мальчишками, а девчонок нещадно тузила за плаксивость и склонность к ябеде. Едва мне стукнуло десять, внезапно умерла мама. Отец почернел, осунулся, седина обильно посолила его пышные кудри, а мое тоскующее по ласке сердце навеки прильнуло к нему. Мне хотелось вновь видеть его веселым, шумным, хотелось, чтобы в его глазах не было этой безысходной тоски... Но что я могла сделать, маленькая, глупая?..

Неожиданную весть о переводе папы на новый череповецкий гигант я встретила с отчаянным горем. Охрипшая от слез, пыталась упрашивать:

— Папочка, милый, не надо... Там нет Волги, нет степей. И солнца нет... Одни болота да туманы. Охотиться негде. Не поедем, папуся. А?..

— Глупышка! — Рука отца ласково трепала мои косы.— Трудно мне здесь, Оленька... Тут маму схоронили, и жить здесь нет сил... Да и ты все перепутала. В Череповце Шексна не уступит Волге, а уж охоты мы такой и не видывали. Есть лоси, волки, медведи...

— М-м-медведи? — недоверчиво переспросила я, и слезы высохли.— Знаешь что, папочка? Поедем!

Череповец мы застали изрезанным траншеями, котлованами. Казалось, город пытаются перевернуть вверх тормашками, но мне это не было в диковинку. Сталинград тоже подымался из руин. Здесь также вырастали, как на дрожжах, новые дома, магазины, вздымались заводские трубы. Росла и взрослела и я. Чем старше и серьезнее становилась, тем крепче прирастала сердцем к этой скупой бесхитростной земле с ее неяркой красой, с широкими реками, наполненными рыбой, к туманным просторам искусственного моря, к необозримым щетинистым лесам и печальным гудкам пароходов. Конечно, здесь не было огненных волжских закатов, но были серебряные белые ночи. Не было жгучего, немилосердного солнца, но вековые тополи высились на нашем проспекте, и листья задумчиво шептались над головой. Частые дожди затягивали дали, и монотонный баюкающий шум заполнял воздух. Я полюбила белые ночи, бередящую красу тополей и даже шелест листьев под каплями тихого дождя. Сталинград вспоминался все реже и реже.

Папа дни и ночи пропадал в своем сталелитейном. У него появились новые друзья — металлисты, охотники. Они-то и пригрели мою одинокую девчоночью душу. Я полюбила вечерние разговоры у кипящего самовара, когда Иван Иванович увлеченно рассказывал о ехидном нраве белых куропаток, а Сергей Михайлович, высокий, худой, с лоснящейся, как бильярдный шар, бритой головой, вел степенные разговоры о кислородном дутье, о гранулировании шлака и футеровке ковшей, а порой, к удовольствию папы, нещадно гонял меня по математике.

Седые, с дублеными лицами, хранящими вечный налет металлической пыли, папины сверстники стали моей семьей, без которой я не могла существовать. Здесь родилось твердое решение быть, как папа, металлургом и еще сильнее вросла в душу охота — чудесная страсть, наполнявшая сердце живыми красками необычайной силы.

Охота роднила меня с немногословным племенем старших, а папа, едва мне исполнилось четырнадцать, сделал мне чудесный подарок. В первый день каникул, когда я уже числилась в восьмом классе, он подошел ко мне, откинул упавшие на лоб кудряшки и глухо проговорил:

— Большая ты уже, Ольга. Негоже бегать на охоте за собачонкой... Решил я подарить тебе мамино ружье... Купил когда-то еще невесте, да больно у нее сердце было жалостливое. Так и пролежало ружьишко лет двадцать пять или тридцать...

Протянув бережно запеленатый в полотно длинный сверток, он нахмурил брови:

— Держи, береги, охотиться будешь со мной. Патроны заряжать тоже. Ружье — это не игрушка.

Трясущимися руками, не веря себе, я схватила сверток, в котором была двадцатка Иваншенцева, маленькое ружье, предмет моих отчаянных вожделений, и сильно выдохнула:

— П-папа!

Этим было сказано все.

В летний зной и в осеннюю непогодь я часами шагала рядом с папой по бурелому, возбужденная, черная, как обезьянка, с махровым румянцем во всю щеку, с облупленным носом и глуповатой восхищенной улыбкой. Папа поглядывал весело и в знак высшей похвалы ронял:

— Не пищишь? Знаешь, Олька, с тобой и сына не надо.

Малиновая от гордости, я была готова пройтись колесом, но жутко боялась ядовитого на язык Сергея Михайловича. Сначала старики делали вид, что не замечают моей восторженной, искусанной комарами рожицы, потом привыкли. Им было удобно со мной. Я хозяйничала на станах, потрошила и варила дичь, умела развести костер в любую погоду, построить из ничего шалаш, высушить портянки. Если убитая утка падала далеко, а собак не было рядом, папа не успевал моргнуть, как я уже стаскивала лыжные штаны и через секунду лягушонком плыла к добыче, расталкивая зеленую ряску.

Бежали годы. Постепенно я вытянулась, стала строже, хотя по-прежнему была маленькая и тоненькая, как мальчишка. Внезапно начали

льнуть парни, и это повергло меня в недоумение и ярость. Разглядывая себя в зеркало, пожимала плечами: нос вздернутый и облезлый от солнца. Щеки пегие... Брови изломанные и тонкие. При чем же здесь любовь, которая не только ужасный грех, но и несомненная ошибка человечества?

А школьные подружки сплошь и рядом подзуживали.

— Какая ты крепкая, Олька! — вздыхала завистливая Клава, когда мы копошились на школьном участке и я шутя корчевала пеньки.— И загар у тебя, и вообще... Ребята с ума сходят...

— Поди в болото! — злилась я, краснея до макушки.

Всякое упоминание о парнях, о любви возмущало до глубины души, но от этих разговоров некуда было деться.

Однажды паренек из нашего класса с ловкостью слона сунул мне в карман записку:

— Потом прочтешь...

Я убежала в пустой класс и прочла первое в своей жизни нелепое объяснение в любви. Зеленая от ярости, выскочила в коридор, отыскала в толпе ребят своего обожателя и поволокла к окну.

— Ты... ты... ты понимаешь, что написал?..— Я не нашла слов и выпалила первое, что выскочило в памяти: — Ты просто негодяй!.. Растленный тип!..

«Тип» озадаченно посмотрел на меня, как на выскочившего из бутылки черта, сунул в нос длинный, как кочерга, палец и ломким петушиным баском изрек:

— Конечно, я знал, что ты дура... Но не думал, что такая.

На этом не окончились романтические притязания сверстников. Вскоре я получила письмо, написанное стихами:

«Я в парке встретил вас случайно.
Вы танцевали вальс с другим,
И все, что я считал забытым,
Вновь стало свежим и больным...»

Стихи повергли меня в дикое смущение. Я негодовала, но все же это не была прозаическая записка. Незадачливый автор, бледный, тихий паренек Горин, лучший математик нашего класса, не ожидал беды. Да и я ее не хотела, но любопытная Клава в перемену сунула нос в мой портфель. Вернувшись в класс, я застала жестокую картину: Клава во весь голос читала стихи, сопровождая их ядовитыми комментариями, класс дружно ржал, а Горин пронзил меня взглядом, способным поджечь океан.

А когда я уже работала на заводе и поступила в заочный институт, на моем горизонте вырисовался довольно опасный риф — Володька. Но это уже совершенно иная тема, не относящаяся к медвежьей охоте.

Утром, в лаборатории, едва я вернулась из сталелитейного, куда бегала узнать, что получается из папиной затеи продувать конверторы кислородом, ко мне подбежала подружка Галя.

— Оля, тебе Володька звонил. Три раза спрашивал...

Володька был нашим шефом, главой отдела анализов, но никак не мог добиться, чтобы мы, подчиненные, почтительно звали его по имени-отчеству, Владимиром Ивановичем. Причиной нарушения субординации была я. Володька тщетно пытался заарканить мое непослушное сердце, но он слишком кичился своим инженерским званием, а я не терпела зазнаек. Чаще всего мы грызлись, как две кошки, а девчата тайком хохотали, и авторитет нашего начальника был низвергнут в пропасть, из которой больше не подымаются. Звонок не обещал ничего, кроме очередной перебранки, и я подняла трубку, как гремучую змею.

— Оля,— послышался вкрадчивый баритон Володьки.— Во-первых, тебе, как члену комитета, комсомольское поручение: проведи в лесо-механическом техникуме вечер вопросов и ответов. Нужно ознакомить молодежь с нашим комбинатом. Так сказать, привлечь будущие кадры... Во-вторых...— Он замялся, подышал в трубку.— У меня билеты на «Годунова». Ты вечером свободна?

— Уезжаю на охоту! — отрезала я.

Мне смертельно захотелось послушать оперу, но Володька замещал секретаря комсомольского комитета, его голос по этому случаю звучал начальственными нотками, и я умышленно сожгла мосты. Бросив трубку, я закружилась по лаборатории, колоколом раздувая платье. На вопросительный взгляд Галки оттопырила губы:

— На «Годунова» приглашал. Подумаешь, счастье!..

Клава, работавшая третьей лаборанткой, поправила очки на хорошенькой, продувной физиономии и с обычной хитрецой уронила:

— Дурища ты, Ольга! Все же инженер. С положением!..

— Плевать мне на его положение!..—Я осеклась, выпучила глаза на исполинский нос Ивана Ивановича, неожиданно просунувшийся в дверь.— Ой, дядя Ваня! Здравствуйте! Вам папу? Он у себя, в цехе.

— У Степана Петровича я уже был.— Иван Иванович подмигнул мне озорным цыганским глазом.— Готовь машину, Диана-охотница... Медведи!..

— Где? — поперхнулась я. Мне померещилось, что в зимних заснеженных лесах кого-то задрали медведи и нужно ехать немедля, искать, гнаться, отомстить...

Иван Иванович хохотнул:

— Далеко. В Андоге. Километров, поди, семьдесят. Лесник телеграмму мне ударил...

В цехе, куда приходилось бегать ежечасно, я уже не могла любоваться на гудящие мартены, на знойные потоки жидкого огня. Не волновал и конвертор, из которого било хищное, гогочущее пламя. Думая о медведях, я машинально записала результаты папиной плавки: сталь, выданную за восемь минут вместо шестнадцати. Все шло мимо сознания, и лишь потом я сообразила, что это победа папиной бригады над язвительным металлургом, пророчившим взрывы, прогар футеровки и тысячи иных напастей. Я видела, что металлург торчал на площадке оператора, тайком наблюдал за папой и подручными, а потом незаметно испарился.

В жаре, в дыму цеха мне мерещились затуманенные боры, выстрелы, лопающиеся пузырями над седыми полянами. Охотничий психоз навалился на меня, как грипп, и только в лаборатории я немного опомнилась. Черные глазищи Гали светились упоением и страхом. Она боялась и завидовала мне.

— Олечка, ты взаправду на медведя? — испуганно спрашивала она.— Знаешь, я Володьке звонила. Он сказал...

— Не интересуюсь! — отрезала я, хотя мне было очень любопытно узнать, что же сказал Володька.

— Оля! Не езди... А?.. Медведи страшные и кусаются...

— Я сама кусаюсь,— фыркнула я.— Не бойся, Галка. Обязательно укокошу во-от такого медведища.

Галя огорченно побрела к своему столику, а я рассматривала на свет пробирки с титрами и ухмылялась. В зеленом растворе хрома мне чудилась хищная медвежья морда с прижатыми ушами.

Лишь через десяток минут я сообразила, что хром титруется в пробе стали из папиной сегодняшней плавки... Мой старый седой папка сварил легированную сталь в обыкновеннейшем бессемере, а я-то, дура, ничего не знала...

Поздно вечером мы прикатили к леснику, и вот я торчу в этом снежном царстве, а старички мои спят, и луна таращится с неба, и знакомая песня плывет вдали, а на душе рассветает, будто и туда пролился голубоватый свет луны. Озябнув, веселая и счастливая, я юркнула в избу и через минуту спала, словно сон накинул мне на голову теплый звуконепроницаемый мешок.

Еще разматывался суматошный поток сновидений, а рука отца уже трепала щеку:

— Оленок, подымайся. Пора!

Меня как ветром выдуло из-под одеяла. Натянув штаны, на ходу скручивая косу в пучок, я выбежала в горницу. У стола, заваленного патронами, колдовали мои старики. Сергей Михайлович повернул ко мне узкое, шафранного цвета лицо.

— Поднялась, долгоспаха?

— Как? — Я притворно рассвирепела, запрыгала на одной ноге, силясь натянуть валенок.— Дудки! Это вы долгоспахи, старые, пузатые колдуны. А я не спала ни чуточки...

Тяжко топая подшитыми валенками, в избу ввалился наш хозяин, Федор Максимович Ляпин, мужчина лет пятидесяти, саженного роста, с распущенной во всю грудь, жаркой, как подсолнух, бородищей. Покосившись на меня, он неодобрительно шмыгнул носом:

— И ты, никак, собираешься? Зря! — Переведя на папу белесые глаза, он боднул головой.— Порешил я, значит, Ольгу Степановну на берлогу не брать. Пускай дома дрыхнет...

— Почему? — спокойно спросил папа.— Охотится она давно. Стреляет не хуже нас с тобой. Да как-никак — четверо мужиков.

Федор Максимович насупил квадратное задубевшее лицо и запустил в бороду пальцы.

— Понимаешь, Степан Петрович, отродясь баб не водил на берлоги. Зверюга лежит страшенный. По первоснегу след видел —

во! — Он развел руки на полметра и кулаком разрубил воздух.— Не собирайся, девка! Не поведу, и весь тебе сказ...

Не понимаю, как удалось не вцепиться ему в бородищу. Я сжалась, растерянно заморгала.

— Не берете? Потому что девчонка? Как бы не так! Я знаю, где ваш сороковой квартал. Уйду в лес одна, подыму пальбу, всех медведей разгоню... Так и знайте!..

— Это она может,— усмехаясь, поддакнул Сергей Михайлович.— Не девка, а сущая напасть, прости господи...

— На лыжах, промежду прочим, сильна! — добавил Иван Иванович.— Ох и сильна!..

Лесник изумленно вытаращил глаза, будто увидал живую ведьму, потом распахнул рот, ударил руками об полы и загрохотал на всю избу:

— Ох-ха-ха-ха! Где ты ее выкопал, Степан Петрович, как, извиняюсь, породил этакую чуду?.. Ну и девка! Она взаправду всех медведей расшугает. Придется, ежова голова, брать тебя на берлогу. Тут уж, брат ты мой, ничего не попишешь.

...В лесу было тихо, солнце еще не взошло, и розовая дымка окутала просеку, убегавшую до самого края земли. Высились колонны заснеженных елей. Дружно скрипели лыжи. Иван Иванович наседал мне на пятки и грозно шипел: «Берегись! Затопчу!»

С пригорка открылись сиреневые щетинистые дали, и в душу хлынуло терпкое ощущение огромности земли. Привычное, всегда немножко возвышенное слово «Родина» стало зримым, близким.

Не абстрактная страна с необозримыми просторами, тысячами городов и сел, раскинулась во все стороны без конца и края, а именно эти корабельные боры, сосны со снеговыми шапками, лужок со стогами подъеденного сена, сизые дымки деревень, голоса, напевающие «Вологодские вечера», и наш сверкающий огнями Череповецкий завод.

Замечтавшись, я лихо вкатилась на лыжи Сергея Михайловича. Старик сбалансировал, чиркнул по сугробу рукавицей и погрозил кулачищем:

— Куда тебя несет, шальная!..

На скрещении просек Федор Максимович поднял руку.

— Дальше нишкни! До берлоги метров, поди, двести. Ружья заряжайте здесь. Девчонку и доктора на фланги, потому — ненадежные. Тебе, Сергей Михайлович, к челу. И штоб никто не кашлянул, не брякнул. Зверь старый, пуганый. Сорвется — леший его сыщет... А коли кто шумнет,— враз лыжей огрею!

Я невольно поеживаюсь. Угроза адресована мне, а лыжи у старика широченные, тяжелые. С досады кусаю губы. У чела берлоги станет Сергей Михайлович. Рядом — папа и языкастый Иван Иванович. Каждый бьет гуся влет пулей, а у них тяжелые тулки двенадцатого калибра. Даже Кощей Бессмертный не прорвется сквозь огонь старых фокусников, а у меня пукалка, а не ружье, и медведя не видать, как собственных ушей. Мечта стать настоящим зверовым охотником явно не осуществится.

Мне ужасно хочется увидеть, где же берлога, и, оглядываясь, я чуть не падаю у выворота ели. Папа беззвучно сплевывает. Не будь рядом медведя — ох и влетело бы мне за розтейство! По взмаху руки лесника сходит папа, затем Сергей Михайлович, равнодушно оглаживающий щеку. Вот бы мне его выдержку и спокойствие!.. У его ног замечаю темный колодец в снегу. Над отверстием парок, как над стаканом чая. «Чело!» — мелькнула догадка, и холодок пополз по спине. Отсюда вынырнет медвежья башка и свалится под выстрелами Сергея Михайловича. Нет, не стать мне медвежьим охотником...

У елового куста, утонувшего в снежном конусе, схожу с лыж, обтаптываю снег и на всякий случай отщелкиваю предохранитель, хотя совершенно очевидно, что стрелять мне не придется.

Солнце выползает из-за березовой гривки и повисает над вершинами, как раскаленный малиновый щит. Березы розовеют, а иней на ельнике горит всеми цветами спектра. От утонувшего в снегу стога в сумеречную глубь леса тянется взрыхленная тропа. «Лоси были»,— догадываюсь я.

Лесник перебирается через упавшую ель, закидывает за плечи ружье и достает из-за пояса топор. Неторопливо бьет обухом по стволу упавшего лесного великана.

— Бу-у-у-ум! — раскатывается тупой басовитый удар. Екает сердце, но ничего не происходит. Эхо гоняет по лесу отголоски, а Федор Максимович вскидывает опушенную пламенем бороды голову:

— Крепко спит, язви его в корень! — И снова бьет обухом.

От напряжения все кажется зеленым, как в воде. Тут-то и разыгрывается молниеносная лесная драма. Перед Сергеем Михайловичем беззвучно взлетает фонтан снежной пыли. В нем мелькает что-то пегое и удивительно подвижное. Из рук Сергея Михайловича вылетает бледный кинжал огня, тулка зло рявкает на весь лес, и эхо мечется по сугробам: ах!.. ах!.. ах!..

Черное и мохнатое ныряет в снег, и тотчас раздается кощунственно громкий бас доктора:

— Готов!

Эхо услужливо подхватывает: ...ов! ...ов! ...ов!

Тишина в лесу такая, что, кажется, ее можно резать ножом, как сыр. Я собираюсь закинуть за плечи ненужную двадцатку, но случайный взгляд на Федора Максимовича заставляет торопливо снять предохранитель. Старик пятится, силясь сорвать с плеча зацепившееся ружье. В его лице явственный непонятный ужас. Я не успеваю мысленно произнести «мамочка», как у его ног, по ту сторону упавшей ели, взрывается беззвучный снежный заряд. Как на экране, вижу падающего навзничь старика и второго медведя, с немыслимой быстротой ныряющего в сугробах. Он не стал на дыбы, не кинулся на лесника. Он улепетывал во весь дух на четвереньках, как большая бесхвостая собака. Я увидела огромную башку с хищно прижатыми ушами и больше ничего не помню. Ни выстрела, ни толчка в плечо я не ощутила, но медведь осел и зарылся головой в снег. Остолбеневшие охотники молчали. Зашевелился и начал подыматься лесник, но вновь прогремел невероятный бас доктора:

— Вот тебе, бабка, и Юрьев день!.. И этот готов!..

Эхо понесло по лесу: ...ов! ...ов! ...ов! Медведь, словно разбуженный рыком могучего баса, разметал снег и ринулся к кустам. Прикусив губу, я ударила навскидку, как селезня на взлете. Медведь запнулся и ушел головой в сугроб. После секундного ошеломления доктор громыхнул, как из главного калибра:

— Окончательно готов!

Шаркая лыжами, подбежал Федор Максимович, схватил меня за плечи, затряс, как грушу, и загорланил на весь лес:

— Ай да пичуга!.. Да еще из этакого мухобоя такую страшилищу угрохала. Ну, спасибо тебе, дочка! Не влепи топтыгину пулю, был бы Федору нонче полный блин. Я ж не знал, что под одним выворотом две берлоги. Чуть окаянному в лапы не въехал. Спасибо тебе...

— Ничего, не стоит, пожалуйста,— пролепетала я, от смущения потеряв дар речи.

Старик растроганно повторил:

— Стоит, доченька, стоит...

— Какая она тебе дочка? — строго перебил его Иван Иванович, многозначительно потрясая пальцем.— У нас нет такой. Есть у нас паренек — Олешка. Между прочим, охотник, ежа ему за пазуху, и стрелок отменный. Ясно?

— Олешка-парень?— переспросил лесник.— Ну что ж, это подходяще!

Старики загалдели, а я пухла от гордости, обрадованная своим новым мальчишеским прозвищем, что пришло ко мне в такое ясное, пронизанное солнечными копьями утро моей большой охотничьей победы. Кажется, я заслужила уважение старших, хотя стреляла скорее всего с перепугу, особенно в первый раз. Вскоре возник еще один червячок сомнения. В деревне, когда Иван Иванович снимал шкуры с убитых зверей, я отыскала обе ранки в загривке медведя и неожиданно обнаружила еще одну... В лохматой хребтине оказалось отверстие калибром вдвое больше моей двадцатки. Эта страшная пуля парализовала лесного владыку, и я вскинула на Ивана Ивановича перепуганные глаза. Он хитро огляделся по сторонам и шепнул:

— Помалкивай, Олешка-парень. Твоя пуля последняя, и добыча твоя. Не сомневайся. Знаешь, ежели враз выпалить, то звука нипочем не услышишь. Ты никому ни гу-гу! Ясно тебе?

И, смеясь, добавил:

— Ты есть добытчик, забодай тебя комар, и с таким хлестким парнем мы завсегда рады хоть за утями, хоть за медведями, хоть за лешими.

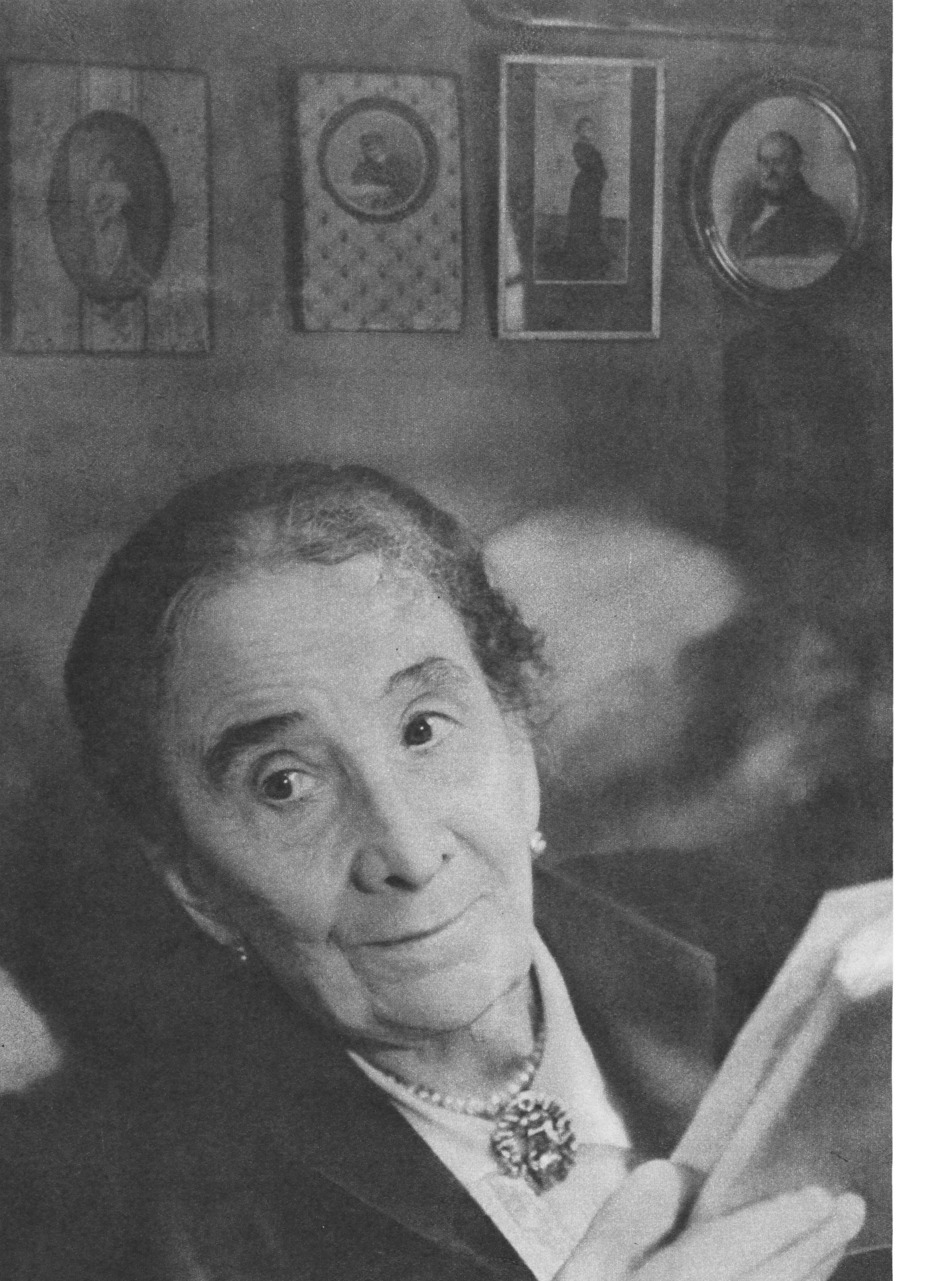
Это было признание, и я молчала, зная, что против неписаных охотничьих законов возражать не приходится.

О новом прозвище и убитом медведе мигом узнали на заводе, и девчонки поглядывали с завистью. А Володька значительно сбавил спесь, приходил любоваться на мохнатую медвежью шкуру, и, кажется, я стала с ним почему-то приветливее, чуточку сердечнее.

Мы все же собрались на оперу, но это действительно совершенно другая тема.

Ростов-Ярославский.

Вся она — как в прошлом, так и поныне — принадлежит искусству. И необычайно радостно, что сила искусства Турчаниновой — это и сейчас живая, действенная сила.

Ни один спектакль, где участвует Турчанинова, ни одна ее роль не оставят вас равнодушными. Появится ли актриса на сцене Малого театра злобной генеральшей Крахоткиной в «Селе Степанчикове», либо капризной и в чем-то даже несколько игриво-озорной, несмотря на преклонный возраст, мисс Кроули в «Ярмарке тщеславия», либо измученной и кроткой госпожой Гранде в «Евгении Гранде»,—вы запомните ее на всю свою жизнь, испытав то глубокое и не передаваемое словами потрясение, какое рождается в душе человека лишь при соприкосновении с истинным произведением искусства... И чем больше вы будете стараться разгадать причину этого потрясения, найти сокровенную тайну поразительной игры, когда и самое слово «игра» вдруг становится похожим на кощунство, тем сложнее, загадочней, непостижимей покажется секрет мастерства, которым владеет Турчанинова.

Но, тем не менее, секрет этот постижим.

Он в работе.

Тонация, каждый жест и взгляд. Актрисе нужна и важна любая деталь, любая рюшечка на чепце, оборочка на платье. Однако ее Крахоткина не только эгоистична, черства, притворно-расслаблена, истерична и ревнива. Зрители постепенно убеждаются в том, что это еще и властная, бессмысленно-жестокая барыня-самодурка, до мозга костей тиранка и угнетательница.

— Я, признаться, эту самую Крахоткину терпеть не могу! — энергично восклицает Евдокия Дмитриевна.— Очень уж она неумна. А главное — крепостница, крепостница и крепостница!..

Но чего же стоила бы та огромная, вложенная актрисой в образ Крахоткиной сила обличения злой, бесчеловечной сущности крепостничества, если бы не стала для нас генеральша из Степанчикова живым, реальным человеком, в существование которого мы глубоко поверили и всем сердцем своим содрогнулись!..

Эта сила и есть достижение высшей ступени «искусства и техники», когда на сцене творится, осмысливается жизнь...

Турчанинова родилась 14 марта 1870 года — всего девять лет спустя после отмены крепостного права. Отец же будущей актрисы Дмитрий Платонович Турчанинов происходил из «дворовых людей». Крепостной княжны Волконской, он, рано осиротев, находился среди господской челяди. Впоследствии его отдали служить в Малый театр. Здесь, в этих стенах, Турчанинову не раз доводилось видеть знаменитого драматурга А. Н. Островского. Но, конечно, капельдинер, а затем кассир Малого театра Турчанинов не мог даже предположить тогда, что любимая дочка его, с самой юности тянувшаяся к сцене, обретет такую громкую славу именно в пьесах Островского, переиграв в них около восьмидесяти ролей.

— И драматические курсы при Малом театре, куда я поступила в 1888 году, были созданы по инициативе Островского. И программа, по которой мы занимались, была разработана им же! И до сих пор больше всего люблю свою Варвару в «Грозе»,— вспоминает Евдокия Дмитриевна...

Воспоминания Турчаниновой светлы и своеобразно деловиты: они нигде не обрываются. Прошлое связано в них с настоящим прочной нитью непрекращающегося творчества. В жизни актрисы нет того горького рубежа, за которым человек словно выпадает из современности и только в былом, минувшем ищет радость и утешение.

У Турчаниновой и поныне продолжается нелегкая актерская трудовая жизнь, поиски характеров — едва уловимых порою примет живого, человеческого своеобразия. И сколь не похожи у нее друг на друга избалованные бездельем и тунеядством Крахоткина и мисс Кроули, столь же не похожи и трудовые советские женщины: вся светящаяся любовью к людям Мотылькова в «Славе» В. Гусева или собранная, чуть строгая Горицвет в «Крыльях» А. Корнейчука...

Знавала в Клину Евдокия Дмитриевна семью Забалуевых. Несколько сестер, немолодых уже годами, целиком посвятили себя любимому делу — педагогике. Всех своих учеников выводили они в люди и в дальнейшем трогательно заботились о них, переписывались с ними. И вот, словно все вместе, ожили на сцене в собирательном, глубоко человечном образе расторопной, подтянутой, аккуратно прибранной учительницы из «Крыльев». И скромная вуалька на старомодной шляпке, и беленький воротничок, и решительная походка — все вспомнилось, все заиграло, заискрилось на сцене...

Пристальным, внимательным и немножко лукавым, изучающим взглядом смотрит на людей Турчанинова. И кажется, будто что-то отбирает для себя, накапливает: пригодится!..

— Привычка такая, действительно, есть, — немногословно соглашается Евдокия Дмитриевна.

Да разве можно было бы без такой вот постоянной «приглядки» к людям, как выражается Турчанинова, сыграть ни много ни мало — триста семьдесят ролей! Разве можно было бы все их облечь в живую плоть и кровь. Между прочим, почти все эти роли записаны мелким, очень разборчивым, до сих пор молодым и ясным почерком... А сколько сделано интереснейших снимков! Актриса без грима работает над мимикой, подобно скульптору. Отчаяние, восторг, брезгливость, уныние, любопытство, скорбь, изумление, страх, надежда... Кажется, нет такого чувства, вернее, множества оттенков чувств, выражению которых не подчинялись бы все послушно меняющиеся черты лица — изгиб бровей, рисунок рта, глаза...

Подолгу длятся иногда эти занятия у большого зеркала в старинной ореховой раме. Очень важно, что это — техника и в то же время не просто техника. Нужно ведь сначала отыскать внутреннее, психологическое состояние, а потом уж «проявить» его с безошибочной точностью.

Нет, Турчанинова отнюдь не вырабатывает при этом некие «заготовки» для будущих своих ролей. Выйдя на сцену, она никогда и не воспользуется ни одной из своих замечательных находок! Но актрисе важен постоянный самоконтроль, постоянная тренировка. Поэтому-то Турчаниновой столь же послушны и ее жесты, движения. Она до сих пор пластична и подвижна. Ее стан сохраняет прямую, стройную осанку, походка свободна и легка. И когда видишь Евдокию Дмитриевну дома, вот такую оживленную, приветливую, то вновь и вновь поражаешься этой удивительной работоспособности, выносливости.

Как раз сейчас идет съемка фильма «Евгения Гранде», в котором занята Турчанинова. Дело это, что греха таить, и для молодых актеров утомительное... Каково же на съемках Евдокии Дмитриевне!..

И все-таки радуешься тому, что вся страна, весь народ увидит актрису в одной из самых поразительных ее ролей.

Царству чистогана, отвратительной скаредности, наживы противопоставляет здесь Турчанинова силу души человека. Пусть человек этот немощен телом... Госпожа Гранде Турчаниновой не просто страдающая праведница. Она гибнет потому, что не может и не хочет подчиниться законам затхлого мира стяжателей. И если для господина Гранде и ему подобных «вся жизнь человеческая — сделка», то гибнущая и, казалось бы, совершенно беспомощная госпожа Гранде — живой протест против такой жизни. Золотая, отзывчивая натура этой чистосердечной, простодушной женщины оказывается во сто крат дороже луидоров, какими набивает карманы ее муж — хитрец и скряга папаша

СЛАВНОЕ ДЕВЯНОСТОЛЕТИЕ

А сущность работы все-таки игра! Та самая, бессчетное число раз продуманная и выверенная, в мыслях и чувствах актера выношенная игра, законы которой в течение многих лет изучали и устанавливали Щепкин, Ленский, Станиславский — учителя Евдокии Дмитриевны Турчаниновой...

По всей вероятности, и ее собственная творческая деятельность, блистательно начатая актрисой в девяностых годах прошлого века, когда появилась она в спектаклях рядом с Ермоловой, Федотовой, Медведевой, Садовскими, позволила К. С. Станиславскому сделать вывод, что «одна из прекрасных особенностей больших артистов, достигших высших ступеней искусства и техники, заключается в выдержанной и законченной игре... Эти великие артисты на глазах зрителей вылепляют свою роль по частям, от одного акта к другому, постепенно, спокойно и уверенно».

Именно так, на глазах у зрителей, штрих за штрихом, черточка за черточкой, от одного акта к другому, лепится с поразительной четкостью роль той же, например, генеральши Крахоткиной, заедающей все живое в селе Степанчикове.

У Турчаниновой в этой роли закончены и выдержаны каждая ин...

Народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова.
Фото И. Тункеля.

Гранде (его играет в фильме С. Б. Межинский).

Следуя простой и трагической истории, рассказанной Бальзаком, актриса вновь вносит в нее собственную мысль, отношение советского человека, современника.

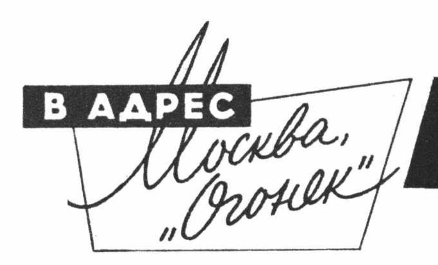
...В студии дают свет. Госпожа Гранде, смертельно бледная, больная, укутана большим платком; вяло опущены, недвижны руки, седая голова беспомощно откинута на спинку кресла. Ей плохо, неуютно, холодно. Впалые щеки. Скорбные, добрые глаза полуприкрыты тяжелыми веками. Плотно сомкнутый рот, кажется, никогда уже больше не улыбнется...

Опять и опять повторяется съемка эпизода. И только поздно вечером Евдокия Дмитриевна отправляется домой, на Пушкинскую площадь.

— На улице такой мороз! — заботливо встречают ее.— Не озябли вы? И ведь скользко...

— Что ж теперь, меня в вату закутать, что ли? — возмущенно отвечает Турчанинова, сбрасывает пальто и, быстрым своим шагом пройдя через большую переднюю к себе, бережно ставит в белую изящную фарфоровую вазочку густую ветку мимозы, всю сплошь усыпанную теплыми, пушистыми шариками. По комнате, а потом и по всей квартире распространяется тонкий, едва уловимый запах весны...

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЭЛЕКТРОННЫЙ «ЛИНГВИСТ» ✦ ЧТО ТАКОЕ СЖК

Переводит машина

Может ли машина полностью заменить труд переводчика? Может ли она осуществлять устный перевод?

И. Г. НИКОЛАЕНКО
с. Белоцерковка,
Запорожская область.

Человек нашел заменители для кровеносных сосудов; во время сложных операций пульсирует искусственное сердце. Теперь наступила очередь «святая святых» — человеческого мозга.

Однако оговоримся сразу: так же, как оптические приборы не заменили человеку зрение, так и самые совершенные электронные машины не смогут заменить собой работу головного мозга. Речь идет только о «механизации» некоторых процессов мышления. В этом смысле машине под силу производить трудоемкие вычисления, делать сложнейшие расчеты и в принципе осуществлять перевод с одного языка на другой.

Электронный переводчик может взять грамматически и стилистически однообразный текст и найти для него соответствия в другом языке. Иными словами, сфера действия такого переводчика ограничена рамками технической и научной литературы.

Первые опыты по машинному переводу в нашей стране были проведены четыре года тому назад с помощью БЭСМ (быстродействующей электронной счетной машины) конструкции академика С. А. Лебедева. Без помощи человека машина самостоятельно обработала несколько английских фраз, выбранных из математической книги, и выдала их точный перевод на русском языке.

С тех пор работы в этой интереснейшей области приняли широкий размах. Научные коллективы, объединяющие усилия лингвистов, математиков и инженеров, работают во многих городах Советского Союза.

Каков же «творческий метод» электронного переводчика? Что составляет его «интеллектуальный» багаж?

Прежде всего текст должен поступить в электрочитающее устройство, которое заменит автоматическому переводчику глаза. После «чтения» фраза, разбитая на отдельные слова, попадает в словарь, где определяются их значения. Этот процесс происходит следующим образом: код искомого слова вычитается из кодов всех имеющихся в словаре слов. Когда разность будет равна нулю, считается, что слово найдено.

Затем каждая лексическая единица обрабатывается по правилам соответствующей части речи. Весь сложнейший анализ в основном сводится к одной операции: каждый раз машине задается программой конкретный вопрос, на который она должна ответить либо «да», либо «нет».

После этого слова перестраиваются по грамматическим канонам языка, на который совершается перевод, и готовая фраза поступает в печатающее устройство.

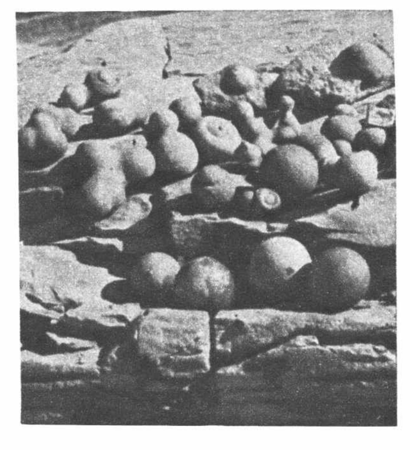
Вне всякого сомнения, машина совершает множество операций, которые не все рациональны в каждом конкретном случае.

Однако этот «врожденный» недостаток электронный переводчик компенсирует скоростью. Практически на перевод нормальной фразы машине требуется не более 1—2 минут.

Теперь на повестку дня стал вопрос об осуществлении устного перевода. Для этого придется разрешить ряд не только инженерных трудностей, но и чисто лингвистических. Многое здесь будет зависеть от специалистов по фонетике. Но в конечном счете и эта задача выполнима.

Можно не сомневаться, что недалек тот день, когда на международных конференциях и съездах места переводчиков будут заняты электронным роботом. Он сможет не только моментально переводить с любого языка на любой другой язык, но и одновременно выдавать печатный текст выступлений.

М. ЕФИМОВ,
научный сотрудник Института точной механики и вычислительной техники АН СССР

КАМЕННЫЕ ШАРИКИ

В прошлом году на берегу Черного моря мне попались камешки, имеющие форму шара. Некоторые из них были сначала похожи на кокон шелкопряда, но затем они раскалывались, очевидно, волнами, на два каменных шарика. Встречаются шарики, как грибы, семьями. Каково происхождение круглых камней?

М. А. СТЕПАНОВ
Москва.

Это конкреции — особого рода образования округлой формы в осадочных горных породах. Они возникают вокруг какого-нибудь постороннего тела в результате концентрации минерального вещества из водного раствора.

Изучая географию бассейна реки Вилюй, я встретил конкреции пирита и марказита в самых неожиданных комбинациях круглых форм. Простейшие из них — почти идеально сферические шарики. Величина их различна. Некоторые конкреции похожи на гантели, куклы-матрешки. На снимке вы видите шары, заключенные в плотном песчанике.

Г. В. НАУМОВ,
кандидат географических наук

Седьмой ягненок

Юго-западная окраина Голодной степи...

Здесь, в грозном и неуютном соседстве с Кзылкумами, находится совхоз «Чим-Курган» — одно из старейших каракулеводческих хозяйств страны.

С поистине сказочной быстротой в «Чим-Кургане» растут отары овец. Сотни тысяч каракульских смушек отправил совхоз на пушные аукционы. И никто не удивляется, когда иная овца за один окот приносит порой семь кутолобых ягнят.

Каким же секретом владеют чимкурганцы?

Мы беседуем с директором совхоза «Чим-Курган» Александром Степановичем Месяцевым, Героем Социалистического Труда.

— Никакого секрета нет,— говорит Месяцев.— Есть СЖК — сыворотка жеребой кобылы.

...Еще работая в Московском зоопарке, профессор М. М. Завадовский обратил внимание на весьма любопытное обстоятельство. Физиологами уже давно было замечено, что в материнском организме в период беременности вырабатывается максимальное количество веществ, которые активно влияют на зарождение и развитие плода. Исследования показали, что особенно много этих гонадотропных веществ накапливается в крови лошадей. А нельзя ли выделить их из крови, чтобы затем использовать в качестве стимулятора многоплодия?

Долгие, настойчивые поиски, опыты — и вот препарат получен. Завадовский назвал его СЖК.

В «Чим-Кургане» впервые в стране было проведено широкое испытание нового препарата. Результаты опыта на 25 тысячах овцематок превзошли даже самые смелые ожидания, хотя опыты и проходили в очень тяжелых условиях.

Однажды над Голодной степью впервые за многие десятилетия пронесся сильнейший снежный буран. Метровой толщины сугробы прервали связь с чабанами. Далеко в степи застигла непогода отару Болсынай Даульбаевой, где как раз на днях ожидался особенно большой приплод. Трудно пришлось пожилой женщине и ее сыну Сейдалы. Они руками разгребали снег, доставая овцам траву, отдали им весь свой запас хлеба, укрыли новорожденных ягнят в своих юртах. Но ни одна овца, ни один ягненок не пали в этой отаре.

Исследования в казахском совхозе перекликаются с достижениями животноводов Украины. С помощью СЖК там добились выдающихся успехов в борьбе с яловостью коров.

Сейчас освоен более прогрессивный способ изготовления сыворотки. В прошлом году хозяйства республики получили десятки тонн препарата для обработки миллиона овец и 160 тысяч коров.

— Но в вопросах изготовления и применения препарата еще много трудностей,— говорит Александр Степанович.— В каких отраслях животноводства, помимо каракулеводства, лучше всего применять его? Влияет ли СЖК и на мясной откорм? Может быть, этот препарат откроет небывалые перспективы перед птицеводством и свиноводством? Ведь мы в «Чим-Кургане» уже ставим опыты с поросятами, и после введения СЖК растут они, словно на дрожжах! На заре голосисто заливаются петушки, которым от роду-то всего пятнадцать дней!

На все эти вопросы мы ждем ответа от наших ученых.

Г. АКСЕЛЬРОД

Казахстан.

В отаре Героя Социалистического Труда Даульбаевой овца принесла семерых ягнят. Вот он, седьмой ягненок! Болсынай и ее сын Сейдалы довольны своим питомцем.

Фото М. Ктитарева.

ВСТРЕЧА В СОЛНЕЧНОЙ ПАЛЬМИРЕ

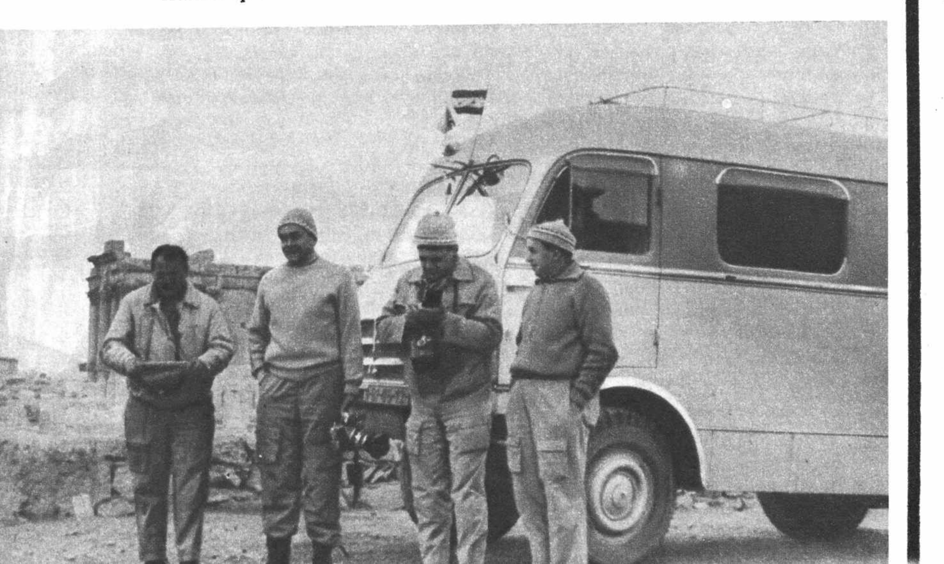
Я геолог, работаю сейчас в Сирии. Недавно мы встретились там с известными чешскими журналистами Иржи Ганзелкой и Мирославом Зикмундом.

Наша маленькая советская колония устроила теплую встречу чешским друзьям.

На снимке: экспедиция готова к отъезду. Слева направо: врач Роберт Вит, Мирослав Зикмунд, Иржи Ганзелка и механик экспедиции Ольдрих Халупа.

Инженер-геолог В. ТУЛЯНКИН

Пальмира.

◆ ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ ◆ СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

ПОПОВ И МАРКОНИ

Спросите любого русского, кто изобрел радио, и он без колебания назовет русское имя: Попов. Но спросите англичанина, и он ответит, что это был итальянец Маркони.

Просматривая лондонский журнал «Електришн» за 1897 год, я обнаружил несколько замечаний, бросающих свет на работу Маркони. 12 ноября 1897 года здесь появилась статья за подписью О. Лоджа, впоследствии ставшего одним из хорошо известных ученых Англии. Высказывание ведущего английского исследователя относительно Маркони заслуживает того, чтобы его привести:

«Один из студентов класса профессора А. Риги в Болонье заинтересовался лекциями профессора о получении и передаче на расстояние волн Герца и, будучи способным, несомненно, наделенным чувством юмора и большой энергией, а также избытком времени, не замедлил положить когерер в опечатанный ящик и привезти в Англию как новый и секретный план, позволяющий осуществить электрическую сигнализацию на расстоянии без проводов. Он был представлен влиятельными людьми главному инженеру правительственного телеграфа (Прису.— П. С.), который, по-видимому, был слишком занят, чтобы помнить о том, что сделано в последнее время в области использования волн Герца. Поэтому было объявлено, что в ящике имеется «новый план», который «доставили в Англию». Были прочитаны лекции, а палата общин ассигновала 600 фунтов стерлингов на специальные исследования... Г-на Маркони поздравляли с результатами его предприимчивости: пресса всех стран подняла его на щит...»

Эти нападки, обвиняющие Маркони в том, что он не кто иной, как блестящий коммивояжер, делающий бизнес на открытиях других, казалось бы, должны были вызвать тот или иной ответ. Однако ни сам Маркони, ни один из его приверженцев не написали ни слова протеста.

В связи со статьей Лоджа в «Електришн» появилось письмо А. Попова, датированное: «Кронштадт, 26 ноября 1897 года». Ученый сообщал: «Повторяя некоторые из опытов О. Лоджа с когерером, я построил прибор...». Описав его, Попов заключает: «Можно сделать вывод, что устройство приемника Маркони является воспроизведением моего грозоотметчика».

Известно, что новости об изобретении Попова были опубликованы в русской прессе в 1895 году. Схема аппарата Маркони была обнародована в июне 1897 года, когда Прис опубликовал детали и когда стало очевидным сходство схемы с аппаратом Попова.

Лодж писал свою статью в «Електришн», еще не зная Попова. Но когда в 1908 году русские ученые спросили его мнение о работах Попова, он ответил, что «всегда был высокого мнения о работе профессора Попова в области беспроволочного телеграфа», и отметил в этой связи, что он оценивает успехи Попова в этой области выше, чем свои собственные. Попов же, в свою очередь, с самого начала признавал положительное влияние работ Лоджа.

Из публикаций журнала «Електришн» за 1897 год ясно, что Маркони не внес оригинального вклада в исследование проблем. Он получил всемирное признание и богатство в результате приобретения патента.

Пэт СЛОУН

Лондон.

Быль чукотская

Рисунки Б. Жутовского.

Мы беседовали в жарко натопленной «Красной яранге». Охотники и оленеводы, попыхивая трубками, расположились вокруг стола, за которым сидели капитан Кузюркин, бригадир колхоза Кымеу и наиболее уважаемые члены колхоза.

Вдруг в ярангу ввалился широкоплечий старый чукча. За руку он тащил упиравшегося человека.

— Что случилось, Тнатвотгиргин? — спросил Кузюркин.

— Смотри, капитан, и ты смотри, бригадир. Этот жирный лахтак, мой брат, возил опять на гору дань духу Келе. Все лучшие куски мяса разделанного вчера кита он

увез туда. Ай, какой позор! Шамана нет, живем культурно, богато, а родной брат верит в Келе.

— Поверь мне, бригадир, — захлебываясь, быстрой скороговоркой заговорил брат Тнатвотгиргина,— я хотел как лучше. Ведь завтра в море уходить надо, пока киты гуляют рядом. Вот я и решил задобрить Келе, чтобы унял ветер и дождь. Видишь, погода какая?

Погода и в самом деле была скверная. Сквозь тонкие стенки яранги слышно было, как яростные порывы ветра хлестали по пологу огромным веником холодного дождя. Глухо шумел и рокотал, ударяясь о прибрежные скалы, волновой накат моря.

— Однако какой же глупый ты, брат мой! Зачем нам помощь Келе? Вельботы и оружие всегда наготове. Да и прогноз Иван Петрович на завтра дал хороший,— продолжал возмущаться Тнатвотгиргин.

В разговор вступили и другие охотники. Да, пора забыть сказки шамана Пананто...

...Накинув капюшоны плащей, мы вышли на улицу.

— Да, сама жизнь ломает религиозные предрассудки,— задумчиво сказал капитан.— Давно ли я здесь, а как окреп колхоз! Яранг почти не осталось. Только в этом году поставлено в поселке 37 жилых домов, построены мастерские, электростанция, баня, звероферма серебристо-черных лисиц. Намного выросла и культура чукчей...

Слушая капитана, я подумал, что немало сделано в поселке по благоустройству и культурно-воспитательной работе и его заботами. Не зря весь люди любят Кузюркина местные жители, советуются с ним, избрали депутатом районного Совета и заместителем председателя сельского Совета.

— А ведь старик тот стал атеистом недавно, с весны, после одного случая. Хотите, расскажу? — предложил Кузюркин.

«Кгх... Кгх... Вперед!» — подбадривал упряжку Тнатвотгиргин. Легкая охотничья нарта быстро скользила между торосами, приближаясь к берегу. Ярко светило солнце, снег на льду побурел, осел, местами стаял. Скоро весна! Пора готовить рульмоторы к вельботам, опробовать новое оружие для охоты на китов.

— Поть, поть, поть! Живее! — покрикивал каюр на собак.

Но что это? Сверкающую под лучами солнца белизну прочертила зигзагообразная темная полоса воды, на которой играли пенистые беляки. «Льдина оторвалась!» — молнией сверкнула мысль.

У края льдины собаки остановились, тревожно повизгивая и озираясь на воду. Ширина разрыва — примерно метров пятьдесят. Преодолеть их, а там по чистому льду — прямо к горе.

План созрел моментально. Выбросив из нарты двух нерп — свою дневную добычу,— Тнатвотгиргин достал два нерпичьих пузыря, надул их и привязал к полозьям нарты. Перепряг собак с таким расчетом, что вожак упряжки оказался намного впереди — на длинной веревке, привязанной к потягу. За вожака охотник был спокоен. Он знал: умница пес не подведет. Полозья нарты скользнули по закромке льда и, хлюпнув, упали в воду, но, поддерживаемые пузырями, держались на воде, подобно плотику. Упряжка приближалась к припайному льду. Вожак Каргель, напружинив свое сильное тело, резким скачком бросил его на лед. За ним взобрались и другие собаки. Упряжка дружно потянула нарту, которая зацепилась за кромку льда. Пытаясь помочь собакам, Тнатвотгиргин приподнялся и уперся руками в лед. Резкий рывок выбросил его из нарты в воду. Собаки сильно рванули потяг, выдернули нарту из-под хозяина и весело понеслись к берегу.

Набрякшая одежда тянула вниз. Промелькнула мысль: раз тону, значит, так угодно Келе, он зовет меня к себе. Вспомнились рассказы шамана Пананто, его заповеди о том, что попавшему в море нельзя возвращаться на землю, ибо его зовет к себе Келе. Вспомнился дикий закон предков: тонущего не спасать, ибо так угодно Келе.

Если же кто попытается спасти товарища, попавшего в беду, тот сам погибнет — такова воля Келе.

Но старый охотник не хотел умирать. Ухватившись за скользкие, ледяные булыжники, примерзшие к припаю, старик пытался подтянуться на руках, но иссякла сила. «Неужели, Келе, ты все-таки берешь меня?» — с тоской подумал старый охотник.— Пожалуй, прав шаман Пананто... Келе свою жертву не упустит... И кто рискнет помочь мне?»

Ефрейтор Постников и рядовой Шмагун давно заметили одинокую нартовую упряжку, быстро скользившую между торосами к берегу. Когда нарта приблизилась к краю оторвавшейся льдины, ефрейтор Постников сказал:

— Шмагун, я пойду помогу чукче перебраться на припай льда.

Гурьян Постников бегом направился к берегу. Увидев мокрую собачью упряжку с перевернутыми нартами, Гурьян все понял. Не обращая внимания на зловещий треск подтаявшего льда, на глубокие синеватые трещины, заполненные булькавшей водой, он бежал изо всех сил к кочковатым наледям, где в полынье погибал человек.

— Держись, батя! Сейчас вытащу!

Охотник бессознательно цепко держался за ледяные грудки. Но вот в затуманившемся сознании старика мелькнуло искривленное лицо шамана и его пророчество: кто пытается спасти тонущего, тот станет жертвой Келе! Тнатвотгиргин хорошо знал этого веселого ефрейтора. Зачем погибать такому молодцу? Он ослабил руки и камнем пошел ко дну: бери, Келе, свою добычу!

Но сильные руки пограничника схватили тонущего за капюшон камлейки и выволокли на припай льда, который под тяжестью двух тел треснул и стал медленно расходиться. Оказавшись в воде, Гурьян быстрым рывком толкнул охотника на крепкую часть припая, затем выбрался на нее сам. Постников быстро снял с Тнатвотгиргина мокрую одежду. Затем, растерев тело шерстяной варежкой, надел на него свою куртку.

Тяжело идти по торосистому льду с тяжелой ношей, на сыром, пронизывающем ветру, в одной гимнастерке. На полпути сдал было Гурьян. Красные круги пошли перед глазами, в висках стучало, губы пересохли. Присел на минутку отдохнуть, но, увидев, что старик бредит и шепчет какие-то фразы, Постников снова продолжал свой трудный путь.

...Оттерли, отогрели в мясных ваннах — среди кусков свежего, дымящегося моржового мяса — Тнатвотгиргина.

С тех пор не верит он в Келе.

— Однако наши пограничники сильней Келе,— рассказывает теперь Тнатвотгиргин.— Их закон: себя не жалей, а товарища в беде выручай — замечательный закон. Такой закон для наших охотников тоже должен быть священным. Не то что дикие законы шаманов.

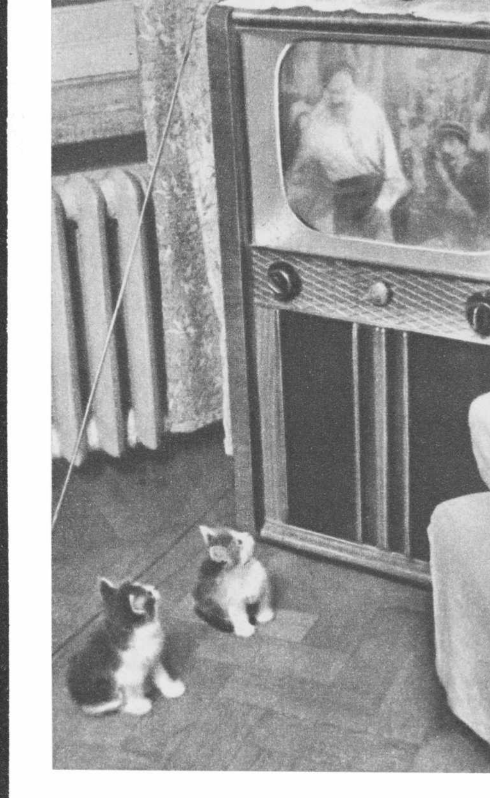
— Так Тнатвотгиргин стал ярым атеистом», — закончил свой рассказ капитан Кузюркин.

— А как дела у ефрейтора Постникова? — спросил я.

— Недавно уволился в запас. Накануне приезжал председатель райисполкома и на общем собрании всех местных жителей и пограничников вручил Постникову от имени Верховного Совета СССР медаль «За спасение утопающих».

В. ГУДЕНКО,
офицер запаса

Чукотка.

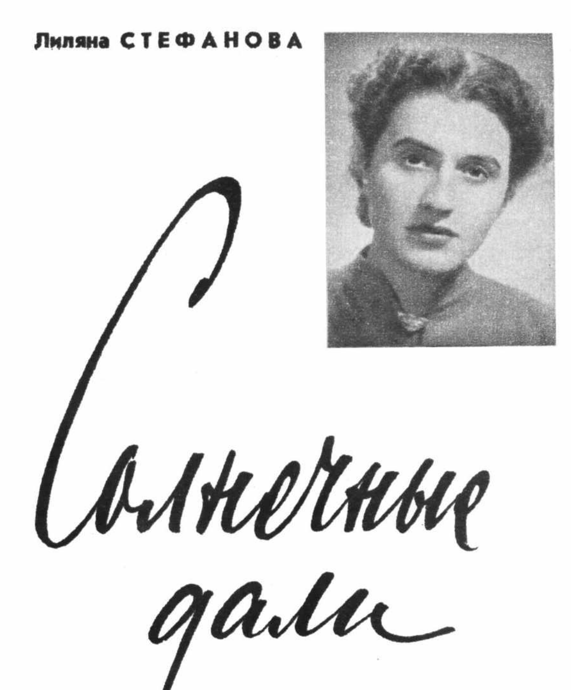
ВНИМАТЕЛЬНЫЕ ТЕЛЕЗРИТЕЛИ.

Фотолюбитель С. Григорьяни.

Ленинград.

Лиляна СТЕФАНОВА

Солнечные дали

ПЕРВЫЙ РЕЙС

С утра в заливе волны колобродят,
веселые вскипают гребешки.
Корабль сегодня в первый рейс уходит,
снимите бескозырки, моряки!

Ребята — стайка будущих матросов,—
деревья оседлав, следят за ним.
Затихнул сразу шум многоголосый —
над замершей водою грянул гимн...

Корабль, врезаясь в небо мачтой белой,
уже гудит, дымит во весь размах
и трогается в дальние пределы,
высо́ко подняв наш трехцветный флаг.

В чужих морях безлунной ночью скоро
ему маяк по-дружески мигнет.
Сбив набок кепки, вслед глядят монтеры,
и токарь папиросу в пальцах мнет.

Они на молодых отцов похожи,—
их сын сегодня сделал первый шаг.
Гордясь, они волнуются до дрожи...
Плывет корабль, качаясь на волна̀х!

ВДОЛЬ ВИНОГРАДНИКОВ

Вдоль виноградников с откоса
спустилась тропка прямиком,
и мальчуган светловолосый
по ней шагает босиком.

Осел рысит послушно рядом,
слились их тени на земле.
И две корзины с виноградом
висят на новеньком седле.

Споткнется, отдохнет — и снова
копытца дробные стучат.
И от муската золотого
исходит спелый аромат.

Оса, лишенная покоя,
с жужжаньем носится кругом.
А небо синее такое,
как будто вымыто дождем.

ЖЕЛАНИЕ

Не в шутку,
а серьезно в это верю:
ты, старость, не придешь ко мне домой,
бесшумно не войдут с тобою
в двери
унынье, равнодушье и покой.

Смиряла ты
философов и нищих,
ты во дворцах и в хижинах жила.
Но у меня,
в моем простом жилище,
ты не найдешь свободного угла.

Я не боюсь недобрых предсказаний:
«Пройдут весна и лето,
а зимой,
устав от долгих творческих дерзаний,
мол, скло́нишься покорно предо мной!»

Ты очень ошибаешься!
Я знаю
такие неуемные сердца,
что, как ты ни старайся,
сохраняют
свой юношеский пламень до конца.

Сейчас, когда Россия дерзновенно
сумела в тайны неба заглянуть
и новая звезда
сквозь тьму Вселенной
летит,
всем нам указывая путь,
когда земные дали прояснели
и видно сразу
стало далеко,
найти приют хоть где-то
в самом деле
тебе, о старость,
будет нелегко.

Но если все же,
спутница живого,
со мною ты столкнешься на пути,
не белый снег —
знак царства ледяного,—
а вишен цвет
мне в волосы вплети.

Перевела с болгарского
Т. Стрешнева.

ХОРОШИЕ БУДУТ ХОЗЯЙКИ

В. БОРУШКО

Открываем дверь и наблюдаем очень странную картину: взрослые девушки играют в куклы. Им, как говорится, впору замуж выходить через год-другой, а они забавляются, словно пятилетние малышки.

Но это, оказывается, не игра. Мы попали на практические занятия по педагогике в одну из аудиторий Анталептского техникума Литовской ССР, который готовит специалистов домоводства. Здесь слушатели III курса учатся уходу за ребенком.

Аушра Каволите носит на руках пластмассового младенца. А Гене Зулонайте, только что выкупавшая своего «малыша», теперь на пеленальном столе вытирает его мягким полотенцем.

— Легче, легче надо, Зулонайте,— замечает преподавательница Людмила Максимовна Юкневичене.— За ручку берите осторожнее...

Конечно, нежность и любовь к детям нелегко проявлять на куклах. Но какая же мать даст сюда своего ребенка, даже если ухаживать за ним будут отличницы домоводства?!

После занятий по педагогике направляемся в соседний класс. Уже в дверях нас встречают ароматы, доносятся знакомые каждому дому стук ножа и звон посуды. Это «кухня-лаборатория-класс», где учащиеся IV курса овладевают искусством кулинарии. Одетые в белые халаты, девушки разделывают продукты, хлопочут у горячей плиты, что-то разыскивают в шкафах.

У стола возле классной доски готовит отбивные Стасе Жукаускайте. Она ловко нарезает куски мяса и тут же быстро отбивает их деревянным молотком.

У Бене Стулгайте задача сегодня как будто несложная: нужно отварить морковь для гарнира. Просто, а не получается. Сняла Бене первую пробу — что-то не то.

— Может быть, ты попробуешь, Милда? — протягивая ложку, обращается она к соседке.

— О! — понимающе говорит Милда Ширвите.— Вот добавь немножко сахару и соли, и будет все хорошо.

Только немножко!.. Видите, кулинария любит точность так же, как математика и физика.

До поступления в техникум девушкам казалось, что они всегда сумеют приготовить хорошо и завтрак, и обед, и ужин. Какое заблуждение! Взгляните, как они готовят борщ, суп, жаркое, компот, мусс: то и дело листают книгу рецептов, заглядывают в свои конспекты, смотрят на доску, а иногда, вспоминая теорию, даже на потолок.

Ох, если б девушкам знать всю поварскую премудрость, как их учитель, завуч техникума Адольфине Груфиене!

Следует заметить, что в «кухне-лаборатории-классе» все надо делать серьезно и тщательно. Здесь вам уже не куклы! Продукты-то «всамделишные». И обед никуда не выбросишь, его надо обязательно через час подать своим товарищам в настоящую, а не игрушечную студенческую столовую. Обед надо готовить на «отлично».

Перед обедом мы побывали в этой столовой и любовались накрытыми столами. Особенно хороши были столы, которые сервировала Лиле Залецкайте. Кажется, что тут такого? Все просто: справа ложки и ножи, слева вилки. Закуска, посередине большое рыбное блюдо, солонка, перечница... А как это удобно и красиво! Не зря говорят, что красивый стол аппетит возбуждает.

Прежде чем посетить кухню и столовую, мы побывали на уроках физиологии питания и товарного дела. Именно в этих предметах коренится вся мудрость кулинарии: как и что надо есть, как усваивается пища, какие продукты и как покупать...

Много и других предметов изучают анталептские студенты: и рукоделие, и кройку, и пекарское дело, и санитарию, и консервирование. А в одном из классов мы видели, как ученица второго курса Лайма Лингите на занятиях по садоводству рассказывала о строении цветка вишни, держа в руке прекрасно сделанный муляж... Но разве обо всем расскажешь!..

Анталептский техникум располагается в бывшем монастыре. Его толстостенное, каменное, с низкими сводами здание было построено, как рассказывают, еще в XVII веке. Юноши и девушки сами содержат в порядке свое здание, сами возделывают поля подсобного хозяйства и ухаживают за пчелами и садом. Весь обслуживающий персонал техникума состоит из одного истопника, и то он оставлен лишь по требованию пожарных.

Трудно сказать, кем будут работать домоводы — воспитанники Анталепты. Но их уже ждут в колхозных селах Литвы, где, как грибы, возникают новые общественные прачечные, столовые, пекарни, швейные мастерские, детские ясли и сады, школы-интернаты. Может быть, придется учредить при райисполкомах должность инструктора домоводства.

Несколько лет назад, когда только собирались открыть Анталептский техникум домоводства, многие смеялись:

— Зачем это? Может быть, домашних хозяек готовить?

Но им ответили:

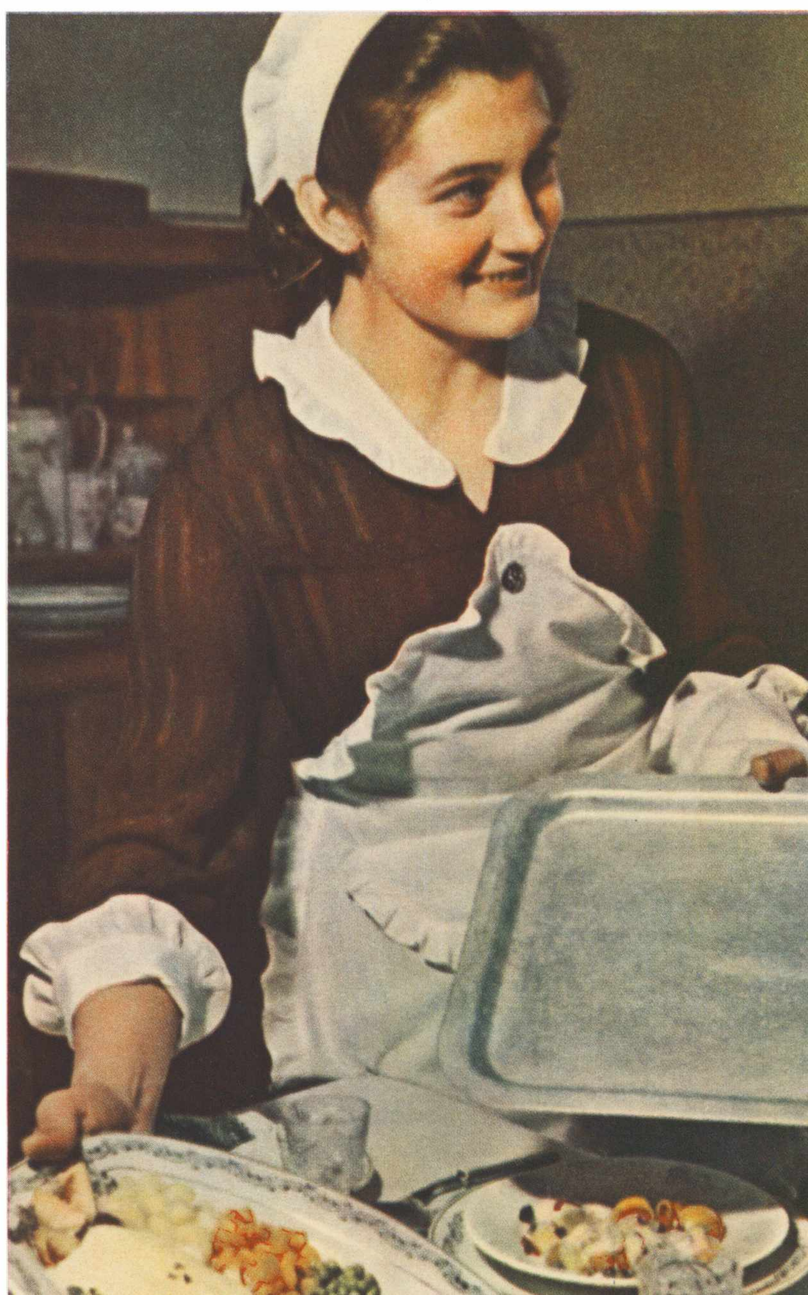
— Чем же плохо, что мы будем готовить хороших специалистов колхозного домоводства и одновременно хороших хозяек для советских семей?

В саду техникума. Зимой молодые деревца утепляются.

Как ухаживать за ребенком? Студентки Аушра Каволите и Гене Зулонайте учатся этому на куклах.

Отлично сервирует стол Лиле Залецкайте.

Второкурсница Лайма Лингите рассказывает о строении цветка.
Фото Б. КУЗЬМИНА.

П

ри раскопках гробницы фараона Тутанхамона археологи нашли амфоры, на дне которых сохранились остатки благовоний. Более трех тысяч лет пролежали они и до сих пор сохранили терпкий, чуть горьковатый аромат!

Конечно, наши женщины могут позавидовать стойкости и силе древних благовоний. Может быть, примирит их с современной парфюмерией то, что в древности ароматические масла ценились на вес золота. Недаром царица Савская в дар царю Соломону принесла «великое множество благовоний, как самое драгоценное произведение ее земли». Только королям и королевам были подвластны алхимики-парфюмеры, создатели волшебных ароматов.

Теперь же самая скромная невеста может потребовать от своего избранника в подарок, при этом не разорив его, вербену или ландыш, розу или сирень, заключенные в маленькую бутылочку. Потому что современная парфюмерная промышленность научилась использовать синтез химических соединений и получать множество пахучих веществ, которые приближаются к природным запахам — жасмину, гвоздике, левкою... В смысле стойкости они, к сожалению, еще во многом уступают старинным эталонам.

Хотя духи и стали повседневной принадлежностью нашего быта, ароматы до сих пор сохранили свое волшебное обаяние. И парфюмеры — создатели духов и одеко-

Парфюмер В. А. Грибанова создает новые композиции.

КОМПОЗИТОРЫ АРОМАТОВ

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Ф. Короткевича и А. Узляна.

лонов — в своих современных лабораториях напоминают колдунов, настолько тонка и чуть-чуть таинственна их работа, вся построенная на памяти запахов и умении сочетать их.

Парфюмер — это своего рода художественный руководитель фабрики духов и одеколонов. От его знаний и таланта зависит создание новых стойких запахов.

Больше тридцати лет назад появились в наших магазинах плоские флаконы в красивых красных футлярах — духи «Красная Москва», и сразу же они покорили женщин остротою и тонкостью запаха. Духи эти созданы были на фабрике «Новая заря», которая и поныне радует покупательниц «Вечером» и «8 Марта», «Каменным цветком» и «Осенью», «Жемчугом» и «Подарочными», «Весенними» и «Спутником» — дорогими и дешевыми духами.

В этом году фабрика выпустит десятки новых сортов духов и одеколонов. А в день из цехов выходит 250 тысяч разных флаконов.

Продукцию фабрики «Новая заря» любят не только у нас, но и за рубежом. Не случайно на Брюссельской выставке жюри присудило фабрике «Гран-при» — Большую премию — за ассортимент и качество продукции.

«Просим чаще сообщать о новинках, присылать образцы и каталоги духов»,— пишут на «Новую зарю» из Англии. А вот еще одно письмо, из Канады, от фирмы «Тройка-импорт»: «Как вы уже заметили, каждый последующий заказ больше предыдущего — вы можете ожидать от нас заказов на много тысяч долларов, так как распродажи растут. Среди наших клиентов сложилось прочное мнение, что русская парфюмерия имеет много общего с французской, а в некоторых случаях даже лучше французской».

Оптовый покупатель из Коломбо сообщает о том, что он с удовольствием заключит сделку на приобретение «русской парфюмерии»...

Совсем недавно в магазинах Москвы появились цветочные одеколоны фабрики «Новая заря», очень своеобразно оформленные: флаконы напоминают вазы, в которых плавают цветы — ландыши, сирень, фиалки...

...Благоухает, пожалуй, весь район, где расположена парфюмерная фабрика «Новая заря». Мы в святая святых фабрики, в парфюмерной лаборатории. Это две большие, светлые комнаты. В первой — множество застекленных шкафов: в одних — отечественная, в других — иностранная парфюмерия.

Идет заседание дегустационного совета, участвуют парфюмеры и производственники. От обычного это заседание отличается тем, что проходит в полном молчании. Оказывается, дегустаторам шум и разговоры мешают. Никто из присутствующих не курит, вместо табачного дыма в комнате плавают волны ароматов. Даже голова чуть кружится. Около каждого из присутствующих — анкеты и узкие, длинные полоски белой бумаги. В анкеты ставят отметки по пятибалльной системе разным сортам духов. На каждый сорт — по четыре полоски бумаги. Бумажки пронумерованы. Номер контрольного сорта зашифрован, как на выпускных экзаменах по сочинению, так что отметки ставятся вполне объективно.

— Тонкость духов,— говорит главный парфюмер фабрики Павел Васильевич Иванов,— достигается отшлифовкой. Это значит, что нужно очень тщательно дозировать различные ароматические вещества. Ведь каждые духи содержат по нескольку десятков компонентов. Поэтому хороший парфюмер, который создал новый сорт, дня по три изучает его. Сразу нюхает, через час, через два, через день. И только потом предложит его на дегустационный совет. В духах, хороших, настоящих, с начала и до конца должна присутствовать, так сказать, одна нота, один ведущий запах. Например, запах пачулей (тропическое растение) в «Подарочных», сандала — в «Шипре»...

Ведущие парфюмеры Павел Васильевич Иванов и Алексей Васильевич Погудкин работают на «Новой заре» больше тридцати лет.

Композиторы ароматов — так называют парфюмеров. Перед ними — глухая этажерка с четырьмя полками. На верхней полке стоят душистые вещества — бензойная смола, дубовый мох, кориандровое семя. Множество названий. Ниже — в алфавитном порядке — эфирные и синтетические масла: герань, лаванда, розовое масло, мускатный шалфей... А внизу — аптекарские весы. В стограммовую колбочку парфюмер сливает пипеткой масла и настои. Нелегко получить новый запах: много сочетаний душистых веществ создает парфюмер, пока достигнет желаемого результата. Есть неповторимый запах в каждом настое. А настоев много. Они добываются из смол, мха, корней растений, даже из желез животного. Совсем не обязательно соединять только приятные ароматы. Мускус, например, имеет отвратительный запах, но в сочетании с другими он дает удивительный по тонкости и терпкости. Особая восприимчивость ко всем запахам подсказывает парфюмеру, какие именно масла и настои нужно брать и в какой пропорции. В своей памяти он хранит до 400 разных запахов...

Когда создан и утвержден новый сорт духов, рецепт поступает в цех композиции, где делается основа — композиция духов и одеколонов. В другом цехе — жидкостей — композиция перемешивается со спиртом в огромных сосудах и некоторое время выдерживается — совсем как вино. Но если вино «чем старе, тем сильней», то для духов существуют определенные сроки хранения, после которых они могут «прокиснуть», испортиться.

Из бочек духи разольют по флаконам. С завистью смотрели мы на большущий сосуд с духами «Жемчуг», которые потом попадут в крошечные флакончики. Стеклянными пробочками будем мы лишь слегка притрагиваться к платью и волосам, экономно тратя тонкий, нежный аромат...

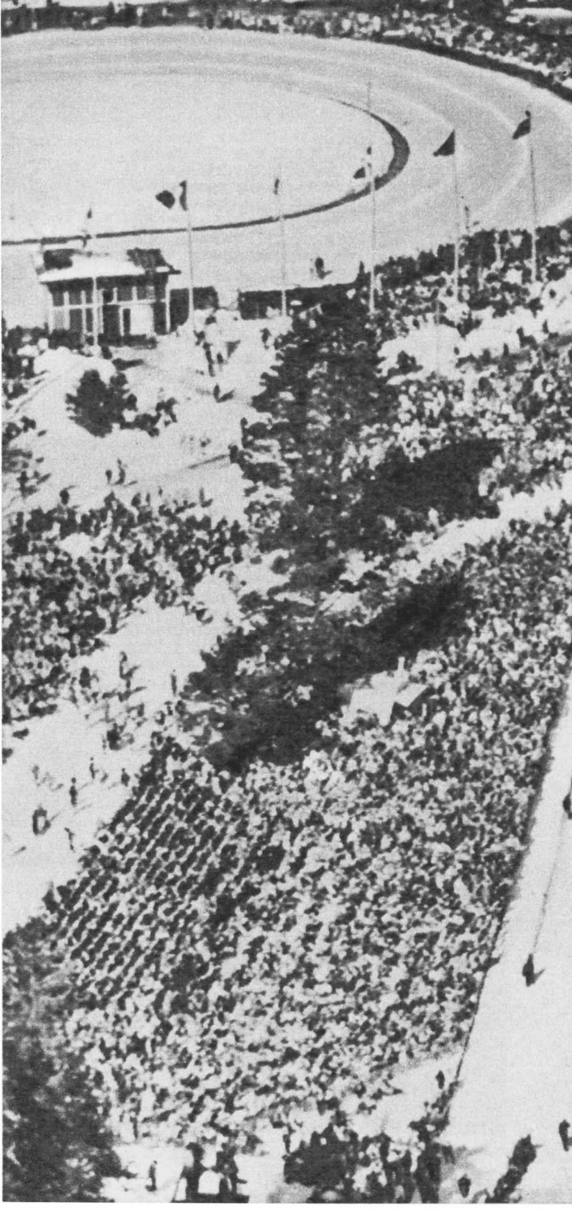
В Московском Центральном универмаге.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Ассошиэйтед пресс и Б. Светланова.

Общий вид площадки для приземления после прыжка с трамплина. →

← Канадские фигуристы Барбара Вагнер и Роберт Поул.

УЛЫБКИ И

Дважды олимпийский чемпион и рекордсмен мира Евгений Гришин. В день закрытия Олимпийских игр он показал феноменальный результат в беге на 500 метров — 39,6 секунды. Это на 6 десятых секунды лучше мирового рекорда, принадлежащего ему же.

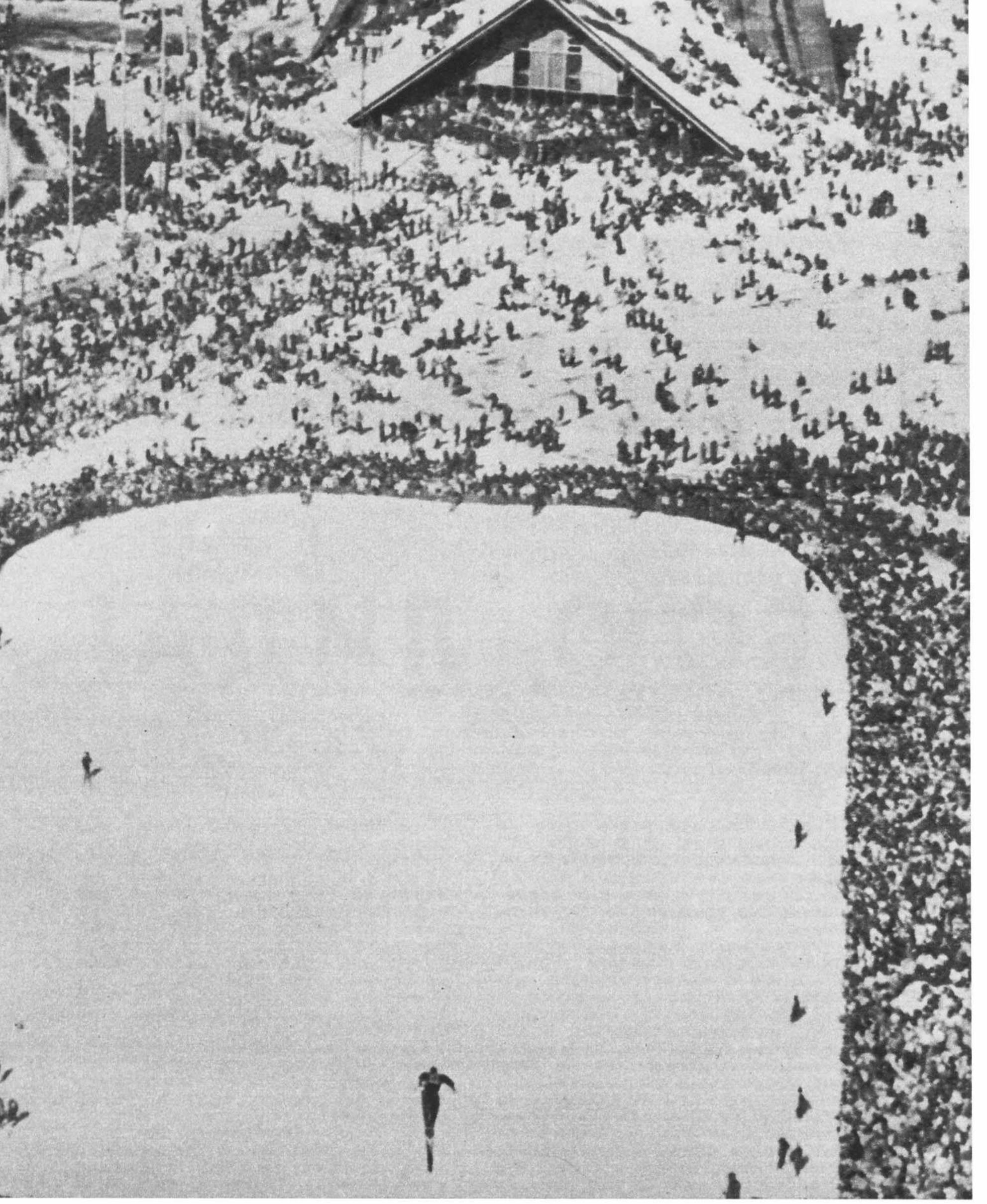
Погас олимпийский огонь. Одиннадцать дней он был символом неугасающего пламени спортивной борьбы и дружбы. На лыжне, на трамплине, на беговой дорожке, на катке для фигурного катания — всюду чувствовался этот олимпийский огонь, который подогревал спортивные страсти на дистанциях, отсветы его падали на счастливые лица друзей. И сколько раз мы видели объятия, поцелуи, рукопожатия спортсменов разных стран, входивших на пьедестал почета!

Передо мной лежат одиннадцать тоненьких книжечек с олимпийской эмблемой в углу обложки. В них вся история Олимпийских игр. В них спортивные судейские протоколы, колонки цифр и имен победителей. Но насколько шире содержание дней, проведенных нами у голубого озера Тахо, на снегу Маккини-Крик и на льду Скво Вэлли!

Судейские протоколы сухо сообщали нам о секундах и метрах, о баллах и фальстартах. В лучшем случае они бесстрастно дополняли градусы холода и тепла, направление ветра, который то обрушивался на долину с гор Сьерра-Невады, то слегка шевелил флаги тридцати стран — участниц Белой олимпиады. Если внимательно вчитаться в эти протоколы, то между цифрами, молниеносно подсчитанными сложной счетной машиной, можно прочесть многое.

Не могли эти протоколы зафиксировать улыбки, радость встречи, безмолвные беседы, в которых так хорошо помогали и пальцы, и мимика, и всепобеждающий смех.

Мы чувствовали глубокое уважение к нашей стране, советским спортсменам, когда беседовали со спортсменами всех стран и особенно когда

ЦИФРЫ

Чемпионка Олимпийских игр немка Хельга Хаазе (слева) поздравляет чемпионку Олимпийских игр Клару Гусеву из Рязани с победой в беге на 1 000 метров

Виктор Косичкин — победитель в беге на 5 000 метров.

беседовали с американцами: туристами, жителями Калифорнии и временными обитателями олимпийской деревни.

И все они — будь то известный кинорежиссер У. Дисней, или чемпионка мира К. Хейсс, или женщина, которая на один день приехала из ближайшего городка, чтобы посмотреть на знаменитых спортсменов,— все они обязательно упоминали имя Хрущева и связывали это имя со своими надеждами на мир.

А Дисней сказал нам, журналистам:

— Свое участие в слете сильнейших спортсменов мира я объясняю тем, что Олимпийские игры — это важное событие в борьбе за мир и за дружбу между народами.

И теперь, когда утихли спортивные страсти и опустела бушевавшая почти две недели Долина индианок, теперь, когда задаешь себе вопрос: «Что же было самым впечатляющим на Олимпийских играх?»,— то, не задумываясь, отвечаешь себе: ну, конечно же, улыбки и дружба спортсменов всех стран.

Ну а как же цифры?

И здесь есть чем похвастать. Установлены новые мировые, олимпийские, национальные рекорды, показаны результаты, которые иначе, как феноменальными, назвать нельзя. Я имею в виду достижения скороходов: Е. Гришина в беге на 500 метров, Л. Скобликовой в беге на 1 500 метров и К. Юханнесена на «марафонской дистанции». Отличные результаты показали наши лыжницы и лыжники Швеции и Финляндии .

Олимпийские игры ознаменовались крупным успехом советских спортсменов. По количеству очков, которые подсчитываются, как известно, неофициально, спортсмены СССР вышли на первое место. Они завоевали 146,5 очка. Это больше, чем количество очков, полученных командами Швеции и США, вместе взятыми. Обе эти команды разделили 2-е и 3-е места и имеют по 62 очка.

На первое место советские спортсмены вышли и по количеству медалей. Вот цифры: у СССР — 21 медаль, у США — 10, у Германии и Финляндии — по 8.

Лучше других себя зарекомендовали советские скороходы. После блестящего выступления в Эстерсунде и Давосе поистине виртуозное мастерство показали наши конькобежцы на искусственном льду Скво Вэлли. Достаточно сказать, что из 4 дистанций женского соревнования 3 золотых медали были завоеваны Л. Скобликовой и К. Гусевой. А из 4 дистанций мужского состязания 3 золотых медали завоеваны Е. Гришиным и В. Косичкиным. Шесть золотых медалей из 8 разыгрываемых! Таким успехом ни на каких Олимпийских играх никогда и никто не мог похвастать.

Удачно выступали советские лыжницы. Они «забрали» все призовые места в 10-километровой гонке и завоевали серебряные медали в эстафетном беге 3 по 5 километров.

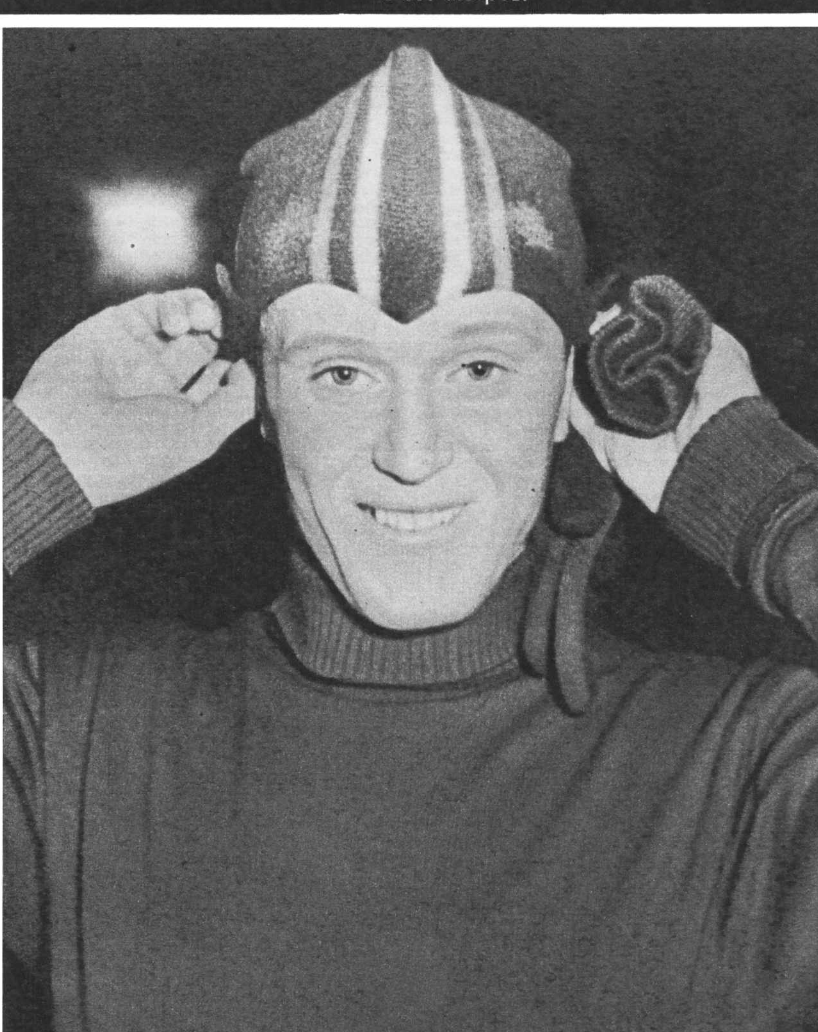
Наши хоккеисты встретили серьезное сопротивление со стороны американской и канадской команд и вынуждены были довольствоваться бронзовыми медалями олимпийского и мирового чемпионатов. Однако команда СССР завоевала звание чемпионов Европы.

Очень неудачно было выступление наших спортсменов как в различных гонках на лыжах, так и в горнолыжном комплексе. Неудачи преследуют в этих видах спорта нас давно и переходят в «затяжную болезнь», которую надо лечить.

Олимпийские игры закончились. Подведены итоги, прогремели гимны, розданы медали.

Спортивная жизнь всех стран «перевооружается» на летние виды спорта и готовится к очередным Олимпийским играм в Риме.

Нью-Йорк.

Лидия Скобликова (в центре) с польскими спортсменками Э. Серочинской (слева) и Х. Пилейчик.

ГОРДИМСЯ ТОБОЮ, ЛИДА!

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта

Она красива, стремительна и смела, эта девушка, как край, где она живет. На гравюрах, которыми славятся во всем мире златоустовские умельцы, природа Южного Урала очаровывает: бездонные синие озера, хвойные и лиственные рощи, причудливо разбросанные в долинах гор и по горам, мрачные скалы и веселые речонки.

В Златоусте улицы опоясывают горы, дома лепятся к самым небесам. Скатиться с такой горы на санках вниз, к пруду, решится не всякий мальчишка. Лида Скобликова не боялась полетов по самым рискованным маршрутам. Она многое умела делать: быстрее всех бегать и выше всех прыгать, спрятаться так, что никто не найдет. Это была девочка, похожая на юркого парнишку, любящая проказы и смех. Она никогда не плакала и могла дать сдачи любому. Она пользовалась авторитетом среди шумной ватаги своих сверстников.

Правда, в то время у нее не просили автографов, как это было в дни Белой Олимпиады в Скво Вэлли. Златоустовская школьница Лида Скобликова и не мечтала о мировой славе. Она жила, как все советские школьницы: училась в школе и хотела быть хорошим человеком, полезным Родине. Она любила школу, торжественные линейки пионерских сборов, звонки на переменку, и уж если о чем она мечтала, так это быть учительницей.

Увлекалась она и путешествиями знаменитых мореплавателей и открывателей «белых пятен» на всех континентах земли. Любила дальние прогулки на лыжах и походы по туристским тропам: они приближали ее к чудесному миру путешествий и надежд. Бегала Лида и на коньках, но серьезно ими не занималась, носилась по пруду, играя в «ляпочки».

Уже учась в десятом классе, Лидия Скобликова пришла в конькобежную секцию спортивной школы молодежи. Попала она в нее случайно: не захотелось отстать от подруги-одноклассницы, тоже Лиды, записавшейся в эту секцию раньше. Попала и не ушла. Ловкая, сильная и напористая, Лида быстро стала первой и уже в 1956 году получила звание чемпионки Златоуста среди девушек, а вскоре стала лучшей во всей области. Была поездка в Москву на соревнования, были поздравления друзей, но...

До чувства птицы, чувства стремительного, свободного полета на ледяной дорожке было еще очень и очень далеко. Техника у Лиды хромала, бежала она за счет своей силы, именно бежала, а не катилась. Много часов на льду пришлось провести Лиде, прежде чем она выросла в мастера ледяной дорожки.

В Челябинске, где она училась в педагогическом институте на географическом факультете, Лида начинает занятия конькобежным спортом с азов, сначала у Бориса Михайловича Лукина, а затем у Бориса Алексеевича Кочкина.

Посадка и дыхание, расслабление и толчок — все было не просто и не так элементарно, как казалось сначала. Лед открывал свои секреты постепенно, и так же постепенно улучшалась техника бега. Лучше удавались ей стайерские дистанции. Эту традицию, установленную прославленной «уральской молнией» Татьяной Карелиной, унаследовала и Лидия Скобликова. Впрочем, это понятно: климат на Урале суров, люди немногословны, стойки и выносливы.

Секунды, показываемые Лидой, еще не говорили, но ее заметили на соревнованиях: столь неукротимо рвалась она к финишу, столь заразительна была эта неукротимость.

Борису Кочкину надо было иметь много терпения, чтобы укротить пыл всегда рвущейся вперед Скобликовой. Молодой талантливый тренер, в недалеком прошлом хороший конькобежец, входящий в сборную команду Советского Союза, старался передать своей ученице все, что знал сам. Строгий и требовательный на занятиях, хороший товарищ и веселый собеседник вне тренировок, Борис Кочкин нашел ключ к спортивному таланту Лиды.

Кроме техники бега, Кочкин сумел привить Лиде подлинно спортивные качества, удачно дополнившие природные свойства ее характера: волю к победе, борьбу «до последнего», объективную оценку соперницы на дорожке. Лида становится мастером спорта. Ее фамилия все чаще мелькает в газетах. Сбрасывая секунду за секундой на всех дистанциях, Скобликова завоевывает позицию за позицией на пути к большому спорту.

Лед многих стадионов страны становится ей знакомым. Лиду полюбили зрители на соревнованиях, полюбили за почерк, за волю к победе.

Бежит Лида стремительно. И хотя прокат ее на каждом коньке плавен и длителен, бег зрительно воспринимается как резкий и динамичный. В отличном темпе проходит она виражи и бурно финиширует. Осталось в беге Скобликовой и что-то от сорванца-парнишки, и это вызывает к Лиде особую симпатию, как ко всему, что связано с детством. Есть в ее беге и вдохновение — качество редкое и присущее немногим спортсменам. Среди женщин-конькобежцев, пожалуй, лишь Мария Исакова в полной мере обладала им: приподнятость и легкость бега и неожиданный для всех решающий бросок вперед в тот момент, когда кажется, сделать уже ничего невозможно.

Любят челябинскую спортсменку и за смелость. Вспомним ее поединок с прославленной финской спортсменкой Ээви Хуттунен в беге на 3 000 метров на первенстве мира 1959 года в Свердловске. Лидия впервые в своей спортивной жизни вступила в единоборство с мастером мирового класса. И хотя она проиграла тактически более опытной сопернице, этот проигрыш все присутствовавшие на стадионе расценили как залог выигрыша.

И они не ошиблись. В этом году в Швеции на первенстве мира по скоростному бегу на коньках Лидия Скобликова продемонстрировала свои способности в полной мере. К концу первого дня соревнований она лидировала. Конечно, волновалась с непривычки. Все волнуются, когда такое случается в первый раз: быть лидером первенства мира — ответственность немалая. А на второй день соревнований Лида в беге на 1 000 метров, выходя из поворота, упала. И хотя не ушла с дорожки, закончила дистанцию, но шансы ее на призовое место тоже упали.

Обидно. Но Лида не сдалась. На дистанции 3 000 метров Скобликова продолжила поединок, начатый с Хуттунен в Свердловске, и одновременно вела поединок за себя, за призовое место. И она сделала почти невероятное. Блестяще пробежав эту стайерскую дистанцию — за 5 минут 23,9 секунды — и опередив Хуттунен больше чем на 10 секунд, Лида сумела снова войти в число призеров — бронзовая медаль в многоборье досталась ей.

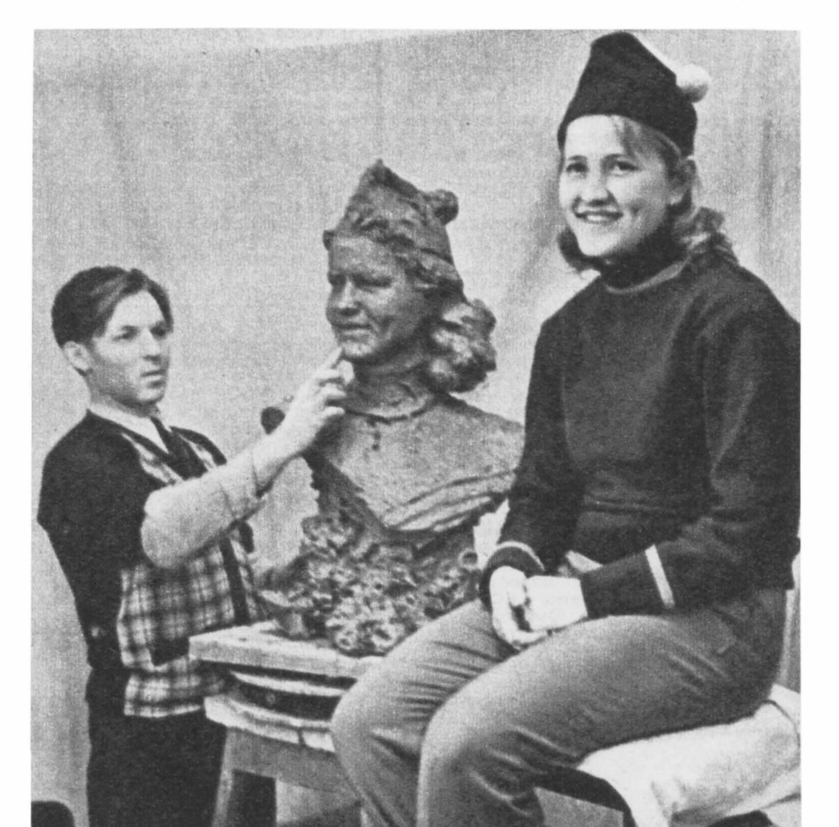
И наконец, Скво Вэлли. В памяти невольно всплывает аромат мужественных романтических рассказов Джека Лондона. Ведь эту солнечную долину назвали в честь индианок, тех нежных и гордых индианок, о которых с такой любовью и так трепетно писал Джек Лондон, влюбленный в простых людей Америки.

Для нас, спортсменок, занимающихся скоростным бегом на коньках, Долина женщин звучит почти символично. Впервые наш вид спорта был представлен на Олимпийских играх. Мы давно мечтали об этом. И, сказать по совести, по-хорошему завидовали нашим девушкам-скороходам, едущим в Скво Вэлли осуществлять наши мечты. И мы, те, кто уже сошел с ледяной дорожки, волновались не меньше, чем олимпийцы, и переживали все перипетии острой борьбы на ледяной дорожке, как будто бежали сами...

Своими выступлениями женщины-конькобежцы доказали, что наш спорт занимает полноправное место среди других видов спорта Белой Олимпиады. Многие спортсменки установили свои личные и национальные рекорды, а одна, лучшая из всех, советская спортсменка Лидия Скобликова, первая из олимпийцев — мировой рекорд в беге на самую трудную дистанцию — 1 500 метров. Еще не успели затихнуть аплодисменты, как Лидия Скобликова еще раз подтверждает, что она является сильнейшим стайером мира. Она блестяще выигрывает бег на 3 000 метров, вплотную приблизившись к мировому рекорду, установленному мной в 1953 году в Алма-Ате.

Победа Лидии Скобликовой на Белой Олимпиаде напоминает победу прославленного Владимира Куца на прошлых Олимпийских играх — две золотые медали за стайерские дистанции. Она оправдала надежды советского спорта. И мы вправе гордиться ей, девушкой с Южного Урала.

Лидия Скобликова в мастерской уральского скульптора В. Друзина.
Фото И. Тюфякова.

Картинки Лондона

Наталья **КОНЧАЛОВСКАЯ**

Рисунки П. Пинкисевича.

РЕКЛАМА

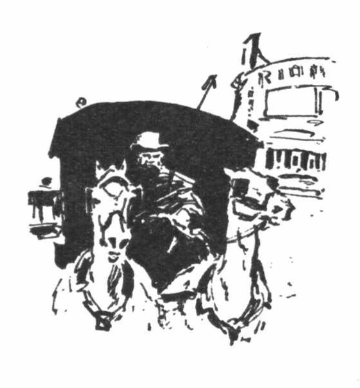
Шумит магистраль Пиккадилли.
Средь летнего, душного дня
Потоками автомобили
Проходят, друг друга тесня.

Машины идут в беспорядке,
Волнуясь, ворча и шурша,
Меж них две холеных лошадки
Карету везут не спеша.

Лошадок ничуть не пугают
Автобусы в два этажа,
Их кучер легонько стегает,
С достоинством хлыстик держа.

Как будто бы, в красной ливрее,
В перчатках, цилиндре большом,
Он сам со страниц Теккерея
В сегодняшний Лондон сошел.

На глянце пунцовой кареты
Написано белым, как мел:
«Пэлл-мэлл [1] сигареты!
Пэлл-мэлл сигареты!
Пэлл-мэлл сигареты!
Пэлл-мэлл!»

В ХАЙД-ПАРКЕ

Говорить в углу Хайд-парка
Никому запрета нет.
Говори красиво, жарко,
Только встань на табурет.
Говори совсем свободно,
Говори о чем угодно:
О войне, добре и зле,
Но... не стоя на земле!

Уклоняйся вправо, влево,
Но... не против королевы!

Мускулистый, гибкий, ловкий,
Сам до пояса раздет,
Человек в татуировке
Встал легко на табурет.
«Я, отчизна дорогая,
Славлю твой британский флот!
Но сейчас я предлагаю
Англичанам строить плот,
Чтобы плыть на нем морями
И сражаться с дикарями!
Кто желает строить плот?»
А кругом молчит народ.

Сквозь толпу пробравшись боком,
«Сэндвич-мен»[2] несет плакат.
«Приготовьтесь к встрече с богом!» —
Буквы черные кричат.
«Приготовьтесь к встрече с богом!»
«Сэндвич» влез на табурет,
Все стоят в молчанье строгом,
И готовых, видно, нет.
«О душе у нас забота,
Встреча скоро, верьте мне!»
«Я готов! — вдруг крикнул кто-то.—
Где прикажешь? На луне?..»

И один лишь только голос
Над Хайд-парком прозвучал,
И внезапно раскололось
Равнодушье англичан.

Говорил он кратко, мало,
Этот скромный господин,
И вокруг него стояло
Больше женщин, чем мужчин.

«Ради счастья и здоровья
Самых маленьких в стране
Мы должны создать условья,
Недоступные войне!»

И колясок детских много
Было возле в этот час,
И тонула в них тревога
Материнских глаз.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Адрес: Лондон, Би́чэм Плэйс, 1.
Очень любопытный магазин.
На витрине весь товар в порядке:
Креслица, подушечки, кроватки,
Поводки, ошейники, попонки,
Щетки, мази, губки и гребенки —
Словом, все, что нужно для собак,
И, смешно сказать, но это так:
Для собачьих педикюров... лак!

И при магазине, как ни странно,
Для собак завивка, стрижка, ванна,
Там стригут собачку под машинку,
Моют, завивают, чешут спинку,
А потом кладут ее в корзинку
И хозяйке отдают самой,
Чтоб несла красавицу домой.
Хорошо собачкам англичан,
И, пожалуй, ни в одной из стран
Нет такого чудного ухода!
И какая б ни была погода,
И какая б ни была порода,
Пса из дома не прогонят зря.
И по-русски, грубо говоря,
Если пес когда-нибудь подохнет,
Целый год по нем хозяин сохнет
И хранит листок календаря —
Траурной каемкой обведен
Горький день собачьих похорон.

У кого, конечно, деньги есть,
Тот собачке предоставит честь:
На собачьем кладбище местечко,
Белая, из мрамора дощечка
С надписью: «Прощай, дружочек Бэ́кки!
Буду помнить я тебя навеки!»
Похоронен пышно верный пес,
И над ним посажен кустик роз...

Прямо скажем: не один бедняк
Пожелал бы участи собак!

Лондон. Август 1959.

[1] Фирма сигарет.

[2] Человек, несущий на себе двухстороннюю рекламу.

ПИСАТЕЛИ и КНИГИ

Если ты оступился...

Юности Г. Медынский посвящает не первое свое произведение. Но если в «Повести о юности» он нарисовал счастливую молодую жизнь, то в новой книге мы знакомимся с драмой оступившегося, сбившегося с пути героя. Да, «не у всех жизнь получается по таблице умножения».

Судьба Антона Шелестова складывалась не очень гладко. Ему пришлось переменить несколько школ. В дом вошел чужой человек, отчим. И мать несколько отдалилась от Антона. Юноша все чаще ездил к бабушке. А здесь во дворе постоянным его дружком стал «стильный» и нечистоплотный в делах морали Вадик. С Вадиком в жизнь Антона вклинились зловещие фигуры Генки Лызлова и Витьки Бузунова, по кличке «Крыса». Они-то и втянули Антона в воровской мир.

Первые главы повести Медынского дают отчетливое представление о характере Антона, о его задатках, о дурных свойствах его личности, толкнувших на преступление.

Шелестов был впечатлительный мальчик, «фантазер», как называет его мать. Обладая добрым, отзывчивым сердцем, он в то же время с годами становится «колючим». Стали проявляться анархические черты «самостийности». Так квалифицировали его поведение учителя. Пытается найти уязвимые черточки характера Антона классный руководитель Прасковья Петровна. Найдешь главное — легче будет атаковать, скорее поставишь Антона на ноги. «По-моему,— говорит она,— главное в Антоне — это расхлябанность. Расхлябанность чувств, расхлябанность воли, расхлябанность личности. Но ведь на хляби ничего не построишь». Нужна была твердая рука воспитателя или хорошая, здоровая среда, где бы Антон почувствовал себя прочно. Но в бывшей «девчоночьей» школе он оказался «заводилой», первым среди «трех мушкетеров», восстававших против порядков, установленных здесь до появления мальчиков. С ним не могли справиться потому главным образом, что применяли стандартные приемы воспитания.

С Вадиком же и Генкой Лызловым, как уверяет нас писатель, Антону было... интереснее. Автор считает, что воровской мир со своим статутом, сложившимся с давних времен, ответил типично юношескому стремлению Антона к романтике таинственного, неизведанного, опасного. Не подчеркиваются насилие, шантаж, угрозы — эти главные орудия страшных «вербовщиков»; автор углубляется в авантюрную сторону преступления, чем, по нашему мнению, недооценивается истинная опасность уголовщины.

Это — самое спорное место в ясной, гуманистической книге Медынского, в книге, которая отвечает на сложный вопрос жизни: что делать человеку, если он оступился? В нашем обществе весь его строй, вся жизнь советских тружеников помогают человеку. Если тебе плохо — иди к людям, доверься им, цени коллектив, и ты найдешь в нем поддержку.

Антон прошел через суд, через трудколонию. Здесь он нашел то, что помогло ему снова стать в ряды честных советских людей. Доверие, понимание, здоровая требовательность, осмысленный коллективный труд — все это излечило Антона.

Нелегко далось и возвращение в строй. Некоторые люди на заводе, семья любимой девушки Марины не сразу приняли Антона. Все оказалось сложнее, чем он думал. Раз оступившись, видишь, как трудно восстановить доброе имя.

Повесть Медынского требовательная, строгая. Убедительна она тем, что автор не ищет для своего героя легких путей, не пишет примитивных страниц о его «перековке». Медынский психологически точно раскрывает душу молодого преступника, и мы наблюдаем, как пробуждается в нем чувство своей вины, как строго судит он самого себя.

Значение повести в постановке серьезных социальных и нравственных вопросов, требований, которые предъявляет к советскому человеку наша современность: нужно беречь честь и достоинство советского человека, нужно уметь выполнять свой долг. Присоединимся к словам Прасковьи Петровны: «...нельзя заниматься только тем, что нравится. Есть еще слово: нужно! На этом и формируется личность, воля, характер, понимание свободы и необходимости».

Лидия ФОМЕНКО

Григорий Медынский. Честь (Жизнь и преступление Антона Шелестова). Повесть. «Москва» №№ 4, 5, 10 и 11. 1959.

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Студентка двадцати двух лет Катя М. написала в своем письме:

«В нашей литературе не так-то много образов идеальных женщин или, точнее, идеальных жен. А мне очень бы хотелось знать, какой должна быть идеальная жена. Почему? Я сейчас объясню.

Один человек, который мне очень-очень нравится, но которому я, конечно, этого не показываю, сказал мне:

— Я женюсь, когда встречу свой идеал.

Я спросила:

— А какой у тебя идеал?

Он пожал плечами и ответил:

— Я пока еще не знаю.

Вы понимаете, что мне было ужасно обидно услышать от него такой ответ: он пока еще не установил точно, какой у него идеал, но, во всяком случае, это не я! Тогда я стала спрашивать у подруг, какой, по их мнению, должна быть идеальная жена. Одна девушка мне сказала:

— Жена должна быть непременно красивой! Большие глаза, пушистые волосы, стройная фигура, тонкая талия — не больше шестидесяти сантиметров...

В общем, она нарисовала свой собственный портрет. И ни слова о моральном облике. Но ведь жена — на всю жизнь, а объем талии может измениться. Тогда как? Я привела ей пример из классической литературы: Элен Курагина была первой красавицей в Петербурге, но разве она стала хорошей женой, когда вышла за Пьера Безухова? Как раз наоборот. Я задала этот же вопрос другой девушке. Эта девушка некрасивая, но самая способная в нашей группе. Она ответила:

— Жена должна быть умной.

Тогда я привела ей пример из жизни: наш профессор-химик разошелся с очень умной женщиной и женился на такой инфузории, что даже совестно. Совершенно потерял авторитет в наших глазах. Неужели он нашел свой идеал в этом одноклеточном, простейшем организме с льняными кудряшками на голове?

Вот я и решила обратиться с просьбой: ответьте мне, какой должна быть идеальная женщина? Но я вас попрошу — только вы, пожалуйста, не обижайтесь,— прежде чем отвечать, посоветуйтесь с авторитетными товарищами, и лучше с мужчинами: им виднее. И хорошо было бы, если бы этот ответ опубликовали в журнале, потому что в этом заинтересована не одна я, а многие. Буду очень ждать. С приветом Катя М.»

Какой должна быть идеальная женщина, жена? А может быть, действительно посоветоваться со знакомыми, с друзьями? Послать им Катино письмо с просьбой, чтоб их ответы были по возможности краткими и правдивыми? Можно запросить и незнакомых корреспондентов, что пишут в редакцию.

Ответы не заставили себя ждать. Первым откликнулся демобилизованный гвардии старшина. Он писал:

«Мой идеал теперь — хозяйка,
. . . .
Да щей горшок, да сам
большой...

Поскольку до меня эти слова написал А. С. Пушкин, то мне остается только присоединиться. Я, правда, и сейчас не считаю себя слишком маленьким, но большим думаю стать в зерносовхозе Акмолинской области. Надеюсь, что моя жена будет хозяйкой не только в нашем доме, но и во всесоюзном масштабе. А горшок щей должен укрупниться до размеров общественного питания. Что же касается женского идеала как такового, то я хочу, чтоб она меня любила! Больше мне ничего не надо, обо всем остальном я сам постараюсь. И поверьте, через некоторое время у нас будет счастливая семья.

С приветом Петров Н.».

Большая часть писем в комментариях не нуждается. Но вот уж не знаю, в шутку или всерьез написал ученый: «По моему глубокому убеждению и двадцатилетнему опыту, жена должна быть молчаливой. Примите уважение. Такой-то...»

И только? Неужели молчаливая жена — это идеал ученого? Представляется такая картина. Он возвращается к себе домой после работы. Жена встречает его в прихожей.

— Как я рада, что ты сегодня рано вернулся! У меня столько новостей! Во-первых...

— Погоди, матушка! — Ученый хмурится, он мысленно еще в своем институте, а тут жена со своим «во-первых», за которым никогда не следует «во-вторых».— Дай мне хоть дух перевести, не стрекочи, как сорока!

Двадцать лет тому назад он с упоением слушал ее милый голос, и все, что она говорила, казалось ему интересным и значительным. У нее сохранились его письма, в которых сказано: «Душенька моя родная, тебя нет рядом со мной, я не слышу твоего звонкого голоса и задаю себе вопрос: как я раньше мог жить без тебя?»

А теперь он пишет: «...жена должна быть молчаливой». А может быть, на молчаливой он никогда бы и не женился и свой ответ написал под злую руку, когда его добрая жена нечаянно спугнула недодуманные мысли?

Отвечает врач:

«Вам покажется странным, но я считал бы свою жену идеальной, если бы она не мазала свое лицо всякой чепухой и не ела бы лимоны с солью. Поясню: будучи женой врача, она упорно и настойчиво лечится сама и лечит всех своих знакомых домашними средствами. Кто-то ей сказал, что каждую зиму нужно съедать по сорок лимонов с солью. Попробуйте, и вы легко убедитесь, какая это тошнотворная мерзость! А она их поедает с видом христианской мученицы и при этом авторитетно утверждает, что наша медицина отстает и что домашние средства самые верные. А знакомые, которые по ее примеру тоже лопают лимоны с солью, в свою очередь, рассказывают своим знакомым: «На организм это действует прекрасно! Омолаживает и влияет на нервную систему. Их употребляет жена доктора такого-то!» — и называют мою фамилию. Теперь вам понятно, что на этой почве у нас с женой возникают неприятности? Что касается лица, то она мажет его сметаной, постным маслом, разведенными дрожжами, яичным белком, клубничным соком, капустным рассолом, голубиным пометом, обкладывает кусочками сырого мяса, обмывает пивом, обтирает листьями июльского лопуха и так далее и тому подобное. Показывает мне книжку, в которой есть некоторые из этих советов (только некоторые!). Я говорю ей: «Обрати внимание, масло — для сухой кожи, а белок — для жирной». Она мне отвечает: «У меня нос жирный, а лоб сухой. И, пожалуйста, не учи меня, ты терапевт и абсолютно не разбираешься во врачебной косметике!» Я перечислил только половину того, чем она мажется. Во всем же остальном она прекрасный человек. Могу еще добавить: когда мы поженились, она не употребляла ни крема, ни помады и была похожа на ландыш».

Думается, что терапевт может продолжать считать свою жену идеальной. Если она так усиленно мажет свое лицо, то, наверное, для того, чтобы хоть отдаленно быть похожей на тот ландыш, которым он когда-то пленился. А если она безнаказанно для своего организма поедает лимоны с солью, то это означает, что у нее железное здоровье — залог семейного счастья. И если врачу больше жаловаться не на что, то у них вполне счастливое супружество.

Поэт не именитый, но заносчивый и важный сообщил свое мнение лаконично: «Жена поэта должна быть терпеливой. С двумя предыдущими я порвал».

Ну и ну! Ему мало терпеливого редактора и терпеливых читателей. Впрочем, с редактором, даже и нетерпеливым, он порывать не будет. Сам перетерпит.

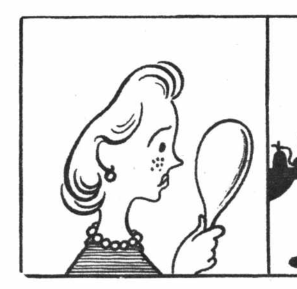
Отвечает агроном:

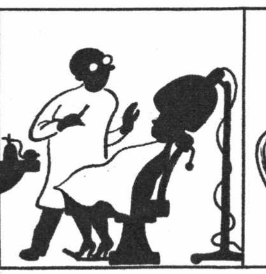
«Художественно писать я не мастер. Посылаю вам фотографию. Это моя жена. Она зоотехник, в недалеком прошлом — доярка. Если бы передо мной поставили всех самых красивых киноактрис (пусть они меня извинят) и предложили бы, как в опере «Князь Игорь»: «...если хочешь, любую из них выбирай!» — я бы сказал: «Большое вам спасибо за заботу о человеке, но мне никого не надо, кроме моей Нюры». Если она

Воздушный поцелуй.

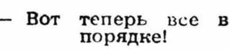

Рисунок К. Невлера.

— Вот теперь все в порядке!

Рисунок Гр. Оганова.

Случай в метро.

Рисунок Ю. Черепанова.

вам покажется не слишком красивой, то это только потому, что на фотографии она не улыбается и молчит. Однажды мы с ней вместе были на съезде. Она выступала с докладом, а мне хотелось сказать и соседу справа и соседу слева: «Это выступает моя жена, это моя Нюра на трибуне!» Ей аплодировали. Но там она была хорошей для всех сидящих в зале зрителей и слушателей, когда говорила правильные слова и рассказывала о правильных делах, а у нас дома она бывает хорошей для одного меня! Много ли найдется таких жен, которые стараются быть хорошими для одного-единственного слушателя и зрителя — для собственного мужа? Нет, конечно, может быть, и много таких. Но мне лично приходилось видеть и других, которые забывают, какую большую и важную роль они взяли на себя. Ведь роль жены, честное слово, самая главная в домашнем спектакле (я участвую в самодеятельности, потому и пользуюсь этим сравнением)! Если женщина захочет, она будет положительной героиней всю свою жизнь, и тогда ею не налюбуешься и от всего сердца присвоишь ей звание — заслуженная жена! Ну, а не захочет,— испортит всю пьесу, да еще, мало того, порвет декорации и обложит зрителя нехорошими словами... Что, не бывает? Нет уж, давайте не лицемерить, есть еще такие жены среди нас. Если бы я мог, я написал бы пьесу и в главной роли вывел бы мою Нюру так, как я ее понимаю. А пока заканчиваю письмо и прошу прощения, что не уложился в несколько строк и, возможно, не совсем ярко обрисовал свой идеал».

Вот так агроном! А еще прибеднялся, что писать не мастер.

Ответ анонима, не указавшего свою профессию, ничем не сможет помочь студентке Кате М. Но может кое от чего предостеречь.

«Идеальная женщина должна быть не только со стороны физицкой и моральной, но и с материальной. И меня никто с этой пазиции не собьет никакими овторитетами. Что интереснее: покупать жене шубу, или канстатировать тот отрадный факт, что у невесты имеется собственных нажитых два пальта? Хлопотать о квартире, или въехать к молодой жене на все готовое? Самому работать на всю семью, или чтобы вся семья работала на тебя? Кроме изяшной внешности, непременно должно быть высшее образование и женская гордость на случай развода: чтобы с достоинством отвергла алименты и воспитывала бы ребенка на свои. И еще один пункт: чтобы не учитывала меня, куда иду, сколько пропиваю и с кем встречаюсь. Вот такой у меня идэал, которому я могу отвечать взаимностью».

Придется повторить слова агронома: «Что, не бывает? Нет уж, давайте не лицемерить». А Катя пусть имеет в виду: не всегда такие женихи в лоб декларируют свои «идэалы».

Студент первого курса написал искренне и обеспокоенно:

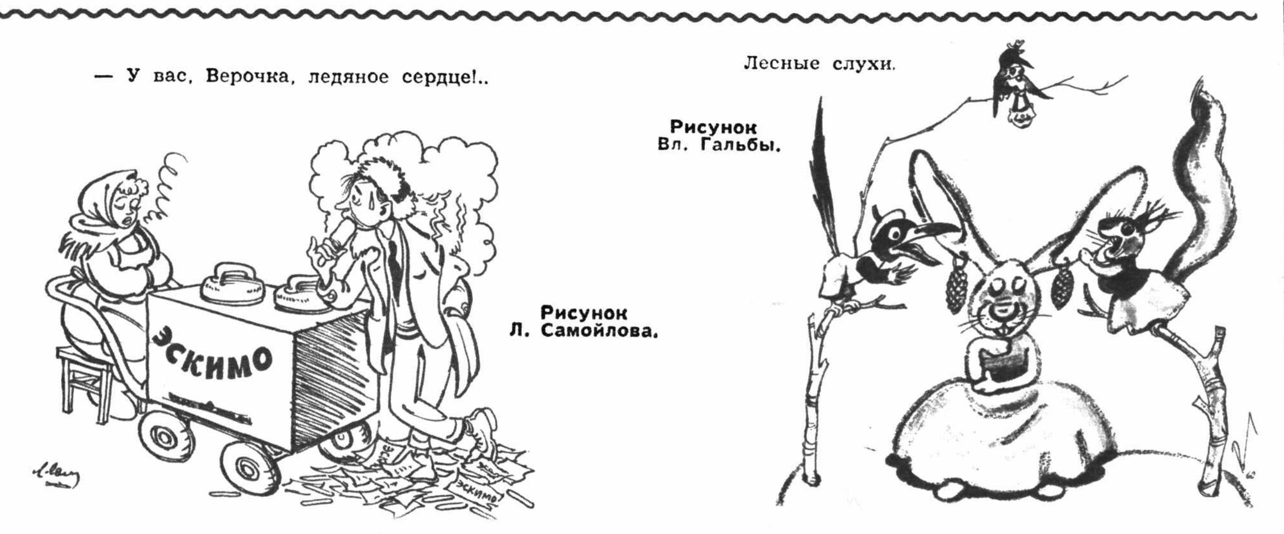
«У меня меняются идеалы, и я ничего с этим не могу поделать. Я сам себе иногда напоминаю Агафью Тихоновну из «Женитьбы» Гоголя: если бы губы Лили да приставить бы к носику Иры, да взять сколько-нибудь развязности у Люды, да, пожалуй, прибавить к этому фигурку Светы... я тогда тотчас бы решился! И еще: чтобы бегала на коньках, как Стенина, и чтоб танцевала, как Рябинкина... Нет, если у меня не пройдет это странное состояние, то мне вообще не надо жениться, чтобы не делать самого себя и других несчастными. Ведь я же никогда не найду девушку, которая бы совмещала в себе все то, что мне нравится в Рябинкиной, Стениной, Самойловой и в десяти других... Мама говорит, что это возрастное. Но до скольких лет так может продолжаться? Надо бы все-таки знать точно».

Было еще несколько писем: от кинорежиссера — довольно путаное, где он, говоря о своем идеале, ссылается на фильмы разных лет с разными героинями; от маститого писателя, который называет свою жену ангелом-хранителем и самым первым и лучшим своим критиком; от молодого инженера, который пока еще не женат, но подумывает, не жениться ли ему на девушке, чей стол в конструкторском бюро стоит рядом с его столом (других стимулов для женитьбы у него пока нет!)... И, наконец, письмо от женщины. Она пишет:

«Милая Катя! Вы спрашиваете, какой должна быть идеальная женщина, жена? Я не представляю себе мужчину, который бы заранее нарисовал, спроектировал, сконструировал мысленно свой идеал и сделал бы точные расчеты, по которым можно строить семейную жизнь. Строят обычно вместе. И надо, чтобы из самого лучшего материала. При первом знакомстве всегда стараются показать себя с самой хорошей стороны. Но беда, если это только при первом знакомстве, а потом лучшее приберегается для других, для гостей, для праздничных дней, а в будни для самих себя остаются затрапезные мысли, расхлябанные чувства и заношенные, грязные слова. Ничего из этой дряни нельзя вносить в семейную жизнь. Семью надо строить с милой душой. Прежде всего возводят прочный фундамент из взаимного уважения. Иначе при первом же небольшом семейном землетрясении все здание рухнет. Заботятся о том, чтобы было как можно больше света и тепла. Как можно больше солнца! Идеальная жена — это заведующая домашней солнечной системой. Пасмурные дни по возможности исключаются. Ничто так не портит семейную жизнь, как хмурые рассветы, слезливо-дождливые вечера и ночи с градом упреков и громом взаимных обид. Вам нравится хорошая погода в метеорологическом смысле этого слова? Перенесите ее в свой быт, и вам никогда не придется месить грязь в глубоких калошах и маяться воспалением души.

Впрочем, все эти мои советы вам пригодятся, когда вы выйдете замуж. А как сделать, чтобы вас полюбил тот человек, который, по вашим словам, вам очень-очень нравится? Честно сознаюсь, не знаю. Это такой невероятно сложный вопрос, на который вам не ответят ни ученые, ни писатели, ни врачи, ни педагоги, ни студенты, ни даже уверенные в себе дипломанты. Все разрешают этот вопрос кто как умеет. И далеко не всегда удачно. Человек может изобрести потрясающую воображение кибернетическую машину, послать ракету к Солнцу, но вызвать к себе страстную любовь востроносенькой Маши или длинного Сережи — это не всегда в человеческих силах. Но по силам человеку делаться лучше. Ведь и любят и выбирают всегда и во всем лучшее».

Кто автор письма: метеоролог, архитектор или просто хорошая женщина из тех, которых много кругом? Во всяком случае, я готова подписаться под ее письмом к студентке Кате М.

— У вас, Верочка, ледяное сердце!..

Рисунок Л. Самойлова.

Лесные слухи.

Рисунок Вл. Гальбы.

НОВЫЙ ЧЕМПИОН СССР

Чемпион СССР по шахматам Виктор Корчной.

Самыми волнующими часами, минутами, а иногда даже секундами на шахматном турнире являются последние. Так было и на XXVII чемпионате страны.

Тиграну Петросяну не хотелось расстаться со своим почетным званием. Он, уставший, после ангины, играл «на втором дыхании» свою пропущенную партию с Б. Спасским и нашел силы, чтобы добиться победы.

Все решил последний день. Если выиграет В. Корчной у А. Суэтина, то Е. Геллеру и Т. Петросяну даже победы последнего тура не помогут.

Ясно, что зал переполнен. Затаив дыхание, зрители следят за каждым ходом, за выражением лица Корчного и Суэтина. Двадцатый ход. Корчной и Суэтин о чем-то разговаривают. Скоро в зале шепчут: «Корчной предлагал ничью — Суэтин отказался!» Ленинградцы предельно волнуются. Зрители в душе согласны на дележ 1—2-го и даже 1—3-го места, лишь бы Корчному «зацепиться». Неужели Корчной подведет в последнюю минуту? Исход чемпионата был решен слабым 36-м ходом Суэтина. Да, один ход решил все, один ход Суэтина «подвел» Петросяна и Геллера, один ход выручил Корчного.

Стало ясно, что чемпион СССР будет гулять не на улице Горького в Москве, не на Дерибасовской в Одессе. Новый чемпион Советского Союза Виктор Корчной украшен золотой медалью чемпиона, и гуляет он по Невскому проспекту в Ленинграде!

В. Корчной провел почти все партии турнира в энергичном, предприимчивом стиле, играл смело, охотно шел на любые осложнения, играл, как принято сегодня говорить, «а ля Таль».

Для Таля новый чемпион страны В. Корчной является самым опасным и «невыносимым» противником. Как шутливо заявил М. Таль, у него с Корчным «равный» счет — 5 : 5. Пять партий закончились вничью, и пять раз он... проиграл Корчному! Талю еще ни разу не удалось победить ленинградца. Полагаю, что эта подробность достаточно говорит о шахматной силе В. Корчного.

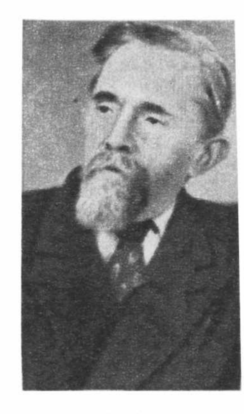
Кстати, приз журнала «Огонек» за красивейшую партию чемпионата присужден тоже ленинградскому гроссмейстеру. Его получил Б. Спасский за партию с Д. Бронштейном.

Чемпионат не дал ответа на разные шахматные вопросы, как, например: что случилось со Смысловым, что происходит с Бронштейном, когда наконец Полугаевский наберет второй гроссмейстерский балл и т. д.

Оставим эти вопросы открытыми до следующего раза. В эти дни у наших болельщиков начинаются совсем другие «заботы». Мастера, наблюдатели, корреспонденты, болельщики начинают настраиваться на предстоящее соревнование: на матч Ботвинник — Таль!

Гроссмейстер С. ФЛОР

Арабская надпись рассказала...

Н. И. Леонов.

Осенью прошлого года беспокойная судьба географа привела профессора Узбекского государственного университета Николая Ивановича Леонова в одну из долин Зирабулакских гор. В холмистой долине приютилось небольшое селение с необычным названием — Тим. «Тим» означает большое крытое торговое здание; такое, например, и поныне стоит в Бухаре, и в нем бойко идет торговля. Жители Тима убеждены, что их селение когда-то было крупным торговым центром, через который пролегала дорога в большие города.

В этом кишлаке профессор Леонов сделал интересное открытие: он описал и сфотографировал древний мавзолей, который сразу привлек к себе внимание ученых. Несмотря на близость к Самарканду, мавзолей в Тиме не был известен, на него до Леонова никто не обратил внимания.

«На территории Узбекистана,— пишет в газете «Правда Востока» известный среднеазиатский археолог профессор М. Е. Массон,— наконец открыт первый во всей Средней Азии и сопредельных с нею странах архитектурный памятник, несущий дату X столетия. Даже широко известный мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре не имеет точно определенного времени сооружения. Оно указывается в пределах нескольких десятилетий».

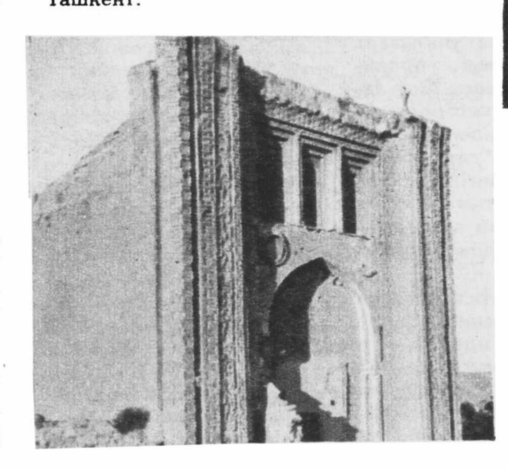
На портале мавзолея в Тиме уцелели следы сильно выветренной арабской надписи, вырезанной по алебастру. Ученым М. Е. Массону и Г. А. Пугаченковой удалось разобрать надпись. Они прочитали: «Год триста шестьдесят седьмой», что соответствует 977 году нашей эры.

В связи с этим открытием ученым придется пересмотреть некоторые даты в истории среднеазиатской архитектуры. Ряд научных организаций Узбекистана наметил в этом году совместное изучение мавзолея.

Профессора Н. И. Леонова знают в Узбекистане как человека, отдавшего более тридцати лет своей жизни воспитанию национальных педагогических кадров, как неутомимого исследователя и общественного деятеля. Н. И. Леонов открыл для науки имя Евграфа Быханова, русского самородка, за 33 года до немецкого геофизика Вегенера высказавшего идею о горизонтальных перемещениях материков. Н. И. Леонов написал увлекательные книги об Улугбеке, Федченко, Семенове-Тян-Шанском. За последние годы неутомимый ученый побывал в самых труднодоступных районах Центрального Тянь-Шаня, Памира и Алая, Сибири.

В. РАЦЕК,
действительный член Географического общества СССР

Ташкент.

Мавзолей в Тиме.

Рисунок Н. ГОЛИКОВОЙ.

К весеннему сезону художники Общесоюзного Дома моделей предлагают новый силуэт костюма. Лиф мягкий, слегка в талию, юбка прямая, узкая или широкая. Пройма рукава расширена и несколько спущена. Длина платья ниже колен на 6—8 сантиметров. Отделка — пуговицы крупные, редко поставленные, и широкие пояса.

Модные цвета: желтый всех оттенков, теплые красные и серо-голубые.

К РИСУНКАМ НА 3-й ОБЛОЖКЕ:

1

Легкое пальто, прямое, кверху слегка расширено. Его хорошо сделать из цветного репса, вельвета или непромокаемой ткани.

ДОМ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛАГАЕТ

Подкладка и косынка из набивного штапельного полотна. Пальто можно носить с поясом.

Тонкая шерсть или плотный шелк подойдут для этого узкого, прилегающего в талии платья. Сзади застежка «молния».

2

Блузка покроя рубашки, юбка прямая, широкая, по талии собрана, с широким поясом. Ткань для блузки — плотный шелк или легкая шерсть, для юбки — тяжелая шерсть или полушерсть.

3

Костюм из ткани букле. Юбка узкая, блуза прямая, длинная, в виде трикотажного джемпера.

4

Весенний костюм из мягкой пестротканой шерсти, с вязаным воротником и шапочкой. Юбка может быть гладкой. Воротник вяжется отдельно на толстых спицах — прямая полоса в крупную «резинку».

Падение метеорита

В одном из горных районов Азербайджана упал железный метеорит. В то утро горы были окутаны густым туманом. Неожиданно появилась ослепительно яркая вспышка, затем последовали громовые раскаты. Экспедиция ученых установила, что метеорит двигался с юго-запада на северо-восток и образовал метеорный дождь. Из найденных осколков самый крупный весит 127 килограммов.

Руководитель работ по исследованию метеоритов академик Азербайджанской академии наук М. А. Кашкай сообщил:

— Наша Академия наук изучает обстоятельства движения и падения метеорита. В нем обнаружено железо с примесью никеля, хром, кремний, магний, алюминий.

Р. МИНАСОВ

Баку.

Ужин лисицы

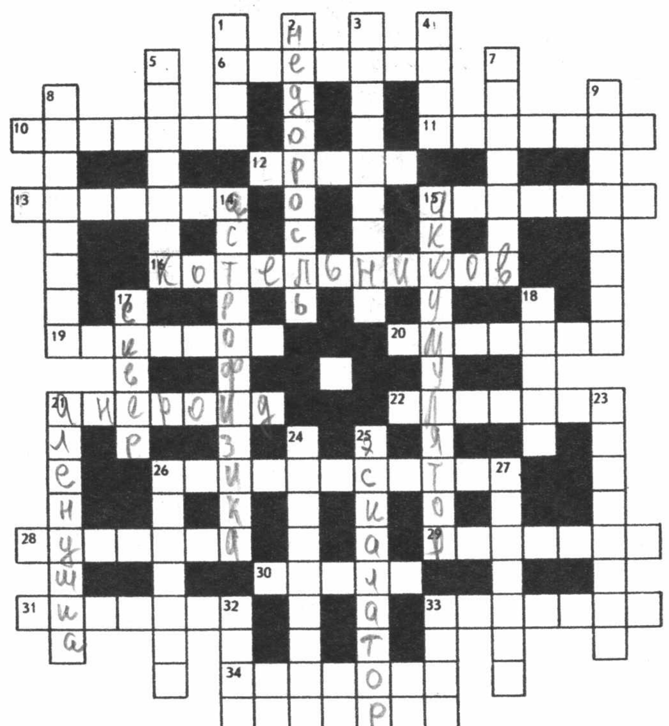
В реке Жиздре зимой много полыней, на которых кормятся дикие утки. По соседству на берегу живут выдры, промышляющие рыбу. В удачливые дни выдры часть добычи прячут в снегу.

Пронюхала лисица, что на полыньях зимуют утки, и решила полакомиться утятиной. Вечером, когда птицы вышли на лед, плутовка затаилась в ивняке. Но только она выползла из кустов, как сторож-селезень вынул нос из теплого пуха: «Кря! Кря! Спасайтесь!» И утки с шумом улетели.

Подбежала лиса к тому месту, где сидели утки, понюхала лед. Вкусно пахнет! Неожиданно в нос ударил другой запах. Он и повел лису прямехонько к кладовой выдры. Плутовка разгребла снег и вкусно поужинала за хозяйку.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Чемпионка мира. 10. Вещество, применяемое для производства искусственного волокна. 11. Столица государства в Азии. 12. Газ, наполняющий лампы накаливания. 13. Опера П. И. Чайковского. 15. Звезда красного цвета. 16. Изобретатель авиационного парашюта. 19. Садовые ножницы. 20. Условное, символическое изображение. 21. Металлический барометр. 22. Наивысшая вершина Большого Кавказа. 26. Учебно-научное заведение. 28. Лиственный лес. 29. Сорт сливы. 30. Рыба, обитающая в Каспийском море. 31. Город на реке Темзе. 33. Персонаж романа Г. Николаевой «Битва в пути». 34. Летчица, Герой Советского Союза.

По вертикали:

1. Приток Ветлуги. 2. Комедия Д. И. Фонвизина. 3. Негармоничное сочетание звуков. 4. Календарный месяц. 5. Деталь трубопровода. 7. Фотографическое изображение. 8. Первый учебник по русской истории. 9. Героиня романа Л. Н. Толстого. 14. Раздел астрономии. 15. Прибор для накопления электрической энергии. 17. Городской сад. 18. Африканская лошадь. 21. Картина В. М. Васнецова. 23. Роман Ф. Купера. 24. Один из самых холодных пунктов земного шара. 25. Движущаяся лестница. 26. Советская балерина. 27. Минерал, природная окись меди. 32. Автор иллюстраций к «Дон-Кихоту». 33. Административно-территориальное образование.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

4. Кошевой. 7. Жигули. 8. «Стучит!». 10. Сухонос. 12. «Богема». 13. Симеиз. 16. Летописец. 17. Шевиот. 19. Карузо. 21. Картофелекопатель. 22. Павиан. 24. Медуза. 26. Сельдерей. 27. Китель. 30. Сантим. 31. Наречие. 32. Бекмес. 33. Перрон. 34. Бутафор.

По вертикали:

1. Косинус. 2. Пешеморепереходященская. 3. Толстой. 5. Либретто. 6. Пирамида. 9. Боровиковский. 11. Физкультурник. 14. Рейсфедер. 15. Череповец. 17. Штамп. 18. «Титан». 19. Кутум. 20. Омега. 23. Арсеньев. 25. Единорог. 28. Саксаул. 29. Симплон.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. **Оформление И. Уразова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00846. Подписано к печати 2/III 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 170. Заказ № 463.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

МОДЫ
1
2
3
4

Цена номера 3 руб.